

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ЕПИФАНІЯ КИПРСКАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Типографія В. Готье, на Кузнецкомъ мосту, № Торлецкаго.

1872.

О НОЕТИАНАХЪ,

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ, А ПО ОБЩЕМУ ПОРЯДКУ ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ ЕРЕСИ.

Гл. 1. Послѣ Вардисіана. не за много лѣтъ предъ симъ, но лѣтъ за сто тридцать до нашего времени (больше или меньше) возсталъ еще другій еретикъ. по имени Ноетъ. уроженецъ Асійскій. изъ города Ефеса. Увлекаемый чуждымъ духомъ, онъ захотѣлъ самъ отъ себя говорить и учить. чего не говорили пророки и апостолы. и чего изначала не содержала церковь, и не имѣла въ мысли. Самъ по себѣ превознесшись безумнымъ превозношеніемъ, дерзнулъ онъ говорить: будто пострадалъ Отецъ. А возносясь еще бѣльшимъ какимъ-то надменіемъ и сумасбродствомъ. о себѣ говорилъ. что онъ—Моисей, а о братѣ своемъ, что онъ Ааронъ. Но между тѣмъ, послѣ того, какъ это разгласилось о Ноетѣ, блаженные пресвитеры церковные. вызвавъ его. допрашивали о всемъ этомъ. и о томъ, предлагалъ ли онъ сію самую хулу объ Отцѣ. Но онъ, бывъ приведенъ предъ

собрание пресвитеровъ, сперва отрицался, потому что до него никто не изрыгалъ этой страшной и погубительной горечи. Въ послѣдствіи же, когда, такъ сказать, нагрузили другихъ бѣшенствомъ, которое въ немъ было, и привлечь къ себѣ около десяти мужей, то, превознесшись еще большимъ надменіемъ и дерзостію, сдѣлался дерзокъ, и сталъ уже открыто учить своей ереси. Опять тѣже самые пресвитеры вызвали его и людей, растлившихся вмѣстѣ съ нимъ, и спрашивали опять о томъ же. А онъ, вмѣстѣ съ введенными имъ въ заблужденіе, съ безстыднымъ челомъ сталъ уже открыто прекословить, говоря: „что худаго дѣлаю я тѣмъ, что одного Бога славлю, одного Бога знаю, и кромѣ его не знаю инаго Бога, родившагося, пострадавшаго, умершаго“? По сему такъ какъ онъ остался при этомъ, то его, вмѣстѣ съ обученными имъ своему догмату, извергли изъ церкви. Скончался же онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ не въ давнее время, но не въ славѣ, какъ Моисей, и не былъ погребенъ съ честію, какъ братъ Моисея Ааронъ. Ибо они были извержены, какъ отступники, и никто изъ богочестивыхъ ихъ не похоронилъ. Послѣ сего растлѣнные по вліянію Ноета, умомъ, утвердили это ученіе, увлеклись тѣми же реченіями, какими и ихъ худой учитель въ началѣ. Ибо когда на вопросъ собранія пресвитеровъ онъ сказалъ, что славить одного Бога: то услышалъ

отъ нихъ слова любви ихъ къ истинѣ: мы и сами одного Бога славимъ, но, какъ знаемъ, правильно славимъ; и мы одного Христа имѣемъ, но, какъ знаемъ, одного Христа Сына Божія, пострадавшаго, какъ пострадалъ, умершаго, какъ умеръ, воскресшаго, возшедшаго на небо, сущаго одесную Отца, грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ. Вотъ что мы говоримъ, вотъ что знаемъ, наученные божественными писаніями.

Гл. 2. Съ сего-то времени и Ноетіане, составляющіе обрывокъ самого Ноета, и его послѣдователи, принимаютъ сей догматъ, и пытаются подтвердить свое неистовое ученіе сими реченіями, сказанными Богомъ Моисею: *Азъ есмь Богъ отцевъ вашихъ* (Исх. 3, 6). *Азъ первый, и Азъ по сихъ* (Исх. 44, 6). *Да не будутъ тебѣ бози инии* (Исх. 20, 3), и такъ далѣе. По сему еретики говорили: „по этому мы и знаемъ Его одного. А если Христосъ пришелъ и родился: то одинъ и тотъ же Отецъ, одинъ и тотъ же Сынъ, а по тому одинъ и тотъ же Богъ вѣчный и нынѣ пришедшій, какъ говоритъ писаніе: *сей Богъ твой, не вльнитъ инъ къ Нему. Изобръте всякъ путь хитрости, и даде ю Иакову отроку Своему, и Израилю возлюбленному отъ Него. Поселъ на земли явися, и съ человекѣ поживе* (Вар. 3, 36—38). Видишь, говорятъ, какъ опять божественное писаніе вразумляетъ насъ. не признавать Бога и еще

Бога, утверждая, что одинъ и тотъ же Богъ пришелъ, и также одинъ и тотъ же явился въ послѣдствіи“. А также пользуются другимъ изреченіемъ, въ которомъ сказано: *утрудися Египетъ, и купли Евіонскія, и Саваимстїи мужи висоцѣи къ тебѣ прейдутъ, и тебѣ раби будутъ, и пойдутъ въ слѣдъ тебе связаны узами ручными, и въ тебѣ поклонятся и въ тебѣ помялятся, яко въ тебѣ Богъ есть, и нѣсть Бога развѣ тебе. Ты бо еси Богъ, и не вдѣхомъ. Богъ Израилевъ Спасъ.* (Исх. 45, 14. 15). „Видишь ли“ говорятъ „какъ божественныя Писанія даютъ знать о единомъ Богѣ, и возвѣщаютъ о его явленіи? И по общему признанію, Онъ одинъ и тотъ же, всегда сущій. И по сему-то мы говоримъ, что не много боговъ, но одинъ Богъ, одинъ и тотъ же не причастенъ страданію, одинъ и тотъ же Отецъ Сына, одинъ и тотъ же Сынъ, и пострадалъ, чтобы спасти насъ Своимъ страданіемъ, и намъ нельзя говорить, что есть иной Богъ“, очевидно, по тому, что отъ наставника своего научились сему исповѣданію, и худому этому мнѣнію, и погибельному безумію.

Потомъ представляютъ въ свою пользу другія изреченія, какъ и учитель ихъ говорилъ: „и Апостоль свиѣгельствуетъ въ пользу сихъ словъ, говоря: *ихже отцы, отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благовенъ во вѣки, аминь* (Рим. 9, 5). „И хотятъ объяснить это односторонне такимъ же спосо-

бомъ, какъ Θεодотъ. Ибо тотъ, впадая въ величайшую крайность, разглагольствовалъ, что Христосъ по естеству просгый человекъ. а этотъ ¹⁾, впадая еще въ другую крайность, думалъ, что единолично одинъ и тотъ же Богъ Отець, Сынъ и Святыи Духъ. пострадалъ и родился во плоти. По сему ни тѣ, то есть, послѣдователи Θεодота, не сказали чего либо по истинѣ; ни также этотъ разумникъ ²⁾ съ своими послѣдователями, лучше же сказать, въ самомъ дѣлѣ неразумный, какъ избличаютъ тѣхъ и другихъ и всѣхъ введенныхъ въ заблужденіе божественныя писанія.

Гл. 3. Ибо всякому, стяжавшему разумъ о Богѣ и просвѣщенному божественнымъ писаніемъ и Духомъ Святымъ, удобооблично ихъ ученіе, и является исполненнымъ всякаго неразумія. Ибо это—дерзкое дѣло и ослѣпленіе ума—утверждать, будто одинъ и тотъ же Отець, и Онъ же Сынъ, и Онъ же пострадалъ; потому что утверждающіе это подлежатъ осужденію и по правильному и основательному ³⁾ разсужденію. Ибо какъ можетъ быть Отцемъ, кто самъ же и Сынъ? Если—Сынъ, то безъ сомнѣнія чей-либо, сынъ того, отъ кого родился; если же—Отець, то не возможно родить себя самаго.

¹⁾ Ноевъ.

²⁾ Таково значеніе имени: Ноевъ на греческомъ языкѣ

³⁾ Довѣрено по венеціанскому списку: *καὶ εὐλόγων.*

Да и опять сыномъ называютъ не того, кто самъ себя родиль, но кто родился отъ отца. И, о какъ велико поврежденіе умовъ у этихъ людей, и какъ неправильны умозаключенія! Ибо подлинно основательно не то, что думаютъ сіи еретики, но что показываетъ намъ истина въ божественномъ писаніи. Ибо вотъ Господь скажетъ: *се уразумѣтъ* (Исх. 52. 13.) *отрокъ Мой возлюбленный, Ею же изволихъ, Ею же возлюбила душа Моя: положу духъ Мой на Немъ* (Мѡ. 12, 18). Видишь, какъ гласъ Отца указываетъ на естественнаго Сына, на которомъ полагаетъ Отецъ и Духа Своего? Потомъ Самъ Единородный говоритъ: *прослави Мя, Отче, славою, юже имѣхъ у Тебе прежде*, нежели получилъ бытіе міръ (Іоан. 17, 5.). А кто говоритъ: *Отче, прослави Мя*, тотъ не себя самого называетъ отцомъ, а напротивъ того признаетъ отцомъ Своего Отца. Опять въ другомъ мѣстѣ: пришелъ *гласъ* съ неба: *Сей есть Сынъ Мой: Того послушайте* (Мѡ. 17. 5.). И не сказалъ: Я есть Сынъ Мой: Меня послушайте, не сказалъ также: Я сдѣлался Сыномъ; но *сей Сынъ Мой: Того послушайте*. Еще сказано: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30.). Не сказалъ Господь: *Азъ и Отецъ Мой единъ есмь*; но: *Азъ и Отецъ Мой едино есма*. А слова: *Азъ и Отецъ* (*εγὼ καὶ ὁ πατήρ*), такъ какъ посреди ихъ есть членъ: *ὁ*, и союзъ: *и* (*καί*), даютъ знать,

что Отецъ подлинно есть Отецъ и Сынъ подлинно есть Сынъ.

Гл. 4. Также и о Святомъ Духѣ: *еще иду. Онъ придетъ, Духъ истины* (Иоа. 16, 7. 13). А это весьма ясно: *Азъ* отхожу, и *Онъ* приходитъ. Не сказалъ Господь: *Азъ* отхожу, и *Азъ* прихожу; но словами: *Азъ* и *Онъ* да въ знаютъ объ ипостасности Сына и объ ипостасности Святаго Духа. И еще: *Духъ истины, отъ Отца* исходящій (15, 26.), и: *отъ Моего прилетъ* (16, 14.). Симъ Господь хочетъ показать, что ипостасенъ Отецъ, ипостасенъ и Сынъ, ипостасенъ и Духъ Святой. А еще: на Иорданѣ Отецъ глаголаше свыше, Сынъ исходилъ въ Иорданъ, а Духъ посреди явился въ видѣ голубя и пришелъ на Сына; хотя Духъ не носилъ плоти, и не облакался въ тѣло, но что бы не подумали, будто онъ въ слияннн съ Сыномъ, Духъ Святой принимаетъ на себя видъ голубя, что бы видно было, что Духъ по естеству Своему ипостасенъ. Но и инымъ чѣмъ не можемъ мы доказать о сихъ еретикахъ, что они сами себѣ породили поврежденіе ума? Ибо если истинны ихъ мнѣніе и ихъ рѣчь, вчерашняя ¹⁾ и не имѣющая ни связности, ни силы, ни разумнаго смысла или значенія: то должны быть отвергнуты Писанія.

¹⁾ Или въ смыслъ неважнаго полсненія, или въ смыслъ негодности (ἄλογος).

которыя повсюду признають Отца Отцомъ, Сына Сыномъ, Духа Святаго Святымъ Духомъ.

Но что ты говоришь? Какъ бы не ввели многобожія тѣ, которые истинно воздають почтеніе Троицѣ, то есть. сыны истины и апостольской и единой вселенской церкви? Это не такъ. Ибо кто не скажетъ, что единый Богъ истинно есть Отецъ Вседержитель, отъ Котораго Единородный Сынъ, истинный Богъ Слово, Слово ипостасное, истинно рожденное отъ Отца безначально и внѣ времени? По сему церковь непоколебимо проповѣдуетъ, что Отецъ и Сынъ—одинъ Богъ; потому что *Азъ во Отцѣ. и Отецъ во Мнѣ* (Іоа. 14, 10.). и *Мы двое едино есма* (Іоа. 10, 30.). то есть, одно Божество. одно хотѣніе, одно господство. Отъ сего же Отца исходитъ и Духъ. ипостасный и истинно совершенный Духъ истины, просвѣщающій все, отъ Сыновняго приѣмлющій *Духъ истины* (Іоа. 16 13. 14.), *Духъ Отца* (Мѣ. 10. 20.). *Духъ Христовъ* (1 Петр. 1, 11.). Вотъ почему церковь признаетъ одно Божество: истинный Отецъ, совершенный ипостасный Отецъ. и Сынъ, совершенный ипостасный Сынъ. и Свягый Духъ. совершенный ипостасный Свягый Духъ,—одинъ Богъ, одно Божество. одно владычество. одно господство. По сему божественныя писанія ясно проповѣдали по всюду о единомъ Богѣ, то есть о единосущной Троицѣ, всегда одной и той же по Божеству. одной и той же по господству.

И совсѣхъ сторонъ оказалось несостоятельнымъ твое, разумникъ, неразумное ученіе. Послѣ того, какъ сказано это. и въ противоположность рѣчамъ выше названнаго Ноета надлежитъ съ начала разсмотрѣть и за тѣмъ опровергнуть главныя его основанія.

Гл. 5. По сему такъ какъ первое приведенное имъ основаніе то, что *единъ Богъ, изъ Негоже вся, и мы у Него: и единъ Господь Иисусъ Христосъ.* для Котораго ¹⁾ *вся и мы Тѣмъ* (1 Кор. 8, 6.): то развѣ не видишь, какъ Апостоль словами: *единъ Богъ, изъ Негоже вся, и мы у Него.* дать знать объ одномъ началѣ, для того, что бы не обратитъ мыслей ко множеству началъ и умъ человѣческой. преданный заблужденію пустословнаго многобожія, не ввести снова въ многобожіе? Видишь. по чему Апостоль употребляетъ одно имя и одно именованіе, хотя не отрицаетъ Божества Единороднаго. Ибо признаетъ Его Господомъ, а вмѣстѣ признаетъ Его Богомъ. по чему удостовѣрительно говорить: *единъ Господь Иисусъ Христосъ. Имже вся.* И говоря *это* о Томъ. Кого именуешь *Господь.* не то дать разумѣть, что одинъ и тотъ же Отецъ и Сынъ. но показываетъ, что Отецъ—Отецъ, а Сынъ истинно Сынъ; потому что говорить объ Отцѣ: *единъ Богъ,* не въ отрицаніе

¹⁾ *ἅς ὅς;* но по общепринятому чтенію сего мѣста: *δὲ ὅς.* Св. Елифаній, какъ видно изъ посылкающаго, принимаетъ то и другое чтеніе

того, что Сынъ есть Богъ. (Ибо если не Богъ, то и не Господь: поелику же Господь, то и Богъ). Напротивъ того святыи Апостолъ, понуждаемы Духомъ Святымъ употребить одно именованіе, выразилъ намъ вѣру такъ, — что ясно далъ разумѣть, что единъ Господь, а слѣдовательно и Богъ.

Но пусть никто не думаетъ, будто у Апостола, поелику онъ говоритъ о единомъ и единомъ, недочетъ до числа троицы, потому что Апостолъ не поименовалъ Святаго Духа. Наименовавъ Отца и Сына Богомъ и Господомъ, онъ именовалъ во Святомъ Духѣ (1 Кор. 12, 3.). Ибо тѣмъ, что сказалъ объ Отцѣ: *единъ Богъ, изъ Него же вся*, не отвергъ, что Онъ — Господь ¹⁾. А также тѣмъ, что сказалъ: *и единъ Господь Иисусъ Христосъ*, не отвергъ, что онъ — Богъ. Но какъ, говоря объ Отцѣ, удовольствовался однимъ наименованіемъ: *единъ Богъ*, а ясно, что вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Онъ Богъ, Онъ и Господь: такъ и говоря о Сынѣ, удовольствовался именованіемъ: *единъ Господь*; въ этомъ же: *единъ Господь*, заключается и: Богъ. Итакъ, говоря объ Отцѣ и Сынѣ, Апостолъ былъ не безъ Духа Святаго, но, какъ сказалъ я, вѣщалъ во Святомъ Духѣ. Ибо Святому Духу всегда обычно не выставлятъ Себя на видъ, что бы

¹⁾ По изданію Дидорфа: Христосъ, очевидно, ошибка, по прочимъ изданіямъ. Господь.

не подать и намъ образца выставлять самихъ себя на видъ. Итакъ *едино Богъ Отецъ, изъ Него же вся: и Единъ Господь Иисусъ Христосъ, Имже вся*, или для Котораго *вся*: и единъ Святыи Духъ, не чуждый Богу. но ипостасный, по тому что Онъ Духъ Божій, Духъ истины, Духъ Отчий, Духъ Христовъ.

Гл. 6. А есть ли нужда говорить и о семъ основаніи: утрудися Египетъ, и купли Евіопскія и Саваимстїи мужи висоцыи къ тебѣ преидутъ, и: ты еси Богъ, и не вдѣхоль, и тебѣ раби будутъ, и пойдутъ въ слѣдъ тебе связаны узами ручными, и въ тебѣ поклоняются, и въ тебѣ помолятся, яко къ тебѣ Богъ есть, и нѣсть Бога развѣ тебе. Ты бо еси Богъ, и не вдѣхоль, Богъ Израилевъ Спасъ. (Исх. 45, 14. 15)? „Не видишь ли“, говорятъ. „что буквально одинъ Богъ?“ Вотъ на основаніи сколькихъ изреченій, какъ показали мы, не разумѣя сказаннаго, но ухищренно обѣкая писанія, толкуя вкось, и въ превратномъ видѣ приводя слова, непослѣдовательно и невпопадъ вѣщаешь. и не связно учить Ноетъ, а такъ же мыслятъ происшедшіе отъ него Ноетїане. Ибо какъ худому псу имя левъ. и тѣхъ, кто советѣмъ не видятъ, зовутъ многовидящими, а желчь называютъ сладостью. и оцетъ иные именуютъ медомъ, а еринній евменидами ¹⁾: такъ и этотъ, по имени ра-

¹⁾ То есть, божества чистительныя—благожелательницами. Таковъ дѣйствительно бытъ обычай древнихъ, да преимущественно Ашшитъ, повос-

зумникъ, оказывается неразумнымъ, и получившіе отъ него имя въ слѣдъ за нимъ неразумничаютъ, и совсѣмъ не разумѣютъ послѣдовательности того, что онъ утверждаетъ, и чего они держатся, такъ что на нихъ исполняется изреченіе святаго Апостола: *ни яже глаголютъ, разумлюще, ни о нихже утверждаютъ* (1 Тим. 1, 7).

Гл. 7. Ибо посмотрите, мужи братья, какъ выше говорить божественное писаніе, лучше же сказать, самъ Господь, какъ сказано въ началѣ главы. Отсюда и должно показать всю истину и все содержаніе этой главы. *Вопросите Мене о сынѣхъ Моихъ, и дщерехъ Моихъ, и о дѣлахъ руку Моею заповѣдите Мнѣ. Азъ сотворихъ* (говорить) *землю, и челоуька на ней, Азъ рукою Моею утвердихъ небо, Азъ всѣмъ звездамъ заповѣдахъ. Азъ возставихъ съ правдою царя, и вси путіе ею правы, сей созиждетъ градъ Мой, и плъненіе возвратитъ, не по мзду, ни по даромъ: рече Господь Саваоѡъ.* (Исх. 45, 11—13.). Потомъ уже: *утрудися Египетъ, и купи Еѡіонскія*, и такъ далѣе, яко въ ¹⁾ *тебѣ Богъ есть.* Въ комъ же. скажемъ мы, какъ не въ Словѣ Отчемъ? Ибо Сынъ по истинѣ есть Богъ Слово. и въ Немъ познается Отецъ, какъ

ныя качества прикрывать въ рѣчи благовидными названіями. Древніе грамматисты называли это ангифразомъ. Phot. Biblioth. Cod. 279.

¹⁾ Это болѣе точный переводъ предлога: *ѣу*, который стоитъ въ подлинникѣ, невелика къ славянской Библии.

говорить Онъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоа. 14, 9); и: *Азъ прославихъ* имя Твое на земли (Іоа. 17, 4.). Потомъ еще: *Азъ возставихъ царя* (Иса. 45, 13.). Не видишь ли, что это собственно гласъ Отца, самъ отъ себя возставляющій царемъ надъ всѣми истинное Слово, какъ истинно рожденное безначально и довременно? Отецъ и *наки* поставилъ (*ἤγειρε*) Его царемъ, какъ говоритъ Святой Апостоль, который скажетъ: *аще ли же Духъ Воскресившаго* (*τοῦ ἐγείραντος*) Христа отъ мертвыхъ *живетъ въ васъ, Воздвигий* (*ὁ ἐγείρας*) Христа изъ мертвыхъ, *оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша, живущимъ Духомъ Ею въ васъ* (Рим. 8, 11.). Такъ слова пророческія согласны съ апостольскими, и апостольскія съ евангельскими, и евангельскія съ апостольскими, и апостольскія съ пророческими. Еще, *Азъ возставихъ царя*; а здѣсь *Воздвигающій Христа изъ мертвыхъ*. Словами же: *въ тебѣ Богъ есть*, какъ таинственно и удивительно излагаетъ все это божественное писаніе! Здѣсь было предвидимо и предвозвѣщаемо чаянію людей, за обращеніе къ Богу, Божество во плоти, какъ въ храмѣ. Ибо Сынъ Божій — Богъ Слово, какъ бы во святомъ градѣ и во святомъ храмѣ, то есть, во святомъ вочеловѣченіи и плотскомъ пришествіи, говоритъ, какъ Богъ, обитающій во святомъ храмѣ: *разорите церковь сію, и трети дни воздвину ю* (Іоа. 2, 19.); потому что Богъ Слово,

бывъ посланъ отъ Отца во плоти, все устрояетъ таинственно и показуя союзъ любви духовной, влечетъ за Собою. такъ какъ и при умаленіи Себя Самаго Онъ есть великій Богъ, есть Само Слово, какъ единый Сынъ Божій. рожденный отъ Дѣвы по дѣйствию Духа Святаго, содѣлавшій Себя единымъ по плоти и по духу. Потому говорить: *сшедый, Той есть и восшедый* (Еф. 4, 10), *Сынъ человѣскій, сый на небеси* (Іоа. 3, 13).

Гл. 8. Что же скажетъ Ноеть въ неразуміи своемъ? Не былъ ли ¹⁾ на небѣ плотію? Очевидно, не былъ. Какъ же *сшедый* съ неба, *Той есть и восшедый*? Но сіе сказано въ показаніе того, что пришедшее Слово не есть дольнее, но низошло свыше. Поелику Онъ вочеловѣчился плотію не отъ сѣмени мужескаго, а совершилъ свое домостроительство духомъ и плотію: то посему, въ показаніе *совершеннаго* единства въ соединеніи и вочеловѣченіи Слова, сказуетъ, что Пришедшій свыше восходитъ горѣ въ совершенствѣ Божества. Ибо теперь не бывший нѣкогда плотію, но бывший духомъ сталъ плотію отъ Духа и Дѣвы; таково принесшееся ко Отцу, совершенное Слово, которое прежде сего на небѣ не было плотію. Чѣмъ же было Оно на небѣ, какъ не такимъ Словомъ. какое послано съ неба, по силѣ имѣющимъ единеніе съ Отцемъ въ единствѣ Божества? Симвъ пока-

¹⁾ Очевидно, Богъ Слово.

зуются, что на землѣ и на небѣ былъ одинъ и тотъ же Богъ Слово, непреложный и неизмѣнный. Ибо Онъ былъ Слово, всегда былъ Богъ, былъ духъ, былъ сила; но воспринявъ на себя обычное и вмѣстительное людямъ имя, сталъ называться Сыномъ человѣческимъ, хотя есть Сынъ Божій, да и у пророковъ прежде, нежели былъ Сыномъ человѣческимъ, именуется имъ, хотя еще не былъ во плоти, по тому что это имѣло совершиться съ Нимъ. Такъ и Даніиль сказалъ: я видѣлъ *яко Сына* человѣческаго идущаго *на облацяхъ* (Дан. 7, 13.). Посему справедливо пророкъ, называющій Сына человѣческаго, видѣлъ Духомъ Святымъ Слово на небѣ подъ этимъ именемъ, созерцая это прежде, нежели сдѣлалось, и называя Сыномъ человѣческимъ прежде воплощенія. Посему Единородный, послѣ говоря о томъ, что было прежде, скажетъ: *никтоже взыде на небо, токмо сшедый съ небесе, Сынъ человѣскій* (Іоа. 3, 13.), какъ имѣющій называться симъ именемъ не потому, что горѣ былъ плотію, но потому, что низшелъ свыше.

Гл. 9. Еще на что такое указываешь ты, Ноетъ? Сказано: *Сей Богъ нашъ, и не вльнитя иный* (Вар. 3, 36.). И весьма хорошо сказано. Такъ и Апостоль утверждаетъ: *иже отцы, и отъ нихже сынъ по плоти, сый надъ всеми Богъ* (Рим. 9, 5.). Дивное это ученіе! Онъ—*сый надъ всеми Богъ*, потому что Самъ учитъ насъ:

вся Мнѣ предана суть Отцелѣ Моиимѣ (Мѣ. 11, 27.); посему Онѣ и *надѣ всѣми Богѣ*. Такѣ свидѣтельствуетъ и Іоаннѣ, говоря: *еже бѣ исперва, еже слышахомѣ, и очима видѣхомѣ, и руки наша осязаша* (1 Іоа. 1, 1.). И опять въ Апокалипсисѣ Онѣ говоритѣ: *сый* отъ начала, и *врядый, Вседержитель* (Апок. 1, 8.). Во всѣхъ отношеніяхъ сказалѣ Онѣ прекрасно: ибо прекрасно сказалѣ: *вся Мнѣ предана суть Отцелѣ Моиимѣ*, и научилѣ въ точности. По сему, хотя Онѣ *сый надѣ всѣми Богѣ*, но имѣетъ Своего собственнаго Отца, по чему и говоритѣ: *отхожу ко Отцу* (Іоа. 16, 10.). Если же бы Онѣ былѣ Самъ Отецъ, то къ какому Отцу отходитѣ Онѣ, скажи неразумный. Еще Онѣ говоритѣ: *да будутѣ едино*, какѣ Я и Ты *едино есмь* (Іоа. 17, 22.).

Гл. 10. Ибо писаніе всегда, предупреждая впаденія людей въ крайность, всѣми способами собираетъ умѣ на средній путь истины. Противъ тѣхъ, которые думаютѣ, будто Сынѣ чуждѣ Отцу, разумѣю, какѣ думаетѣ Аріій съ иными ересями, говоритѣ: *Азѣ и Отецѣ едино есма* (Іоа. 10, 30.). А противъ тѣхъ, которые потому, что сказано: *Азѣ и Отецѣ едино есма*, думаютѣ, будто одинѣ и тотѣ же Отецѣ, и одинѣ и тотѣ же Сынѣ, говоритѣ: сотвори, *да они будутѣ едино, якоже* и Я и Ты *едино есмь*, чѣмѣ постыждаетѣ Носта и его школу, представляя на видѣ единеніе учениковѣ. Ибо Петръ, Іоаннѣ и слѣдующіе за ними развѣ могли бытъ одно какѣ

бы по слянію? Но поелику Отець и Сынъ едино по единству Божества и по единой волѣ и силѣ; то сіе сказано для отраженія всякаго предположенія, какое могло бы съ той или съ другой стороны возстать противъ истины. Святыи же Апостоль Филиппъ говоритъ: *покажи намъ Отца Твоего*; а Онъ сказалъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоа. 14, 8. 9.). И не сказалъ: *Я есмь Отець*; но указывая на Себя говоритъ: *Мене*, а: *видѣ Отца* говоритъ не о Самомъ Себѣ. Ибо иное: *Отца*; иное: *Мене*; и иное: *Я*, и другое: *Мене*. Ибо если бы Онъ Самъ былъ Отець, то сказалъ бы: это—*Я*; поелику же Онъ Самъ не Отець, но Сынъ, то истинно говоритъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца*, что бы отразить хулу Аріеву, которою Сынъ отчуждается отъ Отца.

По сему, когда все писаніе ясно указываетъ намъ путь истины, то будемъ трезвенны, и такъ какъ мы отразили, вмѣстѣ съ иными ересями, сего Ноета и его ересь, то есть, ересь Ноетіанъ, какъ дракона, называемаго черепокожнымъ, который, при преслѣдованіи человѣка, не можетъ уклониться ни на право ни на лѣво: то, уклонившись отъ него и его школы и негоднаго ученія, по силѣ Божіей устремимъ умъ къ слѣдующимъ за сею по порядку ересямъ, для изложенія и обличенія странныхъ ученій, измышленныхъ въ сихъ ересяхъ вопреки истинѣ.

О ВАЛИСИЯХЪ,

ТРИДЦАТЬ ОСЬМОЙ, А ПО ОБЩЕМУ ПОРЯДКУ ПЯТЬДЕСЯТЬ
ОСЬМОЙ ЕРЕСИ.

Гл. 1. О Валисіяхъ мы часто слыхали; впрочемъ не знаемъ, гдѣ, кто былъ этотъ Валисъ, или откуда вышелъ, или чему училъ, что внушалъ или проповѣдывалъ. Впрочемъ имя это, какъ арабское, даетъ намъ нѣкоторое основаніе думать, что онъ и ересь его еще доселѣ продолжаютъ, — что предположительно, какъ сказалъ я. есть нѣкоторые въ Вакаѣ, въ странѣ Филадельфійской, по ту сторону Іордана. Туземцы хотятъ называть ихъ гностиками; но они не изъ гностиковъ, ибо мудрованія ихъ другія. А чтò дошло о нихъ до насъ, то таково.

Многіе изъ нихъ до нѣкотораго времени собирались въ церкви, доколѣ ихъ безуміе распространилось, и они извержены изъ церкви. Всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, ¹⁾ оскоп-

¹⁾ Слова: „за исключеніемъ немногихъ“, суть добавка венеціанскаго списка, по другимъ спискамъ не встрѣчающаяся.

лены. И о началахъ, и о властяхъ, и о другомъ они такъ) думаютъ. И когда примутъ человекъ въ ученики: то во все то время, пока у него не отрѣзаны половыя части, онъ не вкушаетъ животной пищи; а когда склоняютъ его на то, или съ принужденіемъ оскоряютъ его: тогда онъ вкушаетъ все, что угодно, какъ уже прекратившій подвигъ и болѣе не находящійся въ опасности отъ раздраженія яствами дойти до похоти сластолюбія. И не только съ своими поступаютъ такимъ образомъ, но часто и проходящихъ странниковъ, пользующихся ихъ гостепріимствомъ, располагаютъ къ этому состоянію, какъ много рассказываютъ о семъ. Они тащатъ таковыхъ внутрь и сзади связавъ ручными узами, ²⁾ съ принужденіемъ налагаютъ руки

1) То есть, по видимому, какъ о неизмѣющихся половыхъ частей. Но вѣрнѣе предположеніе Петавія, что здѣсь чего либо не достасть. И можетъ быть, не неумѣстно воспользоваться къ уясненію этихъ словъ параллельнымъ мѣстомъ изъ панопліи, Никиты Хоніата, приводимымъ у Элера съ греческихъ рукописей въ приложеніяхъ къ его изданію Панарія (Corp. haeresiolog. T. 2. p. 3. pag. 645). Въ этомъ мѣстѣ читаемъ: „думаютъ сходно съ Архонтиками, Сиоіанами и имъ подобными“?

2) Въ подлинникѣ: *συνφελίους*. По объясненію Дюканжа (въ его glossar. med.—et inf. graecit. col. 1479.), *συνφέλλιον* то же, что латинское *subsellium*, то есть, скамья или сѣдалище низшаго достоинства. Но принять что и въ настоящемъ мѣстѣ это слово должно имѣть такое значеніе, препятствуетъ грамматической строй рѣчи въ этомъ мѣстѣ; въ слѣдствіе чего, вѣроятно, вмѣсто чтенія венеціанскаго списка: *ἐπίσω συνφελίους*, по другимъ спискамъ читается: *Ἐπί συνφελίους*. Во всякомъ случаѣ болѣе внушаетъ къ себѣ довѣрія чтеніе Никиты Хоніата въ приведенномъ выше мѣстѣ: *σὺν φέλλιους* (см. прим. 9.), согласно съ которымъ и переводимъ мы это слово.

и совершаютъ отъятіе членовъ. И вотъ что дошло до насъ объ этихъ еретикахъ. Знали мы объ нихъ, въ какомъ мѣстѣ они имѣютъ пребываніе; и такъ какъ имя это часто встрѣчается въ тѣхъ странахъ, а другаго имени этой ереси мы не слышали, то и подумали, что это—ересь Валисіевъ.

Гл. 2. Но велико умственное поврежденіе таковыхъ еретиковъ. Ибо, если хотятъ исполнить изреченіе Евангелія: *если соблазняетъ тя одинъ изъ членовъ твоихъ, то отсѣки отъ себе: ибо полезнѣе ти внити въ царство небесное или хрому, или слѣпому, или безъ руки* (Мѳ. 18, 8.): то развѣ въ царствѣ можно быть кому либо увѣчному? Если царство небесное все имѣетъ совершенное: то въ немъ нѣтъ ничего несовершеннаго. И какъ скоро есть воскресеніе тѣла: то всѣ члены возстанутъ, и ни который изъ нихъ не будетъ оставленъ. И если вообще, не возстаетъ одинъ членъ: то и все тѣло не возстанетъ. И если оставляется не воскресимъ одинъ только членъ, тотъ самый, который соблазняетъ: то не останется вообще ни который изъ членовъ; ибо всѣ они соблазнили насъ. Но кто отторгнетъ отъ себя сердце, отъ котораго всѣ соблазны? *Изнутри бо* (сказано) *исходятъ любодѣнія, прелюбодѣнія, студодѣнія,* и симъ подобное (Марк. 7. 21. 22). Кто же исторгнетъ сердце свое? А если, согласно съ безумнымъ и нечестивымъ мнѣніемъ

нѣкогорыхъ, тѣло не возстаетъ: то почему быть разницѣ въ ученіи, утверждаемомъ о членахъ? Ибо если всѣ члены вообще не входятъ въ царство небесное: то какая нужда лишаться одного члена, когда и съ другими не исполняется сего? Если же тѣло возстаетъ, (а оно дѣйствительно возстаетъ): то какъ возможно, чтобы даже въ царствѣ небесномъ было поврежденіе въ тѣлѣ? Или развѣ не будетъ неприлично быть въ царствѣ небесномъ гѣламъ подверженнымъ поврежденію, когда царство это назначено къ славѣ тѣхъ, которые въ немъ? Да притомъ, если и отсѣчь членъ соблазняющій: то онъ уже отсѣченъ, и не грѣшитъ; а если отсѣченъ и не грѣшитъ: то ему, не грѣшившему, должно было бы прежде всѣхъ воскреснуть.

Гл. 3. Тѣ же, у кого довольно смѣлости на это подручное дѣло, сами себя дѣлаютъ отверженными отъ всѣхъ и всѣмъ чуждыми. Ибо они уже не мужи, по причинѣ отъятія у нихъ члена, а женами быть не могутъ, по тому что это противно естеству. Да не досталось имъ и то проименованіе, которымъ вѣнчается подвигъ и награждается. Ибо они окажутся не принадлежащими ни къ которому изъ тѣхъ трехъ разрядовъ скопцовъ, о которыхъ говоритъ Господь. *Суть бо, говоритъ, скопцы, иже изъ чрева матерня родишася* (Мѡ. 19, 12.). Они не виновны въ своемъ скопечествѣ; на нихъ нѣтъ грѣха

отъ того, что такъ съ ними сдѣлалось, а также и не могутъ они дѣлать грѣха, разумѣю грѣхъ любострастія: по тому что у нихъ отъ природы нѣтъ дѣтородныхъ орудій, созданныхъ Богомъ. Но и не дается имъ въ награду за скопчество царство небесное, по тому что они не посвящены въ подвигъ. Хотя же и они причастны похотямъ; но, поелику не могутъ дѣлать, чего не должно дѣлать, и по тому не дѣлаютъ, то не имѣютъ награды. Ибо не по тому не сдѣлано ими дѣло, что они не хотятъ, но по тому, что не могутъ. Таково состояніе перваго разряда скопцовъ, о которыхъ говоритъ Господь, то есть тѣхъ, которые отъ матери родились скопцами. Еретики эти не могутъ принадлежать къ числу сихъ, по тому что ихъ скопчество— дѣло рукъ.

Гл. 4. И суть скопцы, отъ чловѣкъ оскопленные (Мѡ. 19, 12.), говоритъ Спаситель. Но тѣ, о которыхъ выше сказано, не принадлежатъ и къ числу этихъ. Тѣ рождаются такими; а эти *отъ чловѣкъ* дѣлаются скопцами для службы царской или княжеской. Ибо нѣкоторые изъ царей, или даже властителей варварскихъ, по ревности и подозрительности къ своимъ супругамъ, берутъ по своему желанію почти еще юныхъ отроковъ, и дѣлаютъ ихъ скопцами, что бы, когда они возмужаютъ, ввѣрять имъ, какъ сказалъ я, собственныхъ своихъ супруговъ. Такова была причина скопчества въ мірѣ. Отсю-

да-то, какъ думаю, можетъ быть и названіе евнуховъ, то есть, отъ того, что по отъятіи членовъ, они могутъ быть благомысленными (*εὐνοεῖν*) и, какъ лишенные орудій, не знаютъ тѣлеснаго смѣшенія. Итакъ вотъ второй разрядъ; это—тѣ, которые берутся съ отрочества и дѣлаются скопцами *отъ чловѣкъ*, а не ради царства небеснаго.

Гл. 5. И суть скопцы, иже исказиша сами себе, царствія ради небеснаго (Мѡ. 19, 12.). Кто же сіи скопцы? Доблестные Апостолы и послѣдующіе за ними дѣвственники и монашествующіе. Это—Іоаннъ и Іаковъ, сыны Зеведеевы, пребывшіе въ дѣвствѣ, но не отсѣкавшіе членовъ своими руками, и не сочетавшіеся бракомъ, но подвизавшіеся въ собственномъ своемъ сердцѣ, и дивно заслужившіе славу сего подвига. А послѣ нихъ сколько темъ иночествующихъ въ мірѣ и изъ монастырей и обителей дѣвичьихъ пріобрѣли славу этимъ подвигомъ, сколько не смѣсившихся тѣлесно съ женами, но подвизавшихся совершеннѣйшимъ подвигомъ! Такими находимъ Илію въ ветхомъ завѣтѣ, и Павла, который говоритъ: *глаголю же безбрачнымъ, что добро имъ, аще пребудутъ якоже и азъ. Аще ли не удержатся, да посягаютъ* (1. Кор. 7, 8. 9.). Какъ же пребывалъ онъ самъ? Если бы у него отсѣчены были члены, и уподобляющіеся ему, во исполненіе словъ: *якоже и азъ*, пребывали такъ же, какъ онъ: то какъ

бы кто либо съ отсѣченными членами могъ жє-
 ниться, если бы уже не могъ воздержаться? И
 ужели не видишь? *да посягаютъ, а не разжи-
 гаются*, говорить Апостоль: о воздержаніи, а
 не объ отъятіи членовъ. Если же эти еретики
 утверждаютъ, что они сами себя сдѣлали скоп-
 цами ради царства небеснаго: то развѣ они мо-
 гутъ устранить отъ самихъ себя изреченіе: *суть*
нѣкоторые, иже скопишася отъ чловѣкъ (Мѡ.
 19, 12.)? Ибо если кто самъ себя, собственны-
 ми своими руками, дѣлаєть скопцомъ: то онъ
 чловѣкъ, и его руки дѣлають непозволитель-
 ное это дѣло; а если и не можетъ самъ съ со-
 бою сдѣлать это, но оскοпляетъ другими: то
 это уже будетъ не *царствія ради небеснаго*, по
 тому что онъ оскοпленъ *отъ чловѣкъ*, то есть
 самимъ ли собою, или сдѣлавшими это. А так-
 же не получить онъ вѣнца ѥ награды, по тому
 что не милость заслуживаетъ воздержаніємъ
 отъ употребленія членовъ, а напротивъ того не
 можетъ употребить въ дѣло служащіе сему чле-
 ны въ слѣдствіе ихъ отъятія. Одному и тѡму
 же суду будетъ подлежать повреждающій у са-
 мого себя членъ, какъ и посѣкающій чужій
 виноградникъ. Ибо не по волѣ Божіей житель-
 ствуетъ таковой, но коварно возстаєть противъ
 Господа Бога Зиждителя. А похотію одержимъ
 будетъ таковой еще болѣе. Ибо, по изреченію
 Премудраго, и скопецъ не освобождается отъ
 похоти, но не можетъ удовлетворить ей, по чему

Премудрый и говоритъ: *желаніе скорче* раст-
лить *дъвицу* (Сир. 20, 4.). О какъ много повсю-
ду разнообразныхъ глупостей, измышленнхъ
въ мірѣ!

Вотъ что намъ извѣстно о сихъ еретикахъ.
По сему сказавъ о нихъ вкратцѣ и, какъ ска-
залъ я, предположивъ, что они тѣ самыя, о
которыхъ выше сказано, оставимъ ихъ, и по-
смѣемся надъ ними, что они, подобно скорпіону
о двухъ жалахъ, рогами и клешнями прежде
всего сопротивляются отъ отцевъ наслѣдован-
нымъ уставамъ жизни, а другимъ жаломъ воз-
стаютъ противъ установленія святой церкви
Божіей; поправъ же ихъ твердыми сапогами, то
есть, изреченіями евангельскими, и посмѣявшись
надъ сими еретиками, этимъ покончимъ съ ихъ
неразуміемъ, по обычаю переходя къ слѣдую-
щимъ за тѣмъ ересямъ.

О КАӨАРАХЪ ¹⁾ НЕЧИСТЫХЪ,

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ, А ПО ОБЩЕМУ ПОРЯДКУ ПЯТЬДЕСЯТЬ
ДЕВЯТОЙ ЕРЕСИ.

Гл. 1. Въ слѣдъ за сими появились такъ называемые Каөары отъ нѣкоего Навата, какъ многіе рассказываютъ о семъ. Этотъ Наватъ былъ въ Римѣ во время гоненія, предшествовавшего гоненію Максиминову. Можетъ быть, какъ думаю, то было гоненіе Декіево или Авреліаново. По поводу падшихъ во время гоненія превознесши гордостію онъ, вмѣстѣ съ послѣдователями своими не захотѣлъ имѣть общенія съ каившимися послѣ гоненія, и обратился къ сей ереси, а именно училъ, что это— не спасеніе, но что покаяніе едино, ²⁾ а послѣ купели ни для кого падшаго не можетъ быть помилованія.

И мы также утверждаемъ, что покаяніе одно, и что *банею пакибытія* сего получается спасе-

¹⁾ Каөары, по переводу съ греческаго, значить: чистые.

²⁾ Разуѣется, предшествоующее крещенію.

ніе (Тим. 3, 5.); но не отрицаемъ челоуѣколюбія Божія, вѣдая истинную проповѣдь и милость Владыки, и то, что должно заслуживать снизхожденія со стороны природы—а именно: способность души къ увлеченіямъ, немощь плоти, великое *волненіе чувствъ* у многихъ при паденіи,—по чему никто не безгрѣшенъ *не чистъ отъ скверны*, хотя бы даже его жизни на землѣ былъ одинъ день (Іов. 14, 4. 5.). И совершенное покаяніе бываетъ въ купели; но если кто палъ, святая Божія церковь не погубляетъ его, а даетъ мѣсто обращенію, и послѣ покаянія раскаянію. Ибо Богъ сказалъ Каину: *не согрѣшилъ ли еси? умолкни* (Быт. 4, 7.), и разслабленному: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай* (Іоа. 5, 14.). И Господь призываетъ къ Себѣ опять Петра послѣ отреченія, и соотвѣтственно тремъ отреченіямъ вызываетъ его трижды къ исповѣданію: *любиши ли Мя, Петръ? Любиши ли Мя, Петръ? Любишь ли Меня, Петръ?* и говоритъ: *паци овцы Моя* (Іоа. 21, 15. 16.).

Гл. 2. Каѳаровъ же вводитъ въ ошибку изреченіе Апостола: *не возможно бо просвѣщенныхъ единою, и добраго вкусившихъ Божія славола, и силы грядущаго вѣка, и отпадшихъ, пакы обновляти въ покаяніе, второе распинающихъ Сына Божія себѣ, и обличающихъ. Земля бо пившая множицею сходящій на ню дождь, и разждающая былія добрая онымъ, ими же и дѣлаема бываетъ, приѣмлетъ благословеніе: а*

износящая тернія и волчецъ, не потребна есть и клятвы близъ, ея же кончина въ пожженіе (Евр. 6, 4—8.). И подлинно невозможно обновлять обновленныхъ однажды, и отпадшихъ. Ибо не родится еще Христось, чтобы распяться за насъ; ни снова распять Сына Божія, болѣе не распинаемаго, никто не можетъ; ни принять вторую купель никто не можетъ; по тому что крещеніе одно, и обновленіе одно. Впрочемъ Святой Апостоль, врачуя церковь и имѣя попеченіе о ея членахъ, тотчасъ *предлагаетъ* врачеваніе имъ и говоритъ: *надѣмся о васъ, возлюбленніи, лучшихъ, и придержащихся спасенія, аще и тако мало летъ. Не обидливъ бо Богъ, забыти добраго дѣла вашего* (Евр. 6, 9. 10.). Видишь ли, какъ Апостоль, хотя рѣшительно объявилъ, что не можетъ быть втораго обновленія, однако *не лишилъ* спасенія тѣхъ, которые еще каются, но показалъ, что они близки ко спасенію, и что Господь Богъ защитникъ тѣхъ, которые послѣ паденій приносятъ совершеннѣйшее покаяніе, обращеніе и раскаяніе, за ихъ добрыя дѣла?

По сему, какъ святое слово, такъ и святая Божія церковь всегда принимаетъ покаяніе не по распущенности, не для того, что бы сдѣлать совершающихъ поприще нерадивыми, но что бы не идти на перекоръ Божіей благодати и Божію челоуѣколюбію, по тому что знаетъ, какъ обращаться съ всякимъ дѣломъ. Ибо какъ ут-

ратившій дѣвство, не можетъ приобрѣсть оное тѣлесно, по естественной невозможности, такъ и впадшій послѣ купели въ какія либо великія грѣхи; и какъ лишившемуся дѣвства остается вторая по немъ честь—воздержаніе: такъ и тому, кто, бывъ крещенъ, подвергся большому паденію, остается другое врачеваніе; не столько сильное, какъ первое, однакоже и это, приобрѣтенное второе, не отчуждено отъ жизни. По сему Слово Божіе не отвергаетъ награды трудящимся въ покаяніи.

Гл. 3. А потомъ сіи же самые еретики, отъ этого переходя еще далѣе, изобрѣли и нѣчто другое. Ибо они говорятъ, что у нихъ вѣра та же самая, которую имѣемъ и мы. А не хотятъ имѣть общенія съ двоебрачными. Если кто послѣ крещенія сочетается со второю женою: то онъ уже не будетъ принятъ сими еретиками. Все это малосмысленно. Представимъ себѣ человѣка плавающего въ водѣ, который не умѣя плавать предается водамъ, и тонетъ по своей неопытности, по тому что хорошо незнакомъ съ искусствомъ спасать себя при помощи рукъ и ногъ, думаетъ, что вода просто переноситъ человѣка, безъ помощи его собственныхъ рукъ; или какъ представимъ человѣка, который слыша, что правитель наказываетъ негодяевъ даже и за малѣйшіе проступки, подумаетъ, что одинаковое наказаніе распространяется на всѣхъ, то есть, какъ за убійство, такъ и за клевету

на ближняго, или за драку; или представимъ челоуѣка совершенно не свѣдущаго, который видя, что начальникъ, получивъ власть, извлекаетъ мечъ противъ злодѣевъ, и противъ чародѣевъ, и хульниковъ, или оскорбителей величества, подумаетъ, что всѣ имѣють власть наказывать за таковую вину, а увидѣвъ казнимыхъ людей, и самъ, по подражанію тому, захочетъ умертвить нѣкоторыхъ, осуждая ихъ, какъ будто преступниковъ, но бывъ пойманъ, самъ понесетъ наказаніе, потому что не получилъ отъ царя власти на подобныя дѣла; думая будто отъ законнаго суда исходитъ одинаковый приговоръ всѣмъ, этою своею неправдою, въ слѣдствіе своего невѣжества и своей несообразительности, онъ самъ себя выдастъ на погибель. Такъ и эти еретики, все смѣшавъ вмѣстѣ, всего лишились, и не уразумѣвъ въ точности Божія ученія, погрѣшительно обратились на другую стезю, а не вѣдаютъ того, что преданіе и порядокъ Божественнаго писанія суть сіи самыя.

Гл. 4. Ибо что предано относительно священства по причинѣ преимущественной важности священнодѣйствія, о томъ они подумали, будто относится равно ко всѣмъ. Слыша, что *подобаетъ епископу быти непорочну, единыя жены мужу* (1 Тим. 3, 2.), *воздержательну* (1 Тим. 1. 8.), а точно также и діакону (1 Тим. 3, 12.), и пресвитеру, не подумали о томъ, что это опредѣленіе, относится къ симъ санамъ. И дѣй-

ствительно святая Божія проповѣдь послѣ Христова пришествія, по превосходству чести священства, не допускаетъ до священства тѣхъ, которые, по кончинѣ жены перваго брака, сочетались вторымъ бракомъ. И это вѣрно съ точностію наблюдаетъ святая Божія церковь. Она даже, въ особенности тамъ, гдѣ строго исполняются церковныя правила, не допускаетъ къ священству и мужа, одной жены, еще живущаго съ женою и раждающаго дѣтей, а принимаетъ какъ во діакона, такъ и во пресвитера, и во епископа и во иподіакона только того, кто сталъ воздерживаться отъ одной жены, или овдовѣлъ.

Но конечно, скажешь мнѣ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пресвитеры, діаконы и иподіаконы еще раждаютъ дѣтей. Это—не по правилу, но въ слѣдствіе появившагося со временемъ разслабленія душевнаго въ людяхъ и недостатка въ служителяхъ церкви для множества вѣрующихъ. Ибо церковь, благоустроенная Святымъ Духомъ, всегда имѣя въ виду то, что наиболѣе прилично, признала за нужное заботиться о томъ, что бы службы Богу совершались безъ развлеченія, и духовныя требы исполнялись съ совѣстію совершенно благомысленною. Разумѣю то, что пресвитеру, діакону и епископу, по причинѣ нечаянныхъ службъ и требъ, прилично быть свободными для служенія Богу. Ибо если и мірянамъ повелѣваетъ святой Апо-

столь, говоря, что бы на время освобождали себя отъ всего для молитвы (1 Кор. 7, 5.): то не гораздо ли болѣе повелѣваетъ это же самое священнику? Но я говорю о неразвлекаемости для того, что бы свободно отправлять священнодѣйствія по волѣ Божіей въ духовныхъ нуждахъ. А мірянамъ по немощи можетъ быть дозволено, если не могутъ остановиться на первомъ бракѣ, по смерти первой жены вступить въ бракъ со второю. И хотя имѣвшій одну жену у всѣхъ принадлежащихъ къ церкви пользуется большею похвалою и честію; впрочемъ если кто не могъ удовольствоваться одною женою, въ случаѣ ея кончины, или разлученія, происшедшаго по какой-либо причинѣ: въ слѣдствіе ли блуда, или прелюбодѣянія, или порочной вины, и сочетался со второю женою, или жена сочеталась со вторымъ мужемъ: то слово Божіе не признаетъ ихъ виновными, и не отлучаетъ отъ церкви и жизни, напротивъ того, по причинѣ немощи людей терпитъ не то, что бы человѣкъ, еще при жизни одной жены, имѣлъ въ то же время другую, но то, что бы, по разлученіи съ одною, если случится, сочетавался съ другою по закону; такому человѣку святое слово и святая Божія церковь оказываютъ милость, особенно если онъ въ другихъ отношеніяхъ благоговѣнъ и живетъ согласно съ закономъ Божіимъ. Ибо и Апостоль не сказалъ бы вдовамъ: пусть вступаютъ въ бракъ, раждаютъ

дѣтей, управляютъ домоюъ (1 Тим. 5, 14.); не сказали бы также мужу, имѣющему *жену отчюю*, и преданному *сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господа* (1 Кор. 5, 1. 5),— не сказали бы: *утвердите къ нему любовь, да немногую скорбію пожертвъ будетъ таковой* (2 Кор. 2, 9. 8.). А онъ сказали еще: *ему же что даруете, и азъ: по сему аще что даровахъ, васъ ради даровахъ, о лицъ Христовѣ, да неובидими будемъ отъ сатаны: не неразумльваемъ бо умышленій его* (2 Кор. 2, 10. 11). Смотри, какъ Апостоль даетъ мѣсто покаянію и послѣ паденія.

Гл. 5. Еще Господь говорить: отпусайте другъ другу *согръшенія*, что бы и *Отецъ вашъ небесный* отпустилъ *вамъ* (Мѡ. 6, 14.). А также и въ другомъ мѣстѣ Апостоль такъ говорить: *и восплачуся о многихъ, среди васъ падшихъ, и не покаявшихся* (2 Кор. 12, 21.), чѣмъ показываетъ, что если пали и покаялись, то дѣлаются достойными принятія, и не будутъ отвергнуты, по тому что Господь знаетъ, что съ каждымъ дѣлать.

Что таково отличительное свойство правила истины, то ясно всякому. Послѣ перваго покаянія при посредствѣ бани пакибытія, въ котормъ обновился весь человекъ, другаго подобнаго сему нѣтъ никакого. Ибо не два крещенія, но одно; и не дважды распялся Христось, но однажды, и не дважды умеръ за насъ и воскресъ. И по сему должно беречься. чтобы

падєніємъ не утратитъ вѣнца обновленія. Но *еще* кто падеть и *впадетъ въ нѣкое прегрѣшеніе*, какъ говоритъ Апостоль, *вы духовнѣи исправляйте такового духомъ кротости: блюдыи себе, да не и ты искушенъ будеши* (Гал. 6, 1.). По сему если кто впадетъ въ какое бы то ни было прегрѣшеніе, пусть кается. Ибо Богъ принимаетъ покаяніе, если кто падеть и послѣ крещенія. А какъ дѣйствуетъ послѣ сего, Онъ одинъ знаетъ: ибо *неиспытани судовѣ Ею*, и неизъяснимы *путіе Ею* (Рим. 11, 33.). И прежде пришествія не должно судить. *дондеже приидетъ Господь, Иже* откроетъ тайная сердца: *и тогда похвала* (1 Кор. 4, 5.) *каждо* явлена *будетъ*: *день бо явитъ, зане огнемъ* открывается (1 Кор. 3, 13.).

Гл. 6. Посему мы и не обѣщаемъ падшимъ послѣ крещенія совѣмъ свободы, и не отчаиваемся за ихъ жизнь. Ибо Богъ *милостивъ и щедръ* (Іоан. 4, 2.), *и далъ* есть *кающымся возвращеніе* (Сир. 17, 20.). И первое ясно; а о второмъ знаемъ по тому, что Богъ милостивъ, если отъ всей души покаемся въ прегрѣшеніяхъ: ибо въ Его рукѣ жизнь, и спасеніе, и челоуѣколюбіе. И что онъ дѣлаетъ. Ему одному вѣдомо; а только нѣтъ никому вреда отъ покаянія, и не отверженъ кающійся во всѣхъ прегрѣшеніяхъ. Тѣмъ болѣе тотъ, кто по закону сочетался со второю женою. И первая жена—отъ установленія Божія; а вторая—отъ немощи

человѣческой; но если кто сочетался и еще съ женою, то сія немощь все еще сносна. Апостоль говоритъ: *жена привязана есть закономъ, въ елико время живетъ мужъ ея: аще же умретъ мужъ, свободна есть, за него же хочетъ посягнути* (1 Кор. 7, 39), чѣмъ показываетъ, что по кончинѣ мужа это, безъ всякаго прекословія, свободно отъ грѣха, и прибавляетъ: *о Господь*, въ знакъ того, что не чужда Господу та, которая по кончинѣ мужа сочетается съ другимъ мужемъ, или не чуждъ Господу тотъ, кто по кончинѣ жены сочетается съ другою женою, *точію о Господь*, какъ говоритъ самъ Апостоль. Еще Апостоль говоритъ: *блаженнѣйша же есть, аще пребудетъ тако* (1 Кор. 7, 40.). *О Господь* же значитъ: не въ блудѣ, не въ прелюбодѣянїи, не окрадивая брака, но благозаконно, открыто, въ честномъ бракѣ, пребывая въ чистой вѣрѣ, въ заповѣдяхъ, въ благотворенїяхъ, въ благоговѣнїи, въ постахъ, въ благозаконїи, въ милостыняхъ, въ усердїи, въ добрыхъ дѣлахъ. *Сїя бо, если будутъ вмѣстѣ и пребудутъ, не праздныхъ, ниже безплодныхъ сотворятъ* въ Господне пришествїе (2 Петр. 1, 8).

И священству присвоены первенство чина и строгое соблюденіе всего; а мірянамъ—умѣренность и снисхожденіе, что бы всѣ могли научиться и быть помилованы. Ибо Владыка милостивъ и силенъ спасти всѣхъ собственными Своими добрыми законами и истинною вѣрою

въ чистую проповѣдь. Онъ одинъ только чистъ. А эти, сами себя назвавшіе чистыми, на самомъ дѣлѣ дѣлаются совершенно нечистыми. Ибо всякій, утверждающій о себѣ, что онъ чистъ, самъ на себя рѣшительно произноситъ осужденіе въ нечистотѣ.

Гл. 7. Но хотя бы и справедливо было, что ученіе говоритъ такимъ образомъ о всѣхъ мірянахъ, велико безуміе сихъ еретиковъ высоко думающихъ о себѣ. Должно было знать, что не за это одно только падаетъ вина на всякую душу, и не этимъ однимъ только дѣлается она добродѣтельною, но и тѣмъ, что бы не злословить, не клясться клятвою ни въ правдѣ, ни во лжи, но говорить: *ей, ей: ни, ни* (Мѡ. 5, 37.), не лукавствовать, не клеветать, не красть, не обманывать въ торговлѣ. Отъ всего этого собираются нами скверны грѣховныя, ибо, какъ, по сказанному, *колз стирается посреди двухъ камней: такъ грѣхъ посреди* покупающаго и продающаго (Сир. 27, 2.). Должно было знать, что, конечно, среди множества есть люди нечестные въ торговлѣ, лихоимцы, ростовщики, и что, безъ сомнѣнія, все это и сему подобное есть у сихъ еретиковъ, по тому что и обманы слѣдуютъ за каждымъ изъ нихъ. Какъ же они могутъ называть самихъ себя чистыми, думая однимъ обѣщаніемъ все дѣло угожденія Богу обезопасить отъ всѣхъ погрѣшностей? Но они не познали ученія въ точности, ни того, кому строгое это предписаніе воспретило второбрачіе.

А также если и падшіе по причинѣ гоненія обнаружатъ совершенное покаяніе, сядутъ во вретѣищѣ и пеплѣ и восплачутъ предъ Господомъ: Милосердый силенъ и ихъ помиловать; ибо отъ покаянія не бываетъ ничего худаго. По сему какъ Господь, такъ и Его церковь принимаетъ кающихся. Такъ обратился Манассія сынъ Езекинъ и былъ принятъ Господомъ. Такъ же принятъ, на время отрекшійся, святой и верховный изъ Апостоловъ Петръ, который сдѣлался для насъ истинно твердымъ камнемъ, составляющимъ основаніе вѣры Господней. На семъ камнѣ создана церковь во всѣхъ отношеніяхъ, во первыхъ по тому, что Петръ исповѣдалъ Христа *Сыномъ Бога живаго*, и услышалъ: *на камени семъ незыблемой вѣры созижду церковь Мою* (Мѡ. 16, 16. 18.); по тому что ясно исповѣдалъ Его сыномъ истиннымъ, ибо сказавъ: *Сынъ Бога живаго*, прибавленіемъ: *живаго*, показалъ, что Онъ подлинный Сынъ, какъ говорено о семъ много въ опроверженіи всякой почти ереси.

Гл. 8. А также и о святомъ Духѣ онъ же удостовѣряетъ насъ, сказавъ Ананіи съ женою: что это искусилъ васъ *сатана сомати Святому Духу?* Не человѣку солгали вы, *но Богу* (Дѣян. 5. 3. 4.); по тому что Духъ отъ Бога, и не чуждъ Богу. Да и въ томъ случаѣ Петръ сдѣлался твердымъ камнемъ зданія и основаніемъ дома Божія, когда, по отреченіи и обра-

щеніи снова, обрѣтенъ былъ Господомъ, и сподобился снова услышать: *паси агнцы Моя, и паси овцы Моя* (Іоа. 21, 15. 16.). Говоря сіе, Христосъ ведетъ насъ къ обращенію чрезъ покаяніе, такъ что на немъ же опять создается имѣющая доброе основаніе вѣра, которая не *отказываетъ въ жизни* людямъ, пока они живутъ и дышатъ, истинно каются, и въ семь вѣкъ исправляютъ свои погрѣшности.

Гл. 9. Такъ въ Пѣсни пѣсней сама невѣста говоритъ жениху: *отвѣщаетъ братъ мой и глаголетъ мнѣ: востани, прииди ближняя моя, добрая моя, голубице моя, яко зима преиде, то есть, страшное, мрачное и весьма ужасное скопленіе облаковъ преиде, дождь отъиде, отъиде себѣ: цвѣти явшаея на земли нашей, время обрѣзанія приспѣ, гласъ голубицы слышанъ въ земли нашей: смоквы изнесе цвѣтъ свой, винограды ваша зрѣюще даша воню* (Пѣс. пѣс. 2, 10—13). Чѣмъ даетъ знать, что все прошедшее миновалось, по тому что уже цвѣтеть весна, море спокойно, страхъ дождя прошелъ, *старыя вѣтви на виноградѣ обрѣзаны, травы уже не только зеленѣютъ, но и даютъ цвѣты, гласъ проповѣди вопіетъ въ пустыни,—это значать слова: въ земли нашей,—и смоковница, нѣкогда проклятая, износить цвѣтъ, то есть, плоды покаянія, появляющіеся на вѣтвяхъ и деревьяхъ, а въ виноградникѣ уже зрѣетъ благоуханная проповѣдь евангельской вѣры.* Поелику же Слово Божіе

сейчасъ зваю невѣсту и сказало: *востани, приди* (ст. 10.),—встань отъ мертвости грѣховной, и приди къ праведности, встань отъ паденія, и приди съ дерзновеніемъ, встань отъ грѣховъ, и приди въ покаяніи, встань отъ разслабленія, и приди неповрежденною, встань отъ поврежденія и приди здоровою, встань отъ невѣрія, и приди съ вѣрою, встань отъ погибели и приди обрѣтенною; и поелику знало, что послѣ перваго покаянія, и послѣ перваго призванія и исцѣленія, человѣчеству прилучается, такъ сказать, много паденій: то опять говоритъ: *востани, приди близняя моя, добрая моя, голубице моя*. Во второй разъ зоветъ ее, а не однажды. И во второй разъ зоветъ не одинаково съ первымъ. Ибо въ первомъ призваніи говоритъ такъ: *востани, приди близняя моя, добрая моя, голубице моя*. Въ первый разъ: *востани, приди*, а не говоритъ: *приди ты* (— 13, 14.). Во второй же разъ прилагаетъ сію часть рѣчи, въ показаніе того, что второе призваніе отлично отъ перваго, а впрочемъ и при первомъ призваніи послѣ паденій снова подается благопріятная рука небеснаго человѣколюбія. И говоритъ: *приди голубице моя въ покровъ камень, близъ предстѣнія* (— 14.): *въ покровъ камень*,—въ человѣколюбіи Христовомъ, и въ милости Господней, вотъ что такое покровъ каменный—покровъ надежный, вѣрный и истинный; *близъ предстѣнія*, то есть,

прежде, нежели заперта дверь, прежде, нежели царь, войдя внутрь ограды, болѣе не станетъ принимать, а это—послѣ отшествія отсюда и смерти, когда мы уже не *близъ предствія*, но заперты двери, и нельзя исправиться.

Гл. 10. Ибо въ будущемъ вѣкѣ, по отшествіи человѣка отсюда, нѣтъ пользы отъ поста, нѣтъ призыванія къ покаянію, нѣтъ прибыли отъ милостыни, а нѣтъ также дѣлъ заслуживающихъ обвиненія: ни брани, ни любодѣянія, ни распутства, нѣтъ также и правды и покаянія. Такъ и колосъ по сжатіи не можетъ ни налиться зерномъ, ни сдѣлаться поврежденнымъ отъ вѣтра, ни потерпѣть чтонибудь иное. И не говори мнѣ о поврежденіяхъ въ житницѣ, то есть о хлѣбныхъ червякахъ ¹⁾, о червяхъ и моли: ибо это бываетъ съ тѣмъ, что принадлежитъ сему вѣку; а указанное намъ и изреченное подъ образомъ дверей и заключенное въ житницѣ назнаменуетъ и преднаписуетъ область вѣры, гдѣ ни грабители *не подкапываютъ, ни тля тлитъ* (Мѡ. 6, 20.), какъ говоритъ слово Божіе. По смерти, какъ сказала я, нѣтъ пользы отъ благочестія и отъ покаянія. Ибо тамъ ни Лазарь не переходитъ къ богатому, ни богатый къ Лазарю; и Авраамъ не выпускаетъ изъ своей добычи бѣдняка, сдѣлавшагося на послѣдокъ богатымъ, ни богачь, сдѣлавшійся бѣднымъ,

¹⁾ *Κίονες*.—прибавлено по венеціанскому списку.

не получають, чего просить, хотя въ просьбѣ умолять милостиваго Авраама. Ибо хранилище запечатано, время исполнилось, и подвигъ кончился, мѣсто состязаній опустѣло, вѣнцы розданы, подвизавшіеся успокоены, не успѣвшіе сошли съ поля битвы, не подвизавшіеся уже не имѣютъ къ тому случая, побѣжденные на состязаніи извержены, ясно, все окончилось съ отшествіемъ отсюда. Пока же всѣ въ этомъ вѣкѣ, и по паденіи возможно востаніе, есть еще надежда, есть еще цѣльба, есть еще исповѣдь, и хотя это далеко отъ полнаго совершенства, однако же и сему не отказано въ спасеніи, какъ и прочему.

Гл. 11. Но всякая ересь, отступившая отъ истины, слѣпотствуетъ во мракѣ и смѣжаетъ очи, помышляя одно вмѣсто другаго. Ибо эти еретики подобны инымъ невѣждамъ, не знающимъ качества, назначенія и убранства каждаго члена въ тѣлѣ; и несмысліе еретиковъ, можно сказать, какъ ни смѣшно то, что намѣреваюсь говорить, подобно тому, какъ будто они надѣваютъ обувь на голову, вѣнокъ на ноги, золотую гривну вокругъ чрева, или другой случай, какъ еслибы ножные наряды, сдѣланные изъ какой либо матеріи, которые у иныхъ называются исподницей (*οδομα*) или шароварами (*βραχαι*), стали надѣвать на руки, перстни же на ноги. Такъ ошибочными и безпорядочными оказываются учрежденія у этихъ невѣждъ. Ибо

то, что утверждено о второмъ бракъ и о прочемъ относительно священства, то они поставили закономъ и для всего народа, что возвѣщено Богомъ ради преимущественной строгости, что бы нѣкоторые, вознерадѣвъ, не пали, то они, приписывая Богу, довели до безчеловѣчія. И какъ, если кто, взявъ одежду за рукавъ, прикроется только отъ такъ называемой ручной кисти до локтя, но будетъ каждый часъ подносить рукавъ къ глазамъ, и посмѣяться надъ другими, забывъ, что у самого все тѣло голо: такъ и эти, похваляющіеся тѣмъ, что не принимаютъ двоебрачныхъ, возвѣщаютъ одну заповѣдь, а всѣ прочія оставили безъ вниманія, хотя онѣ подобны ей, и еще гораздо лучше при сохраненіи, а несоблюденіе ихъ причиняетъ смерть. Такъ, забывшись, оставляютъ все тѣло голымъ. по тому что всѣ повелѣнія оставляютъ не приведенными въ дѣло, да и одну заповѣдь удерживаютъ не въ чистомъ видѣ.

Гл. 12. И о какъ велико суетудріе человѣческое! По всякому поводу, какъ бы малъ иной ни былъ, каждая ересь отвлекается отъ истины, и увлекается въ великое множество золъ. Ибо какъ если кто либо, найдя проломъ въ оградѣ, при дорогѣ, вздумаетъ пройти чрезъ него, и оставивъ путь, уклонится въ сторону, думая, что можно, сдѣлавъ обходъ, весьма близко возвратиться снова на путь, а не будетъ думать того, что стѣна весьма высока и построе-

на на длинное разстояніе, и не находя, какъ выйти на дорогу, побѣжить, то, вмѣсто одной версты (*σημείου*) или мили, пройдя незамѣтно гораздо болѣе, не найдетъ пути, и такимъ образомъ больше уклонится въ сторону, но такъ изнуряя себя и не имѣя средства выйти на дорогу, можетъ быть, и не въ состояніи будетъ найти ее, развѣ только вернется на тотъ путь, которымъ пошелъ сначала: такъ и всякая ересь; замысливъ изобреѣсти, какъ бы нѣкое сокращеніе, далеко уклоняется отъ пути, но находить предъ собою несокрушимую стѣну—сплетеніе неразумія и невѣжества, и не найдетъ, какъ придти на истинный путь, развѣ только возвратится на первоначальный путь, то есть путь царскій, какъ ясно возглашаетъ законъ въ словахъ святаго Моисея царю Едомскому: *такъ глаголетъ братъ твой Израиль*: предѣлами твоими пройду землю, которую Господь клялся дать отцамъ нашимъ, землю текущую молокомъ и медомъ, землю Аммореевъ, Ферезеевъ, Гергесеевъ, Іевусеевъ, Еввеевъ, Хананеевъ и Хентеевъ, землю текущую медомъ и молокомъ. *Не совратимся ни на десно, ни на лѣво*. Воду будемъ пить за серебро, и яства будемъ ѣсть за серебро; не будемъ уклоняться туда или сюда, *путемъ царскимъ поидемъ* (Числ. 20, 14. 17.). Подлинно есть путь царскій; это—церковь Божія и путь истины. А каждая изъ ересей, оставившая царскій путь и уклонившаяся вправо

или влѣво, умножая еще свое приращеніе, увлечется въ заблужденіе, и безпутство заблужденія во всякой ереси уже не имѣетъ мѣры.

Гл. 13. И такъ что же, рабы Божіи, сыны святой церкви Божіей, вѣдущіе неизблемое правило и шествующіе путемъ истины? Не будемъ развлекаться голосами, и не пойдемъ на голосъ всякаго поддѣльнаго устава. Ибо погрѣшительны пути сихъ еретиковъ, и поката стезя ихъ ложнаго образа мыслей. Много хвалятся, а не знаютъ и малаго. *Свободу* обѣщаютъ, *сами раби суще грѣха* (2 Петр. 2, 19.). Хвалятся очень многимъ, а совсѣмъ не достигли и малаго.

Но достаточно, какъ думаю, сказаннаго доселѣ о сихъ такъ называемыхъ, Чистыхъ, а въ самомъ дѣлѣ, если должно сказать истину, нечистыхъ. Откинувъ же въ сторону сію ересь, какъ образъ василиска, который по видимому въ своемъ имени заключаетъ нѣчто превосходное ⁴⁾, но при случаѣ причиняетъ смерть, и побивъ его силою древа крестнаго, снова устремимся противъ другихъ ересей, присоединяя ту же самую молитву къ Богу, что бы Онъ сопутствовалъ намъ, спребывалъ, соприсутствовалъ, содѣйствовалъ, спасалъ насъ, наставлялъ, сподоблялъ сказать истину, что бы и самимъ намъ. сказавъ что либо лживо, не подпасть то-

4) Наименованіе василиска, по словопроизводству съ греческаго, можетъ значить: царекъ.

му же самому, чему подпали ереси, обучавшія міръ не истинѣ.

А и еще есть въ Африкѣ и Визакіи, ⁴⁾ мудрствующіе подобно симъ, непокорники, такъ называемые по нѣкоему Донату Донатиане. И они, потому что не вступаютъ въ общеніе съ отпадшими во время гоненія, будутъ опровергнуты тѣмъ же самымъ, чѣмъ и, ходящіе вмѣстѣ съ ними подъ чуждымъ ярмомъ, Новатиане, или, такъ называемые, Касары. По сему намъ не было нужды имѣть еще какое либо дѣло съ ними; но мы ихъ поставили въ связи съ подобными имъ. Впрочемъ они и еще болѣе отпали къ худшему: ибо мудрствуютъ о вѣрѣ по ариански. Но въ худыхъ своихъ мудрованіяхъ о вѣрѣ будутъ опровергнуты точно также, какъ опровергнуть словами истины и Арій, мудрствующій одинаково съ ними, какъ и они съ нимъ. Миновавъ же еще и эту ересь, перейдемъ къ слѣдующимъ за нею по порядку, попирая ихъ о Господѣ, какъ страшныхъ пресмыкающихся.

⁴⁾ По чтенію исправленному Диндорфомъ; а по неисправленному: Визикакій.

ОБЪ АНГЕЛИКАХЪ

СОРОКОВОЙ, А ПО ОБЩЕМУ ПОРЯДКУ ШЕСТИДЕСЯТОЙ ЕРЕСИ.

Гл. 1. Слыхали мы о ереси Ангеликовъ, и до насъ дошелъ только звукъ ихъ имени, но мы не совсѣмъ ясно знаемъ, какая это ересь, можетъ быть, по тому, что она, въ какое-то время составившись, въ послѣдствіи прекратилась и въ конецъ уничтожилась. А по какой причинѣ имѣла она это имя, не знаемъ. Ибо или отъ того, что нѣкоторые утверждаютъ, будто міръ приведенъ въ бытіе Ангелами, но я не могу сказать, та ли самая ересь, которая утверждаетъ это, названа симъ именемъ, или по тому имѣла она это имя, что еретики эти величаются, будто состоятъ въ чинѣ ангельскомъ и ведутъ отличнѣйшій образъ жизни, но и этого не утверждаю; или они получили это имя отъ какого либо мѣста, по тому что есть какая-то мѣстность Ангелика, лежащая по ту сторону страны Месопотамской.

Гл. 2. Но слушатель, если ты памятливъ, то въ подозрѣніяхъ не дойдешь до порицанія. Мы

объщали объ однихъ ересяхъ объявить ихъ корни и содержаніе, или что либо изъ дѣлаемаго принадлежащими къ нимъ, а о другихъ упомянуть только по имени; и сколько помогала и подавала Сила Божія до сей ереси изъ всѣхъ, которыя мы изложили, ни одной не оставили не объясненною, за исключеніемъ одной этой. А, можетъ быть, для нашего знанія не совсѣмъ ясно понятіе о ней, отъ того, что она превознеслась надменіемъ на малое время, и въ послѣдствіи прекратилась. Упомянувъ же на скоро только о ея именованіи, и поступивъ съ именемъ ея, какъ съ недоноскомъ, минуемъ это мѣсто, что бы устремиться къ разсмотрѣнію другихъ ересей, прося Владыку всяческихъ открыться намъ и, показавъ малому уму нашему подробности того, что бываетъ у еретиковъ, все дать уразумѣть въ точности, такъ что бы намъ и самихъ себя и ближнихъ направить къ избѣжанію негоднаго и къ пріобрѣтенію себѣ отъ Бога постоянства въ добрѣ и подлинной истинѣ.

ОБЪ АПОСТОЛИКАХЪ,

СОРОКЪ ПЕРВОЙ, А ПО ОБЩЕМУ ПОРЯДКУ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВОЙ ЕРЕСИ.

Гл. 1. Послѣ этихъ еретиковъ другіе наименовали себя Апостоликами, а также хотятъ навываться и апотактиками. У нихъ соблюдается нестяжательность. И эти также суть отломокъ ученій Татіановыхъ, Енкратитовъ, Татіанъ и Каѳаровъ, которые собственно не принимаютъ брака. Но у нихъ измѣнены и таинства. Величаются они нестяжательностію, между тѣмъ понапрасну раздираютъ святую церковь Божію, и вредятъ ей самовольнымъ служеніемъ, отступивъ отъ челоуѣколюбія Божія. Ибо у нихъ не бываетъ уже принятія ни для кого изъ падшихъ; а также о бракѣ и о другомъ они мудрствуютъ сходно съ тѣми, о которыхъ было выше сказано. Но Каѳары пользуются только общепризнанными Писаніями; а эти во всемъ чуждаясь церковнаго правила, по большей части опираются на, такъ называемыя, Дѣянія Андрея и Ѳомы.

Если бракъ мерзокъ: то не чисты всё родившіеся отъ брака. И если святая церковь Божія состоитъ только изъ отрекшихся отъ брака: то бракъ уже не отъ Бога; и если всякое основаніе дѣторожденія не отъ Бога, то оно чуждо Богу; и если основаніе дѣторожденія чуждо Богу: то и дѣти чужды Богу, какъ родившіеся отъ брака. Къ чему же сказано: *еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ* (Мѡ. 19, 6.)? Ибо чтобы разлучать принудительно, это отъ человѣка; а произвольно воздерживаться—дѣло не человеческое, но Божіе, какъ сказалъ Господь. И естественная нужда часто подвергается порицанію, по тому что совершается не съ надлежащимъ соображеніемъ, но выступаетъ изъ правила: ибо богочестіе чуждо принужденія, а того праведность зависитъ—отъ произволенія. Собственно же необходимо для богочестія, какъ очевидно, то, что естеству удѣлено природѣ человеческой какъ-то: не блудодѣйствовать, не прелюбодѣйствовать, не распутствовать, въ одно и то же время не вступать во второй бракъ, не быть хищникомъ, не обижать, не упиваться, не быть ненасытнымъ, не идолослужительствовать, не убивать, не чародѣйствовать, не проклинать, не быть ругателемъ, не клясться, и хотя приходитъ въ негодованіе, но скоро укрощаться, *гнѣваться и не согрѣшать, да не зайдетъ солнце въ ильвь* (Еф. 4, 26.). А что сочетаваться бракомъ благозаконно, это можетъ сдѣлать яв-

нымъ естество, созданное Богомъ и получившее на то позволеніе. Да и все другое сему подобное бываетъ такимъ или другимъ соразмѣрно съ дозволеніемъ.

Гл. 2. Но мы начали говорить объ этихъ еретикахъ. Они находятся на небольшемъ пространствѣ во Фригіи, Киликіи и Памфили. Что же? Слѣдовательно сократилась церковь, которая отъ концовъ земли до концовъ земли, и уже не во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ (Рим. 10, 18.)? А также не состоится и изреченіе Спасителя: *будете Ми свидѣтели даже до послѣднихъ земли* (Дѣя. 1, 8.)? Ибо если бракъ не честенъ, и не угоденъ Богу, и жизнь потеряна для брака: то пусть рождаются безъ брака; а если рождаются отъ брака: то скверны по причинѣ брака. Если же они одни не скверны, хотя происходятъ отъ брака: то бракъ не скверенъ, по тому что безъ него не можетъ родиться никто въ мірѣ. Такъ велико заблужденіе сихъ людей, разнообразно и по многимъ поводамъ причинившее вредъ роду человѣческому и подъ благовиднымъ предложомъ уклонившее каждого изъ тѣхъ отъ истины.

Гл. 3. И въ церкви есть отреченіе отъ міра; но она не гнушается бракомъ. И въ церкви есть нестяжательность; но церковь не возстаетъ противъ владѣющихъ праведнымъ стяжаніемъ и имѣющихъ оное отъ своихъ родителей для удовлетворенія самихъ себя и нуждающихся. И отъ

явствъ воздерживаются многіе, но не надмѣваются предъ невоздерживающимися: ибо *ядый не ядущаго да не укоряетъ, и не ядый ядущаго да не осуждаетъ*: ибо *Господеву ястъ и пьетъ, и Господеву не ястъ и не пьетъ* (Рим. 14, 3. 6.). Вотъ видишь: въ церкви одно единомысліе, одна надежда, одна вѣра, раздаваемая каждому по его собственной силѣ и по его собственному подвигу въ трудѣ. Святая Божія церковь подобна кораблю. А корабль устроается не изъ одного дерева, но изъ различныхъ; и хотя киль у него изъ одного дерева, впрочемъ не изъ одного бревна (*ὁυ μονοβόλας*), а якоря изъ другихъ; ¹⁾ да и брусья и настилка на палубѣ, бортъ, стойки, и части корма, стѣнки, перемычки, вѣтрила и руль, рычаги, румпели и правила, и прочее,—все это собрано въ корабль изъ различныхъ деревъ. А каждая изъ этихъ ересей какая-то одnodеревка и не являетъ въ себѣ отличительнаго свойства церкви. Но въ святой Божіей церкви есть и честный бракъ, и почитается таковой, по тому что *честна женитва, и ложе нескверно* (Евр. 13, 4.); есть удивительнѣйшее воздержаніе, и похваляется оно, по тому что церковь подвизается подвигомъ, и небрежетъ о семь вѣкѣ, какъ гораздо могуществен-

¹⁾ Попримѣривается, вѣроятно вещества; въ греческомъ подлинникѣ сказано: *ἐτερον*

нѣйшая; но есть также и дѣвство и препрославлено оно, какъ что-то доблестное и украшенное легчайшими крилами. Находятся въ церкви отрекшіеся отъ міра, но не надмевающиеся предъ тѣми, которые еще обращаются въ мірѣ, а радующіеся на нихъ, если они весьма набожны, какъ поступали и Апостолы, хотя сами были нестяжательны. Да и Самъ Спаситель, Владыка всѣхъ, бывъ во плоти, не имѣлъ никакого земнаго стяжанія, но не отвергалъ женъ, служившихъ Ему и Его ученикамъ: ибо сказано: *яже идоша по Немъ отъ Галилеи, служаще Ему* (Мѡ. 27, 55.) и тѣмъ, которые съ Нимъ, *отъ ильній своихъ* (Лук. 8, 3.).

Гл. 4. Иначе какъ исполнится сказанное: *приидите, станьте одесную Меня благословеніи, которымъ Отець Мой небесный назначилъ царствіе прежде сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте Ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя: нагъ бѣхъ, и одѣясте Мя* (Мѡ. 25, 34—36.)? На что сіи могли бы дѣлать это, если бы не совершали сего *отъ праведныхъ трудовъ* (Притч. 3, 9.), и отъ праведныхъ своихъ имѣній. И если бы сами эти отрекшіеся отъ міра и ведущіе апостольскій образъ жизни были перемѣшаны съ другими: они не имѣли бы чуждой отличительной черты, далекой отъ установленія Божія; и если бы они отрекались отъ женъ ради воздержанія: то похвально было бы ихъ воздержаніе, если бы только они не гнушались бракомъ.

но вѣдая дѣло и достоинство каждаго, были въ общеніи съ тѣми, которые еще въ бракѣ. Ибо корабль Божій принимаетъ всякаго входящаго, за исключеніемъ разбойника. Зная, кто хищникъ и морской разбойникъ, корабль не принимаетъ того, не принимаетъ и бѣглеца, и вырвавшася изъ подъ власти своихъ господъ. Такъ и святая церковь Божія не допускаетъ до себя блуда, не допускаетъ прелюбодѣянія, не допускаетъ богоотступничества, не принимаетъ отвергающихъ *владычество* установленныхъ Богомъ Апостолами учрежденій? Принимаетъ же она инаго съ великою куплею. инаго—по опытности въ мореходствѣ, инаго—кормчимъ и знатокомъ, одного—на носовую часть корабля, другаго.—а именно обладающаго наибольшимъ искусствомъ не терять изъ виду цѣли,—на кормовую, инаго даже какъ бы вмѣсто полагаемой на дно тяжести и клади, а инаго и для того только, что бы переплыть, и не потонуть въ морѣ. И если кому не подаетъ спасенія, то безъ сомнѣнія не потому что у него недостаетъ столько-то: напротивъ того она умѣетъ всѣхъ спасти, но каждаго по мѣрѣ его собственнаго дѣла. Иначе по чему у Апостола *цѣлуютъ уже отъ дому Кесарева* (Филип. 4, 22.)? По чему также Апостоломъ сказано: если ты считаешь неприличнымъ для своей дѣвицы, такъ она и должна поступить; пусть выходитъ за мужъ, она не согрѣшаетъ (1 Кор. 7. 36.)? Это слово: *не согрѣ-*

шаеѣ, не можетъ исполниться безъ помощи купели. Ибо если *все согрѣшиша, и лишены суть славы Божіа, оправдаеми туне благодатию* (Рим. 3, 23. 24): то очевидно, что все оправдываются *банею пакибытія* (Тим. 3, 5). Ибо сія баня, омывъ всякій грѣхъ покаяніемъ, украшаетъ душу и тѣло. Слѣдовательно какъ на подлинную дѣву простирается даръ крещенія, такъ и на той, которая уже не дѣва, есть особенная нужда полагать печать крещенія по причинѣ грѣховности.

Гл. 5. Но хотя мы сказали о дѣвѣ, что она, по постановленію апостола, должна выходить замужъ; пусть люди, наклонные къ распущенности, не думаютъ, будто Апостоль постановилъ это, желая однажды посвятившую свое дѣвство Богу совлечь съ нея поприща. Ибо не о сихъ дѣвахъ рѣчь, а о перешедшихъ зрѣлый возрастъ дѣвахъ, оставшихся при своей зрѣлости не ради дѣвства, но за неудобствомъ находить мужей для замужства. Апостолы, какъ происходившіе изъ Іудеевъ, и устроявшіе свою жизнь по закону, когда полагали начало проповѣди, то были еще связаны постановленіями законными, не въ видахъ какого либо оправданія плоти, но въ видахъ приличной твердости въ законѣ и точнаго соблюденія онаго. А законъ удивительно проповѣдывалъ Израильтянамъ, чтобы не отдавали дочерей своихъ иноплеменникамъ, чтобы сіи не совращали ихъ къ

идоламъ. По сему въ то время каждому изъ вѣровавшихъ было предписываемо не выдавать свою дѣву въ замужество за Іудеевъ, но выдавать только за единовѣрныхъ и единомысленныхъ Христіанъ. Поелику же проповѣдь была нова; то по мѣстамъ бывало еще не помногу Христіанъ и Христіанскаго ученія. По сему имѣвшіе въ то время дочерей дѣвицы, не имѣя средствъ выдавать ихъ за Христіанъ, много времени берсгли своихъ дѣвицъ; а тѣ, перерѣвши, по естественной нуждѣ впадали въ блудъ. По тому Апостоль, видя уронъ, происходящій отъ точнаго соблюденія сего, и далъ позволеніе, говоря: *аще ли же кто* хочетъ *дѣву* свою... и не сказалъ: дѣвство Свое, ибо говорить не о тѣлѣ своемъ, но объ отцѣ, берегушемъ дѣвицу; а если дѣвою своею называетъ и тѣло свое, то и это—не препятствіе; и такъ говорить: *стоитъ твердо* умомъ своимъ, и она *должна* *есть* это сдѣлать: *да посягаетъ, не согрѣшаетъ* (1 Кор. 7, 36. 37.). *Да посягаетъ*, говорить, за кого окажется удобнымъ, *не согрѣшаетъ*. И по сему *привязася ли еси жены? не ищи разрѣшенія: отрѣшился ли еси жены? не ищи жены* (— 27.). Говорящій: *хочу, да вси будутъ якоже азъ* (— 7.), сказалъ: *аще не удержатся, да посягаютъ* (— 9.).

Гл. 6. Опять обращаясь къ безбрачнымъ, сказалъ: *глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ: добро имъ, аще пребудутъ яко же и азъ* (— 8.).

Какъ же еще сказалъ: *привязался ли еси женѣ? не ищи разрѣшенія?* Или какъ не окажется Апостоль законнополагающимъ вопреки Господу своему, говорящему: кто не оставитъ *отца, и мать, и братію, и жену, и чадѣ, и дочерей, тотъ не ученикъ Мой* (Лук. 14, 26)? Какъ же и Самъ Тотъ, Кто говоритъ, что должно оставить честную жену и отца, говоритъ также: *чти* ¹⁾ *отца и мать* (Мѡ. 15, 4.), ибо это— *заповѣдь первая во обѣтованіи* (Еф. 6, 2.), и *еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ* (Мѡ. 19, 6.)? Но нѣтъ надобности въ иносказаніи, что бы видѣть, какую силу имѣютъ все реченія Божіи; а нужны умозрѣніе и смыслъ, что бы знать силу каждаго положенія. Должно также пользоваться и преданіемъ: ибо не все можетъ быть заимствовано изъ божественнаго Писанія. По сему святые Апостолы одно предали въ писаніяхъ, а другое въ преданіяхъ, какъ и говоритъ святой Апостоль: *якоже предахъ вамъ* (1 Кор. 11, 2.), и въ другомъ мѣстѣ: *такъ учу, и тако предалъ я во церквахъ* (— 7, 17.), и *аще содержите: развѣ аще не все вѣровасте* (— 15, 2.).

По сему святые Апостолы Божіи предали святой Божіей церкви, что грѣшно по опредѣленіи себя къ дѣвству вступать въ бракъ. А

¹⁾ Въ подлинникѣ у Св. Епифанія: *δ τιμῶν*, вѣроятно, по ошибкѣ переписчиковъ.

написалъ Апостоль: *аще посянетъ дѣва, не совършила есть* (7, 28.). Какъ же это согласуется съ тѣмъ? Но Апостоль говоритъ не о той дѣвѣ, которая рѣшилась бытъ дѣвою для Бога, но о той, которая оставалась дѣвою по нуждѣ, въ слѣдствіе затрудненія отъ немногочисленности въ то время увѣровавшихъ во Христа. И что это—такъ, можетъ научить насъ самъ же Апостоль, который говоритъ: *юныхъ вдовицъ отрицайся: ибо послѣ того, какъ разсвирѣпляютъ противу Христа, посягати хотятъ, и муцья грѣхъ, яко первыя вѣры отвергшася* (1 Тим. 5, 11. 12.). По сему если вдовствовавшая послѣ испытанія жизни въ мірѣ, потому что такъ устроено Богомъ. будетъ имѣть грѣхъ, если потомъ вступить въ замужество, какъ отвергшаяся *первыя вѣры*: то во сколько болѣе грѣхъ дѣвы, которая, не испытавъ жизни въ мірѣ, сама себя посвятила Богу, если она вступить въ замужество? Не гораздо ли болѣе она оказывается разсвирѣпѣвшею *противу Христа*, болѣе отвергшеюся вѣры, и не будетъ ли осуждена, какъ не сдержавшая своего намѣренія въ отношеніи къ Богу.

Гл. 7. По сему пусть выходятъ въ замужество, раждають дѣтей, управляютъ домоу (— 14): вотъ краткое и умѣренное слово противъ худо думающихъ о всякомъ предметѣ церковной проповѣди. Церковь какъ отметаеть отъ себя тѣхъ, которые называютъ себя Апостоликами. Апо-

тактиками и Енкратитами, такъ отвергаетъ и тѣхъ, которые въ церкви склонны къ распущенности и увѣщаваютъ женщинъ, не стѣсняясь требованіями совершеннаго пути, отказаться отъ поприща, ведущаго къ такому совершенству. И хотя отвергшій дѣвство, посвященное Богу, и нанесшій посрамленіе подвигу, подлежитъ грѣху и суду: ибо какъ борецъ, нарушившій правила борьбы, по наказаніи бичами, извергается съ мѣста борьбы, такъ и тотъ, кто нарушитъ дѣвство, извергается съ этого пути и лишается вѣнца и награды: впрочемъ лучше судъ, нежели осужденіе. Ибо кто изъ стыда предъ людьми творитъ блудъ тайно, прикрываясь иночествомъ или воздержаніемъ, тотъ хотя и не открытъ предъ людьми, но явленъ Богу, вѣдущему сокровенное и въ пришествіе свое имѣющему обличить всякую плоть во всемъ, чѣмъ каждый согрѣшилъ. По сему лучше имѣть одинъ грѣхъ, нежели много до чрезмѣрности. Лучше явно сойти съ высокаго пути и взять себѣ жену по закону, и за несоблюденіе дѣвства, принеся долговременное покаяніе, снова быть введеннымъ въ церковь, какъ сдѣлавшему худо, какъ упавшему и разбившемуся и имѣющему нужду въ перевязкѣ, нежели ежедневно уязвляться сокровенными стрѣлами зла отъ діавола.

Гл. 8. Такова обычная проповѣдь церкви; таковы цѣлебныя врачества; таковы виды муро-

варнаго искусства; таково приготовленіе святаго елея по закону; такова благоухающая добрая вѣра, препоясующая подвизающагося на подвигъ, и своимъ голосомъ ободряющая его къ продолженію поприща, чтобы онъ могъ получить вѣнецъ. Таково дѣло Божіе, всѣхъ собирающее по царскому повелѣнію *для устроенія царскаго чертога*: и багряницу съ моря, и волну съ овцы, и ленъ съ земли, и виссонъ, и шелкъ. и *кожи очерслены* (Исход. 35, 23), и драгоценный камень смарагдъ, жемчугъ, ахатъ, камни различные между собою по цвѣту, но равно значительные по цѣнности. а кромѣ того золото, серебро, *древеса негниющая* (— 24) мѣдь и желѣзо, а также не отвергающее и *волну козю* (— 26). Такова была тогда скинія, а нынѣ таковъ вмѣсто скиніи домъ, утвержденный въ Богѣ,— основаніи силы. И да престанетъ всякая ересь возставать противъ истины, лучше же сказать, да престанетъ сама себя удалять отъ истины.

Доселѣ объ этомъ. Побивъ же древомъ креста и покинувъ эту заносчивую ехидну, подобную такъ называемому аконтію ¹⁾, или слѣпой змѣѣ, или змѣѣ мышеловкѣ (хотя эти пресмыкающіяся и не столько имѣютъ яда, впрочемъ сихъ еретиковъ за ихъ искусство втираться хо-

¹⁾ Слич. Твор. Св. Отцвъ въ рус. перев. т. 44, стр. 123.

рошо уподобить этимъ змѣямъ по ходу, по заносчивости и по стремительности въ нападеніи), и презрѣвъ сихъ еретиковъ, перейдемъ возлюбленные, къ слѣдующимъ по порядку ересямъ.

О САВЕЛІАНАХЪ,

СОРОКЪ ВТОРОЙ, А ПО ОБЩЕМУ ПОРЯДКУ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ЕРЕСИ.

Гл. 1. Нѣкто Савеллій возсталъ не въ очень давнія времена; это еретьикъ новый, отъ котораго произошли такъ называемые Савелліане. И онъ училъ весьма близко къ Ноеціанамъ, за исключеніемъ кое чего немногаго. Этого ученія, увлекаемые какимъ-то безуміемъ, придерживаются многіе въ Месопотаміи и предѣлахъ Рима.

Савеллій съ происшедшими отъ него Савелліанами учитъ, что одинъ и тотъ же есть и Отецъ, и Сынъ, и Духъ Святой, такъ что это— три именованія одной ипостаси, или какъ тѣло, душа и духъ въ человѣкѣ. И Отецъ, такъ сказать—тѣло, а душею можно назвать Сына, и какъ въ человѣкѣ—духъ. такъ и въ Божествѣ Святой Духъ. Или какъ въ солнцѣ. хотя оно въ сущности одно, находятся три дѣйствія, то есть: освѣщать и согрѣвать и еще самый округлый

видъ. И согрѣвающее, или теплота и жаръ есть Духъ, просвѣщающее—Сынъ, а самый видъ всего существа есть Отецъ. Въ свое время Сынъ былъ посланъ какъ лучъ, и Онъ сдѣлалъ въ мѣръ все, относящееся къ евангельскому домо-строительству и спасенію людей, а потомъ вознесся опять на небо, подобно лучу, испущенному солнцемъ и снова возвратившемуся въ солнце. Духъ же Святой посылается однажды для цѣлаго мѣра. и потомъ въ отдѣльности на cadaго изъ удостоиваемыхъ сего; такового онъ, духовною силою и сближеніемъ такъ сказать оживотворяетъ и воспламеняетъ, согрѣваетъ и дѣлаетъ теплымъ. Такъ учатъ Савелліане.

Гл. 2. У нихъ въ употребленіи всѣ писанія ветхаго и новаго Завѣта, но они пользуются только нѣкоторыми изреченіями, которыя сами выбираютъ согласно собственному измышленію ихъ поврежденнаго ума и неразумія. Прежде всего они пользуются словами и изреченіями, которыя сказалъ Богъ Моисею, а именно: *слыши Израилю: Господь Богъ твой единъ есть* (Второзак. 6, 4). *Несотвори себѣ боговъ иныхъ. Да не будутъ тебѣ бози* (Исх. 20, 2. 3) *новые* (Псал. 80, 10): потому что *Азъ Богъ первый и Азъ по сихъ* (Иса. 41, 4), *кроль Мене нѣсть иного* (44, 6). И все, что подобно сему, согласно собственному ихъ разумѣнію, приводятъ въ подтвержденіе сего же. Также изъ Евангелія приводятъ слова: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ,*

и: Мы двое *едино есма*. (Иоан. 14, 11; 10, 30).

А все свое заблужденіе и силу своего заблужденія получили они изъ нѣкоторыхъ подложныхъ писаній, особенно же изъ такъ называемаго египетскаго Евангелія,—такое имя . придали ему нѣкоторые. Ибо въ этомъ Евангеліи излагается много подобнаго сему,—какъ бы украдкою, тайнственно; въ немъ отъ лица Спасителя говорится, какъ будто онъ Самъ объясняетъ ученикамъ, что одинъ и тотъ же Отецъ, Сынъ и Духъ Святый. А когда встрѣтятся съ кѣмъ-либо изъ наиболѣе простодушныхъ или неопытныхъ, неимѣющихъ яснаго познанія о Божественныхъ писаніяхъ, то на первый разъ приводятъ въ смущеніе такими словами: что сказать намъ, любезные? Одинъ у насъ Богъ или три бога? Когда услышитъ это человекъ богобоязненный, но несовершенно свѣдущій въ истинѣ,—тотчасъ, смутившись умомъ, соглашается съ ихъ заблужденіемъ и оказывается отрицающимъ Бога,—оказывается отрицающимъ бытіе Сына и Святаго Духа.

Гл. 3. Во всемъ этомъ дѣйствуетъ своими внушеніями исконный врагъ людей, дабы большую часть людей обольстить и совратить съ пути истины, одного такъ, другаго иначе. Ибо въ святой церкви Божіей ясно исповѣдуются и единогласно признано, что дѣйствительно Богъ одинъ и нѣтъ иного. Не многобожію учимъ мы, но единоначаліе проповѣдуемъ. Проповѣдуя

же единоначаліе, не впадаемъ въ заблужденіе, но исповѣдуемъ Троицу,—Единицу въ Троицѣ и Троицу въ Единицѣ и единое Божество Отца и Сына и Святаго Духа. Ибо Сынъ не Самъ Себя родиль, и Отець неизмѣнился такъ, чтобы изъ Отца быть Сыномъ, и Духъ Святыи не именовалъ себя когда либо Христомъ, но Духомъ Христовымъ, даруемымъ чрезъ Христа, отъ Отца исходящимъ и отъ Сына приѣмлющимъ. Личное бытіе имѣетъ Отець, личное—Сынъ, личное—Духъ Святыи, но Троица не есть смѣшеніе, какъ думалъ Савеллій и неизмѣняется въ своей вѣчности и славѣ, какъ училъ суетсловащій Арій, но Троица всегда была Троицею и никогда Троица не получаетъ прибавленія, будучи единымъ Божествомъ, единымъ господствомъ, будучи единою славою. Она однако же числится какъ Троица — Отець, и Сынъ, и Святыи Духъ, числится не такъ, чтобы тремя именами называлось нѣчто одно, но имена по истинѣ совершенны, совершенны и впостаси и нѣтъ въ нихъ никакого измѣненія. Отець всегда Отець, и не было времени, когда бы Отець не былъ Отцемъ; Онъ есть всегда совершенный Отець, имѣющій личное бытіе; и Сынъ есть всегда совершенный, всегда имѣющій личное бытіе, истинно рожденный отъ Отца безначально, предвѣчно и неизглаголанно,—не собратъ Отцу. не получившій начала бытія, и не престававшій когда либо существовать. но всегда,

какъ истинный Сынъ, существующій со Отцемъ, довременно рожденный отъ Отца, равный Ему, Богъ отъ Бога, Свѣтъ отъ Свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго, рожденный, несотворенный. Но Онъ не Самъ Отець, и Отець не самъ Сынъ. Если же Отець есть Богъ, то и Сынъ и Святыи Духъ есть Богъ.

Гл. 4. Ибо Духъ всегда со Отцемъ и Сыномъ; Онъ не собратъ Отцу, не рожденъ, не сотворенъ, не братъ Сына, не внукъ Отца, отъ Отца исходить и отъ Сына приемиеть; не иного со Отцемъ и Сыномъ существа, но одного и того же существа, одного и того же Божества, отъ Отца и Сына ¹⁾, со Отцемъ и Сыномъ, всегда имѣющій личное бытіе, Духъ Святыи, Духъ Божій, Духъ славы, Духъ Христовъ, Духъ Отца; ибо сказано: *Духъ Отца млаоляй въ васъ* (Матѳ. 10, 20) и еще: *Духъ мой настоитъ посреди васъ* (Агг. 2, 6). Онъ по именованію третій, а по Божеству—равный, отъ Отца и Сына неразнствующій, союзъ Троицы, запечатлѣніе исповѣданія. Ибо Сынъ говоритъ: *азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30), неказаль: единъ есмь; но слова: *Азъ и Отецъ* означаютъ, что имѣеть личное бытіе Отець и имѣеть личное бытіе Сынъ, казалъ: двое, а не казалъ: одинъ. И еще: *едино есма,*

¹⁾ Т. е. исходя отъ Отца и отъ Сына приемиа, какъ выше казалъ св. Епифаній.

а не сказалъ: единъ есмь. Равнымъ образомъ сказалъ онъ: *идше крестите во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѳ. 28, 19), при чемъ въ среднихъ поставлены союзы. при слогѣ *тѣ*, *тѣ* и *тѣ*. Матѳеей изобличаетъ Савеллія, привносящаго смѣшеніе лицъ, ибо обозначаетъ истинно Отца, истинно Сына, истинно Святаго Духа. А когда поставлена Троица въ одномъ порядкѣ и наименована однимъ именемъ (во имя), то симъ изобличаетъ онъ Арія, придумавшаго въ Троицѣ какую-то постепенность, или измѣняемость, или различіе; ибо хотя Отецъ возвѣщается въ ученіи большимъ Сына, однако же славу достолюбно предоставляетъ Сыну. Ибо кому бы и приличествовало прославлять своего Отца, какъ не Сыну истинному? И опять: желая показать равенство, дабы нѣкоторые не впади въ заблужденіе, считая Его, какъ Сына, меньшимъ, говоритъ такъ: *иже нечитѣ Сына, якоже читѣ Отца, неимѣтъ живота въ себѣ* (Іоан. 5, 23); и еще: *вся, елика имѣтъ Отецѣ, Моя суть* (Іоан. 16, 15—). Что же значать слова: *елика имѣтъ Отецѣ*, какъ не то, что какъ Отецъ—Богъ, такъ и Я—Богъ; Отецъ-жизнь, и Я жизнь, Отецъ вѣчно, и Я вѣчно: *вся, елика имѣтъ Отецѣ, моя суть*.

Гл. 5. Посмотри же, Савеллій, и размысли. открой очи сердца твоего и неслѣпотствуй; мысль твоя и обольщенныхъ тобою да снидетъ со Святымъ Іоанномъ на Іордань. Отверзи уши

твой и послушай гласа пророка глаголющаго: *изъ гласъ вопіющаго въ пустыни* (Матѳ. 3, 3). Послушай Предтечу Господня, удостоившагося получить имя Ангела, пріявшаго отъ чрева матери Духа Святаго и възгравашаго при входѣ Маріи къ Елизаветѣ. Будучи еще во чревѣ, Онъ позналъ пришествіе своего Владыки и възгралъ. Ему дано было открыть проповѣданіе и уготовать путь Господень. Повѣрь ему и не уклонишься отъ цѣли истины. Вотъ онъ, какъ только узналъ своего Владыку, свидѣтельствуеть, говоря: я имѣю нужду въ Тебѣ, *и Ты ли грядеши ко мнѣ*. Когда же Спаситель сказалъ: *остави нынѣ*, да исполнится *всякая правда*— (Матѳ. 3, 15), и крестился отъ него: тогда, какъ говоритъ Божественное Евангеліе, *Іоаннъ свидѣльствова глаголя, яко отверзошася небеса и видѣхъ Духа Святаго сходяща въ видѣ голубя, и грядуща на Него, и гласъ съ небесе: сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ* (Іоан. 1, 32; Матѳ. 3. 16, 17). О мужъ спорливый! Отецъ былъ на небѣ; гласъ сходилъ съ неба. Ежели же гласъ былъ съ неба, то прошу тебя, разсмотри свое превратное мнѣніе. Къ кому говорилъ Отецъ: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ*? И кто былъ Сей? Для чего Духъ сошелъ въ видѣ голубя, хотя Духъ Святыи тѣла не имѣеть? Ибо одинъ Единородный облекся въ тѣло и истинно вочеловѣчился отъ Приснодѣвы Маріи

чрезъ Духа Святаго. Не отъ сѣмени мужскаго, но отъ Маріи, Онъ—зиждательное Слово—образовалъ Себѣ тѣло, а такъ же душу человѣческую и умъ, и доселѣ пребываетъ человѣкомъ, все воспріавъ въ Себя совершенно и соединивъ съ своимъ Божествомъ; не такъ чтобы только вселился въ человѣкѣ (сего да не будетъ), но самъ Святый Богъ—Слово—вочеловѣчился.

Гл. 6. Для чего же Духъ является въ видѣ голубя? Дабы внушить тебѣ, который желаешь казаться мудрымъ, но ничего правильно не разумѣешь,—чтобы ты не произносилъ хулы и не думай сливать Духа съ Отцемъ или Сыномъ. Духъ Святый, не имѣя тѣла, принимаетъ видъ голубя для того, чтобы изблечить твое заблужденіе и показать, что Духъ самъ по себѣ имѣетъ личное бытіе; имѣетъ оно Отецъ, имѣетъ и Единородный, Божество однако же не раздѣляется и слава Его не умаляется. Видишь, какъ счисляется Троица: Отецъ даетъ гласъ съ неба, Сынъ крещается во Іорданѣ, Духъ Святый сходитъ въ видѣ голубя. Скажи мнѣ еще, кто это изрекъ: *се уразумѣтъ отрокъ мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ, пріятъ его душа моя, положу Духъ мой на нъ, и судъ языкомъ возвьститъ. Не преречетъ, не возопіетъ, ниже услышится на распутіихъ гласъ его. Трости сокрушены не преломитъ и льна внемшася неугаситъ, дондеже изведетъ въ побѣду судъ и*

т. д. (Матѣ. 12, 18—20; Исаи 52, 13; 42, 1—3)? Мужъ спорливый! ужели сіи слова не могутъ заключать въ себѣ указанія на Троицу? Ужели Отець у пророка сказалъ сіе о Себѣ? А кто это, о комъ написано: *рече Господь Господеву моему: съди одесную Мене* (Псал. 109, 1)? Или еще, какъ говоритъ Евангеліе, *и вознесеса на небо и съде одесную Отца* (Мар. 16, 19), и придетъ судити живыхъ и мертвыхъ? Или еще, какъ не убѣдили тебя два мужа, явившіеся въ одеждахъ бѣлыхъ и сказавшіе ученикамъ: *мужіе Галилейстїи, что стоите зряще на небо? Сей Іисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде придетъ*, какъ видите Его возносящимся (Дѣян. 1, 11)? Кого видѣлъ блаженный Стефанъ, когда говорилъ: *се вижу небо отверсто, и Сына чловѣча стояща одесную Бога* (Дѣян. 7, 56)? А ты, невѣжда во всемъ, не понявшій гласа святыхъ писаній, повредилъ болѣе себѣ и послушавшимъ тебя, отпавъ отъ святой вѣры въ истину Божию.

Гл. 7. Богъ истинно сказалъ: *Азъ первый и Азъ послѣдъ, кромя Мене нѣтъ иного* (Ис. 44, 6). Истинно, что нѣтъ многихъ боговъ, но единъ Богъ *первый и послѣдъ*, Отець, и Сынъ, и Святыи Духъ,—Троица несліянная и нераздѣльная въ своемъ единствѣ; Отець истинно родилъ Сына, и Сынъ истинно рожденъ отъ Отца и имѣетъ личное бытіе безначально и довременно и Духъ Святыи истинно отъ Отца и Сына, имѣ-

еть тоже Божество, отъ Отца исходитъ и отъ Сына всегда пріемлетъ,—единъ Богъ первый и послѣдній. Говорится же сіе такъ и отъ лица Самаго Христа ради нѣкоего инаго домостроительства. Хотя Иисусъ Христосъ—Господь нашъ часто являлся пророкамъ и возвѣщалъ Свое будущее пришествіе, но нѣкоторые не приняли Его, ожидая вмѣсто Него другаго: посему, дабы сыны Израилевы, обезумѣвъ и обратившись на сторону суевѣрныхъ читателей и идоловъ и введшихъ въ міръ многобожіе,—не поклонились идоламъ Аммореевъ, Хеттеевъ, Хананеевъ, Ферезеевъ, Евсеевъ, Гергесеевъ, Іевуссеевъ, Арукеевъ и Асаннеевъ (Быт. 10, 15. 16), (какъ впрочемъ и сказано о нихъ, что они поклонились Веельфегору, Хамосу, Астартѣ, Мазурофамъ ¹⁾ Неастѣ ²⁾ и Веельзеваѳу ³⁾ и прочимъ идоламъ—языческимъ)—сказалъ имъ Господь: *Азъ первый и послѣдній*, дабы отвратить ихъ отъ прелести бабней язычниковъ—поклонниковъ многобожія. И поелику имѣли они отвергнуть пришествіе Сына Его—Господа нашего Іисуса Христа: то и сказалъ Онъ Іудеямъ: *Азъ первый и послѣдній*,—первый, пришедшій во плоти и послѣдній грядущій судить живыхъ и мертвыхъ, пострадавшій на крестѣ, погребенный и воскресшій, съ тѣмъ же

¹⁾ Въ Славянской библии: *планетамъ* 4 Цар. 23, 5.

²⁾ Неестанъ, или змія шѣдная. 4 Цар. 18, 4.

³⁾ Веельзеуѳъ, или ваалъ, скверный богъ 4 Цар. 1, 2.

самымъ тѣломъ во славѣ вознесшійся на небо, такъ какъ тѣло получило участіе во славѣ Божества Его, просіяло, уже не подлежитъ прикосновенію и смерти болѣе не причастно; ибо *Христосъ*, какъ говоритъ писаніе, *воста отъ мертвыхъ, смерть имъ къ тому не обладаетъ*, говоритъ Апостоль (Рим. 6. 9). Смотри, какъ точность (писанія) руководствуетъ человѣка, чтобы онъ неуклонился въ какую либо сторону отъ истины. Когда разумъ вздумалъ произвести многобожіе, тогда человѣкъ долженъ былъ услышать: *Господь Богъ твой—Господь единъ есть* (Втор. 6, 4). Когда сыны Израилевы будутъ ожидать другаго Христа, а не того, который пришелъ, они услышатъ: *Азъ первый и по сихъ. Азъ есмь алфа и омега* (Апок. 1, 18); алфа (А) отверста книзу, а омега (ω) отверста кверху— да исполнится реченное: *сшедый, той есть и возшедый превыше всякаго начальства и власти и господства и всякаго имене именуемаго* (Ефес. 4, 10; 1, 21). А дабы размышляя о словахъ *Азъ есмь первый и Азъ по сихъ; Азъ есмь алфа и омега; Господь Богъ твой Господь единъ есть; Азъ есмь сый* (Исх. 3, 14). несталъ кто либо отрицать Христа и Святаго Духа. для сего сказано: *Отецъ Мой болій Мене есть* (Іоан. 14, 28); и еще: *да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога и Его же послалъ еси Іисусъ Христа* (17, 3). Сказано сіе не въ томъ смыслѣ, будто Сынъ не есть истинный Богъ, но для того,

чтобы наименованіе Троицы возвести къ единству и обратить мысль человѣческую отъ многобожія къ единому Божеству.

Гл. 8. Если же Аріѳ, заблудившись умомъ, подумаетъ, что одинъ только называется истиннымъ Богомъ, то есть Отецъ. а Сынъ, хотя и есть Богъ, но неистинный: таковаго опять инымъ образомъ изобличаетъ. говоря: *Азъ есмь свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго чловѣка грядущаго въ міръ* (Іоан. 8, 12; 1, 9). Объ Отцѣ же сказано, что *Богъ свѣтъ есть* (1. Іоан. 1, 5), а не сказано: свѣтъ истинный, дабы мы изъ наименованія Бога истиннымъ и свѣта истиннымъ познавали равенство Божества у Отца съ Сыномъ и у Сына съ Отцемъ; и Отецъ именуется свѣтомъ, и Сынъ именуется Богомъ безъ прибавленія здѣсь слова: истинный; и не было нужды говорить, потому что нѣтъ никакого сомнѣнія; ибо словами *Богъ* и *свѣтъ* ясно показано единое совершенство одинаковой истинности, какъ Отца по отношенію къ Сыну, такъ и Сына по отношенію къ Отцу. Такимъ образомъ все безуміе твоего заблужденія опровергнуто. Ибо Отецъ есть Отецъ, Сынъ есть Сынъ, Святыи Духъ есть Святыи Духъ, Троица единое Божество, единая слава, единое господство. Ему слава и держава, Отцу въ Сынѣ, Сыну во Отцѣ со Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ, аминь.

Отрясши и эту ересь, какъ бы ливійскаго змія, или лягушку, или ужа, или нѣкій иной видъ

пресмыкающихся—весьма страшныхъ, но немѣющихся силы укушеніемъ причинить вредъ, и поправъ ее силою Святой Троицы, призовемъ, идя впередъ по порядку ересей, самаго Заступника нашего убожества и скудости, да поможетъ Онъ достойнымъ образомъ изобличить то, что говорится и что бываетъ въ каждой ереси и сдѣлать ихъ опроверженіе.

ОБЪ ОРИГЕНИСТАХЪ ПЕРВЫХЪ, — ОНИ ЖЕ И СРАМНЫЕ;
СОРОКЪ ТРЕТЬЯ, А ПО ОБЩЕМУ ПОРЯДКУ ШЕСТДЕСЯТЬ
ТРЕТЬЯ ЕРЕСЬ.

Гл. 1. Нѣкоторые еретики называются Оригенистами; этотъ родъ ереси находится не вездѣ. По моему мнѣнію, и эта ересь явилась вслѣдъ за тѣми ересями. А отъ чего именуются они Оригенистами, не со всѣмъ ясно мы знаемъ, — отъ Оригена ли адамантоваго, прозваннаго *Синтактолъ* (сочинителемъ), или отъ кого нибудь другаго, — незнаю. Впрочемъ это названіе у насъ принято.

Ересь ихъ признается похожею на ересь Епифана, о которомъ я сказалъ выше, при изложеніи ересей гностическихъ. Они принимаютъ различныя писанія Новаго и Ветхаго завѣта. отвергаютъ бракъ и не знаютъ границъ въ сладострастіи. Нѣкоторые говорили, что эта ересь родилась въ Римѣ и въ Африкѣ. Они оскверняютъ развратомъ и тѣло свое, и умъ, и душу. Нѣкоторые изъ нихъ — по виду монашествующіе, а живущія съ ними женщины

на видъ будто монахини. Тѣло у нихъ истощенное: удовлетворяя своей похоти, они, выражусь скромнѣе, совершаютъ дѣло сына Іудина, по имени Авнана (Быт. 38. 9). Ибо какъ онъ, когда тѣломъ соприкасался Тамари и удовлетворялъ похоти, не дѣлалъ надлежащаго для произведенія потомства, сообразно съ дарованнымъ отъ Бога способомъ чадотворенія, но самымъ способомъ худаго дѣйствія совершалъ грѣхъ противъ себя самаго: такъ и они пользуются мнимыми женами, совершая это незаконное дѣло. Для нихъ служить предметомъ соревнованія не невинность, но лицемерная чистота, посящая одно имя. Они заботятся о томъ, чтобы женщина отъ растлѣнія не сдѣлалась беременною, или чтобы не умножить чадородія въ мѣрѣ, или чтобы ихъ не уличили люди; они хотятъ быть въ чести за этотъ почитаемый у нихъ подвигъ цѣломудрія, и однакоже вѣтъ что дѣлаютъ. Другіе же предпочитаютъ совершать это самое срамное дѣло не посредствомъ женщины, а иными способами, оскверняясь собственными руками. И въ этомъ они подражаютъ вышеупомянутому сыну Іуды, оскверняя землю своими преступными дѣйствіями и мерзкими каплями, и своими ногами растирая по землѣ свои истечения, дабы ихъ сѣмя не было похищено нечистыми духами, къ зачатію и порожденію демоновъ.

Гл. 2. Они, какъ уже сказалъ я, пользуются

различными писаніями Ветхаго и Новаго за-
вѣта и нѣкоторыми книгами апокрифическими,
въ особенности такъ называемыми дѣяніями
Андрея и другихъ. Они даже часто хвастались
тѣмъ, что совершаютъ это открыто, между тѣмъ
обвиняють тѣхъ изъ принадлежавшихъ къ церкви,
которые имѣють возлюбленныхъ, такъ назы-
ваемыхъ сожительствующихъ (*τὰς συνειβάκτους*)
женъ. — обвиняють за то, будто и они совер-
шаютъ это тайно, стыдяся людей, такъ что къ
беззаконію пріобщаются, а по внѣшности, во
избѣжаніе людской молвы, украшаются чест-
нымъ именемъ. Объ нѣкоторыхъ изъ умершихъ
намъ рассказывали нѣкоторые, что и они дѣ-
лали тоже. — рассказывали люди, слышавшіе
это будто бы отъ самихъ изнасилованныхъ
женщинъ. Въ числѣ таковыхъ выставляли на
видъ имя одного Епископа, довольно лѣтъ про-
ходившаго должность епископскую въ неболь-
шомъ городѣ Палестины, будто онъ имѣлъ у
себя въ услуженіи таковыхъ женщинъ, т. е.
сожительствующихъ; а еще намъ извѣстно, что
онъ былъ изъ числа исповѣдниковъ. Однакоже
мы не повѣрили тѣмъ, которые рассказывали
это и говорили, будто они слышали о томъ
отъ самихъ женщинъ, хотя крайняя проныр-
ливость людей, говорившихъ это, побуждала
насъ то вѣрить, то не вѣрить дурной молвѣ о
преждеупомянутомъ старцѣ Епископѣ, пущен-
ной послѣ его смерти. А вина, взведенная на

него, была такая: когда кого-то изъ такихъ застали на мѣстѣ грѣха съ женщиною, и когда мы уличили его, онъ представлялъ въ свое оправданіе, будто женщина, соблудившая съ нимъ, хотя уже пожилая лѣтами и устарѣвшая, показала ему этотъ неспособный образъ дѣйствія и научила его, какъ дѣлать и скверныя свои истеченія разсѣивать по землѣ.

Гл. 3. Таковы-то ихъ гнусныя дѣйствія, обольщающія ихъ умъ, по ослѣпленію діавольскому. Представлятъ свидѣтельства, на основаніи которыхъ они подвергаются паденію, я не считаю нужнымъ, чтобы, желая подробно разсказать съ цѣлію отвратить отъ беззаконнаго дѣйствія каждой ереси, не направить скорѣе ко злу мысль людей не укрѣпившихся и всегда способныхъ къ расслабленію, склонныхъ уловлять для себя зло вмѣсто добра. Но для отвращенія отъ этой страшной и свойственной пресмыкающимся ереси, я изъ многаго предложу лишь немногое.

Откуда вы, любезные, взяли мысль о такомъ беззаконномъ вашемъ дѣйствіи? И прежде всего, для кого не очевидно все это, именно что ваше ученіе есть демонское, что оно есть злоухищреніе, измышленное людьми обольщенными умомъ и испорченными? Ибо если зачатіе (по вашему мнѣнію) есть дѣло совершенно худое, то, конечно, не по причинѣ чадорожденія, а по причинѣ плотскаго совокупленія; за чѣмъ же,

побѣждаемые сладострастіемъ, вы совокупляе-
 тесь тѣломъ? Если же плотское совокупленіе
 не есть дѣло худое: то не составляетъ худаго
 дѣла, чтобъ зачатое посредствомъ совокупленія
 содѣлалось рожденнымъ. Отказавшись отъ этого,
 человѣку не нужно воздѣлывать землю. Авель
 наиримѣръ былъ пастыремъ овецъ, а Каинъ
 обрабатывалъ землю. Иной воздѣлываетъ землю
 подобно Ною, который былъ *человѣкъ дѣлатель*
земли, и насади виноградъ (Быт. 9, 20); онъ
 насадилъ виноградъ но не затѣмъ, чтобы на
 немъ не было гроздовъ; а *насади и испи* отъ
 плода сего, *и уписа*, какъ написано (ст. 21).
 Въ этомъ старца можно извинить. Будучи благо-
 угоденъ Богу, онъ подвергся опьяненію не
 вездѣтвіе невоздержности, но, можетъ быть,
 отъ горести впалъ въ состояніе несознатель-
 ное, и не вынесши дѣйствія той и другой при-
 чины, по слабости и старости подпалъ немощи,
 не заслуживая однакоже посмѣянія отъ сына.
 А посмѣявшійся стяжалъ себѣ проклятіе, въ
 примѣръ того, что наносящіе оскорбленіе ро-
 дителямъ будутъ наказаны, равно какъ и по-
 мыслы возстающіе въ васъ на разумъ Божій и
 на прекрасно устроенный порядокъ.

Гл. 4. Хотя бракъ и не такъ восхваленъ,
 какъ дѣвство, хотя дѣвство выше его, и истин-
 ное и несовершенное дѣвство называется слав-
 нымъ и добро дѣтельнымъ: однакоже и *бракъ*
честенъ, если имѣетъ цѣлю чадородіе, а не

обращаетъ прекрасно созданное отъ Бога къ постыдной цѣли, но надлежащимъ образомъ соблюдаетъ учрежденный отъ Бога порядокъ брачнаго общенія. Дѣвство истинное таково, какимъ восхваляетъ его Святый Апостолъ: *дѣва и неосыпающая нечется о Господнихъ, како угодно Господеву, да будете свята и тѣломъ и духомъ* (1 Кор. 7. 34); симъ показалъ онъ, что одиночество не подаетъ никакой причины даже къ подозрѣнiю въ проступкахъ. Но мы знаемъ, что и Авраамъ раждалъ дѣтей, и между тѣмъ былъ другомъ Божіимъ, и Исаакъ, и Іаковъ и прочіе. Они не осквернили себя дѣлами незаконными, ибо не прикасались къ мерзостямъ, и не относились враждебно къ дѣторожденію, путемъ честнаго брака прекрасно устроенному отъ Бога, и подвизавшіеся между ними въ цѣломудрiи и дѣвствѣ не нарушили законовъ подвига, и похвальнаго образа подвижничества не исказили облекшись въ оный какъ бы въ шутку. Илія совсѣмъ почти не входилъ въ города, и не былъ собесѣдникомъ съ женщинами, но постоянно пребывалъ въ пустыняхъ; и Елисей, и Іоаннъ, и всѣ, которые, имѣя въ виду сии великій образъ послѣдованія ангеламъ, по евангельской заповѣди Господа *исказиша сами себѣ, царствія ради небснаго* (Матѹ. 19, 12).

Многое имѣли бы мы сказать объ этомъ, и многими мѣстами Божественнаго Писанія могли бы изобличить ихъ мысли, на посмѣянiе вло-

женныя въ нихъ ꙗвиломь, но довольствуемь симъ не многимъ. Ибо совершенно очевидно, что такое дѣло у нихъ не отъ разума, и не отъ Бога таковое знаніе, не по дѣйствию демоновъ бываетъ это поруганіе и паденіе ихъ въ незаконное дѣло. Отразивъ и эту ересь какъ бы страшную змѣю, именуемую ехидною, которая ростомъ мала, но испускаетъ ужасное по своей ядовитости дыханіе и наноситъ гибель приближающимся къ ней. — сокрушивъ ее, перейдемъ къ слѣдующимъ ересямъ, призвавъ Бога на помощь къ совершенію всего труда нашего въ Богѣ.

ОБЪ ОРИГЕНЬ, КОТОРЫИ ЗОВЕТСЯ И АДАМАНТОВЫМЪ;
СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ, А ПО ОБЩЕМУ ПОРЯДКУ ШЕСТДЕСЯТЬ
ЧЕТВЕРТАЯ ЕРЕСЬ.

Гл. 1. За сими по порядку слѣдуетъ Оригенъ, прозванный адамантовымъ. Онъ былъ сынъ Лео-нида, святаго и ублажаемаго мученика. Самъ Оригенъ въ молодые свои годы потерпѣвъ много гоненій, а въ возрастѣ мужескомъ хорошо усвоивъ еллинское образованіе и воспитавшись въ церкви, сдѣлался извѣстенъ въ Александріи, во время царя Декія. Родомъ онъ былъ Египтянинъ, пребываніе и воспитаніе имѣлъ въ Александріи, и, можетъ быть, нѣсколько времени посѣщалъ училища Доинскія. Говорятъ, онъ много пострадалъ за святое ученіе вѣры и за имя Христово; въ городѣ много разъ оскорбляли его, поносили и подвергали жестокимъ истязаніямъ. Однажды, какъ говорятъ, еллины обстригли его, посадили его при входѣ въ такъ называемыи Серапіумъ, т. е. въ капище ихъ цюла и велѣли ему раздавать пальмовыя вѣтви приходившимъ для нечестиваго служенія и по-

клоненія идолю, ибо такой обычай имѣютъ жрецы ихъ идоловъ. Взявъ вѣтви, Оригенъ, безъ всякой робости и колебанія, воскликнулъ громкимъ голосомъ и дерзновенно: „Идите, пріимите не идольскую вѣтвь, а вѣтвь Христо-ву“. И многое еще по преданію рассказываютъ древніе объ отличныхъ его поступкахъ.

Гл. 2. Но награда за подвигъ не осталась за нимъ до конца; онъ подвергся великой зависти за то, что превосходилъ другихъ своею образованностію и ученостію; особенно это раздражало имѣвшихъ въ то время правительственную власть. По діавольскому злоухищренію дѣятели зла придумали нанести срамъ сему мужу и опредѣлили ему такое наказаніе—отдали его евоіу на оскверненіе его тѣла. Не въ силахъ будучи стерпѣть такого измышленнаго діаволомъ дѣйствія, Оригенъ закричалъ, что изъ двухъ предложенныхъ ему дѣлъ онъ скорѣе готовъ принести жертву. Хотя онъ и гедобровольно совершилъ это, какъ говорятъ многіе; но такъ какъ самъ онъ вполне признался, что это сдѣлалъ, именно что язычники, положивъ ему на руку ладанъ, сбросили его съ руки на очагъ жертвенника, то, по суду исповѣдниковъ и мучениковъ, онъ лишенъ былъ тогда славы мученичества, и изверженъ изъ Церкви. Подвергшись сему въ Александріи, и не имѣя силъ выносить насмѣшки ругателей, онъ удалился отсюда и избралъ своимъ мѣстопробываніемъ

Палестину. т. е. землю Іудейскую. Когда онъ прибыль въ Іерусалимъ, священноначальствующіе убѣждали его, какъ извѣстнаго и ученаго толкователя, проповѣдывать въ Церкви, ибо говорятъ, что прежде принесенія жертвы онъ удостоенъ былъ и пресвитерства. Когда тогдашніе священноначальники святой Церкви Іерусалимской убѣждали его, какъ я сказалъ, проповѣдывать въ Церкви, и много понуждали къ сему, онъ всталъ и произнесъ только одно слѣдующее изреченіе псалма сорокъ девятого, пропустивъ все предшествующее: *грьшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя, и воспріемлещи заветъ Мой усты твоими* (Пс. 19. 16); за тѣмъ согнувъ книгу, отдалъ ее, и сѣлъ съ плачемъ и слезами; вмѣстѣ съ нимъ плакали и всѣ.

Гл. 3. Нѣсколько времени спустя послѣ сего, онъ, по убѣжденіямъ и понужденіямъ многихъ, познакомился съ нѣкимъ Амвросіемъ, однимъ изъ знатныхъ придворныхъ, котораго одни называли послѣдователемъ Маркіона, а другіе - послѣдователемъ Савеллія, и убѣдилъ его отступить отъ ереси, проклясть ее и воспріять вѣру святой Церкви Божіей. Ибо Оригенъ тогда принадлежалъ къ Православной Каѳолической церкви. А упомянутый Амвросій, поелику держался иного мнѣнія и былъ мужъ ученыи и ревностный къ божественному чтенію Священнаго Писанія, то упросилъ Оригена, — такъ какъ

смыслъ изреченіи въ Божественныхъ книгахъ глубокъ, — дать ему изъясненіе. Склонившись на его законное желаніе и убѣжденіе, Оригенъ рѣшился сдѣлаться толкователемъ такъ сказать всего Писанія, и изъяснить оное. Въ Тирѣ Финикійскомъ онъ, какъ сказываютъ, въ теченіе двадцати осьми лѣтъ велъ превосходный образъ жизни, въ занятіи и трудахъ; Амвросій въ достаточномъ количествѣ доставлялъ пропаніе ему, скорописцамъ и прислужникамъ, равнымъ образомъ хартію и потребное на другіе расходы; между тѣмъ Оригенъ, проводя время безъ сна и въ сильныхъ занятіяхъ, совершалъ свой трудъ надъ Писаніемъ. Прежде всего онъ позаботился тщательно собрать шесть переводовъ: Акилы, Симмаха, седмидесяти двухъ, Феодотіона, и еще такъ называемаго пятого и шестого изданія; къ сему присоединилъ онъ еврейскій текстъ, писанный еврейскими буквами, а на другой страницѣ противъ него сдѣлалъ другое сопоставленіе — написалъ тотъ же еврейскій текстъ, но буквами греческими. Такъ произошла трудъ, именуемый экзаплами, въ которомъ къ греческимъ переводамъ сдѣлано два приложенія: еврейскій текстъ, написанный еврейскими буквами и еврейскій же, написанный греческими; такъ что весь ветхій заветъ состоитъ изъ такъ называемыхъ экзаплъ и изъ двухъ списковъ еврейскаго текста. Всеи этой работой сей мужъ занимался съ особенною

любовію, но славу свою до конца не соблюлъ въ цѣлости; ибо обширныя свѣдѣнія послужили для него поводомъ къ великому паденію. Желая, сообразно съ своею цѣлію, ничего въ Возмездныхъ писаніяхъ не оставить безъ изъясненій, онъ подвергся обаянію грѣха и изрекъ слова смертоносныя. Отъ него произошли такъ называемые Оригенисты, впрочемъ не тѣ предшущіе, которые занимались срамными дѣлами: объ тѣхъ, какъ я уже говорилъ прежде, я не могу сказать, отъ этого ли Оригена, — онъ же и адамантовый — они получили начало, или имѣли своимъ главою кого нибудь другаго, называвшагося Оригеномъ. Впрочемъ и объ этомъ Оригенъ разсказывающъ, что онъ умыслилъ нѣчто противъ своего тѣла. Одни говорятъ, что онъ оскотилъ себя, чтобы не волноваться сладострастіемъ, не разжигаться и не расплягаться плотскими движеніями; иные же говорятъ не такъ, а что онъ придумалъ прикладывать къ извѣстнымъ членамъ какое-то лѣкарство и иссушать ихъ. Другіе отваживаются возносить на него и нѣчто другое, напр. будто онъ отыскалъ какую-то траву, цѣлительно дѣйствующую на память. Мы не совѣмъ вѣримъ необыкновеннымъ разсказамъ объ немъ, однакъжъ не опустили передать эти разсказы.

Гл. 4. Произшедшая отъ него ересь сперва открылась въ странѣ Египетской, а теперь встрѣчается между людьми превосходными и

принявшими, по видимому, монашескій образъ жизни, между людьми, по влеченію природы удалившимися въ пустыни и избравшими нестяжательность.— Также и эта ересь ужасна и хуже всѣхъ древнихъ ересей, съ которыми она мудрствуетъ сходно. Хотя она и не располагаетъ своихъ послѣдователей совершать срамное, но внушаетъ страшное, по своей гнусности сомнѣніе, относительно самаго Божества; отъ нея Арій получилъ первый поводъ и за нимъ Аномей и другіе.

Въ самомъ началѣ онъ дерзко говоритъ, что Сынъ Единородный не можетъ видѣть Отца, и Духъ не можетъ узрѣть Сына, и ангелы не могутъ видѣть Духа, ни люди — ангеловъ. Это его первое заблужденіе. Онъ не хочетъ, чтобъ Сынъ былъ изъ сущности Отца, но признаетъ Его совершенно чуждымъ Отца и вмѣстѣ съ симъ тварію. Онъ хочетъ сказать, что Сыномъ Онъ именуется по благодати. Есть и иныя, большія заблужденія его. Онъ допускаетъ предсуществованіе души человѣческой; говоритъ, что души суть ангелы и горнія силы, впадшія въ грѣхи и въ наказаніе за сіе заключенныя въ это тѣло. Онѣ посылаются Богомъ въ наказаніе, чтобы подвергнуться здѣсь первому суду. Бредя древними баснословными гаданіями еллиновъ, онъ говоритъ, что тѣло потому и называется *δέμας*, что въ тѣлѣ, какъ въ узахъ, заключена (*διὰ τὸ δεδέσθαι*) душа. Къ этому онъ

прибавляеть и еще басни: ибо говорить, что душу потому мы такъ именуемъ, что она охладѣла ниспадши свыше ($\psi\upsilon\chi\eta$ -- $\epsilon\psi\acute{\upsilon}\chi\theta\eta$). Согласно съ своею мыслию онъ подбираеть и свидѣтельства изъ Божественныхъ Писаній, не то означающія и не такъ преданныя. Онъ говоритъ, что слова пророка: *прежде даже не смирились. азъ прегрѣшихъ* (Пс. 118. 67) суть слова самой души о томъ, что она согрѣшила горѣ на небесахъ прежде, чѣмъ заключена была въ тѣлѣ. Слова: *обратися душа моя въ покой твой* (Пс. 114. 6), по его мнѣнью, означаютъ, что проведшій здѣшнюю жизнь въ добродѣланіи, обращается, за совершеніе праведныхъ дѣлъ, въ горній покой. И много подобнаго говоритъ онъ. Утверждаетъ, что Адамъ лишился того, что въ немъ было *по образу*: на это, говоритъ, и Писаніе указываетъ, говоря объ одеждахъ кожаныхъ: *и сотвори имъ ризы кожаны, и облече ихъ* (Быт. 3, 21), то есть, по его словамъ, облекъ въ тѣло. И много пустаго говорится у него. Воскресеніе мертвыхъ допускаеть не полное, и въ одномъ мѣстѣ признаеть оное, въ другомъ совершенно отвергаетъ, а еще въ иномъ говоритъ, что воскреснетъ только часть нѣкая. Наконецъ, что только возможно, изъясняетъ иносказательно, напр. рай, воды его, воды превыше небесъ и полъ землю. Такой и подобный сему вздоръ онъ говоритъ непрестанно. Мы уже и въ другихъ нѣкоторыхъ

мѣстахъ изложили это. когда упоминали объ немъ.

Гл. 5. Для насъ онакоже не будетъ несколько обременительно и теперь, при изложеніи самой ереси, рассказать опять объ его мнѣніи и предположеніяхъ, и опровергнуть его же словами то, что онъ самъ противъ себя говоритъ; ибо дошло наконецъ до крайности его безразсудство, неестественность его поврежденныхъ понятій, и уклоненіе отъ истины. Онъ думалъ говорить противъ всѣхъ ересей, бывшихъ до него, и опровергать каждую, а напоследокъ и самъ изрыгнулъ эту небывалую на свѣтѣ ересь. Итакъ въ изобличеніе его испорченныхъ, вымышленныхъ понятій, я прежде всего предложу слова его, а потомъ представлю то, что имѣетъ быть сказано противъ него нашимъ смиреніемъ. Вотъ, что написалъ онъ въ изъясненіи на первый псаломъ. Во всемъ писаніи слабо держась буквы, онъ погрѣшилъ въ самомъ существенномъ. Но весь трудъ его огроменъ: ибо говорить, какъ замѣтилъ я, что онъ написалъ обширное объясненіе на каждую книгу писанія, не стѣняясь высказывать свои мысли. Впрочемъ, что у него сказано въ бесѣдахъ и въ предисловіяхъ о нравахъ и естественныхъ свойствахъ животныхъ и другихъ, то большею частію онъ изложилъ прекрасно, держась середины; а въ томъ, чему училъ онъ при изложеніи догматовъ и въ разсужденіи о вѣрѣ и о

предметахъ высшаго созерцанія, онъ оказывается нелѣпѣе всѣхъ бывшихъ до него и послѣ него, исключая егудоцянѣй. допускаемыхъ въ нѣкоторыхъ ересяхъ. По видимому онъ избралъ аскетическую жизнь, какъ у меня было выше показано; оттого и грудь у него, какъ говорятъ нѣкоторые, по причинѣ чрезмѣрной строгости жизни и воздержанія отъ животной пищи, впала.

Предложимъ же теперь изъ толкованія на первый псаломъ подлинныя слова его созерцаній и его ученія, дабы кто не сказалъ, будто сказанное нами противъ него—клевета. Не потому мы это дѣлаемъ, что онъ только при объясненіи перваго псалма совершенно отпалъ отъ истины, какъ я много разъ говорилъ, но онъ таковъ и въ каждомъ толкованіи. По причинѣ же обширности его труда мы изъ толкованія на вышесказанный псаломъ выберемъ одно, или два или три мѣста и откъремъ всю негодность его въ ученіи о вѣрѣ и постараемся сказать противъ онаго, что нужно. Въ каждой рѣчи у него основная мысль одна, которую ты знай, добродушивый слушатель;—именно онъ весьма ясно училъ, будто Сынъ Божій есть тварь, и изъ этой дерзкой мысли о Христѣ заключай, что онъ и Духа Святаго признавалъ сотвореннымъ. Итакъ представимъ толкованіе на псаломъ съ самаго начала и тѣмъже словами, какъ говорилъ самъ Оригенъ.

Начало Оригенова толкованія на первый
псаломъ.

Гл. 6. „Словеса Божіи сказуютъ, что Священное Писаніе заключено и запечатлѣно ключемъ Давидовымъ и. можетъ бытъ, тою печатію, о которой сказано: *образъ печати святыня Господу* (Исх. 28, 36). то есть силою давшаго писаніе Бога, обозначаемою именемъ печати. А что Писаніе заключено и запечатлѣно; объ этомъ Іоаннъ свидѣтельствуесть въ Апокалипсисѣ, говоря: *и Ангелу Филаделфійскія церкви напиши: тако глаголетъ Святыи, Истинный, имъай ключъ Давидовъ, отверзаяи и никтоже затворитъ, затворяяи и никтоже отверзетъ: вѣмъ твоя дѣла: се дахъ предъ тобою двери отперты и никтоже можетъ затворити ихъ* (Апок. 3, 7. 8); и не много послѣ того говоритъ: *и видѣхъ въ десницѣ Сѣдящаго на престолѣ книгу написану внутрьду и вѣуду, запечатану седмью печатію. И видѣхъ Ангела крѣпка, проповѣдающа гласомъ великимъ: кто есть достоинъ разнудти книгу и разрѣшити печати ея, и никтоже можаше ни на небеси, ни на землѣ, ниже подъ землею разнудти книгу ниже зрѣти ю, и азъ плакахся, яко ни единъ обрѣтесе достоинъ разнудти книгу, ниже зрѣти ю. И единъ отъ старецѣ глагола ми: не плачися: се побѣдилъ есть левъ, иже изъ колѣна*

Иудова, корень Давидовъ, разиуши книгу и (разрѣшати) седль печати ея (5, 1 — 5). А объ одномъ запечатлѣннн сказать Исаія въ такихъ словахъ: и будутъ вамъ вся сія словеса, аки словеса книги запечатлѣнныя сея, юже аще дадутъ челоуьку вѣдуцелу писанія, глаголюще: прочти сіе, и речетъ: не могу прочести, запечатлѣнна бо. И дастся книга сія въ руцъ челоуьку, не вѣдуцелу писанія, и речется ему: прочти сіе: и речетъ: не вѣмъ писанія (Иса. 29, 11. 12). Должно думать, что это говорится не только въ разсужденіи Іоаннова Апокалипсиса и Исаіи,—но безъ сомнѣнія и по отношенію ко всему Божественному Писанію, которое, по общему признанію, для могущихъ даже достаточно понимать Слово Божіе наполнено загадками и притчами, темными выраженіями и другими различными видами неясности, неудобопонятными для естества челоуьческаго. Желая показать сіе, и Спаситель говоритъ, что фарисеи и книжники, имѣя у себя ключъ, не заботятся найти средство къ тому, чтобы отпереть: горе вамъ законникамъ, яко взясте ключъ разумнія, сами не внидосте, ни входящихъ оставяете внити (Лук. 11, 52. Мат. 23, 13).

Гл. 7. „Это сказали мы въ видѣ предисловія къ величайшему труду, который конечно выше нашихъ силъ и способностей, но предпринять который мы понуждаемся сильною твоею любознательностію и къ которому рѣшаемся при-

ступить, вслѣдствіе твоей благосклонности и снисходительности, священный Амвросій. Итакъ какъ ты всячески услаждалъ меня дружбою и по внушенію Божію привелъ меня къ этому труду, хотя я и долго уклонялся, зная опасность—не только говорить о предметахъ святыхъ, но даже гораздо болѣе — именно писать и оставить потомству: то будь мнѣ свидѣтелемъ предъ Богомъ, когда Онъ потребуетъ отъ меня отвѣта за дѣлую жизнь и писанія, съ какимъ расположеніемъ это сдѣлано. Иногда намъ удается, а иногда болѣе мы усиливаемся, нежели успѣваемъ сказать что либо. Мы пускались въ изслѣдованіе написаннаго, не забывая того прекраснаго изреченія: „когда говоришь о Богѣ, то Богомъ будешь судимъ“. — равно и другаго изреченія: „не малая опасность говорить о Богѣ даже истину“. Итакъ поелику безъ Бога не можетъ быть ничего добраго и наипаче въ разумѣніи Богодухновенныхъ писаній, то мы требуемъ, чтобы ты, приступивъ къ Богу и Отцу всяческихъ чрезъ Спасителя нашего и Архіерея, содѣлавшагося Богомъ, просилъ Его да даруетъ намъ прежде всего хорошо искать, поелику ищущимъ дано обѣтованіе, что они обрѣтутъ; тогда какъ тѣ, которые идутъ не тѣмъ путемъ, можетъ быть и въ самомъ началѣ не считаются у Бога между ищущими“. Доселѣ изъ Оригена.

Гл. 8. Противъ велерѣчиваго мнимаго мудреца, изслѣдователя о предметахъ неизслѣдимыхъ, изыскателя вещей небесныхъ, наполнившаго весь свѣтъ пустословіемъ, какъ сказалъ о немъ одинъ изъ лучшихъ между нами. — начну прежде всего говорить о томъ, кто „содѣлался Богомъ“. Всякому извѣстно, что въ житейскомъ быту встрѣчается много словъ и именъ тождественныхъ; и если другой кто скажетъ такую рѣчь, то можно сказать, что она употреблена въ прямомъ смыслѣ. Когда же во многихъ мѣстахъ мы открыли, что такой человекъ злонамѣренно отчуждаетъ Единороднаго Бога отъ Божества и существа Отцаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ тоюже дѣлію называетъ Духа Святаго содѣлавшимся Богомъ: то очевидно, что онъ признаетъ Его сотвореннымъ.

Нѣкоторые хотятъ спутать насъ своими мудростями, и говорятъ, что содѣлавшееся — одно и тоже съ рожденнымъ: — но этого нельзя принять въ разсужденіи Бога, а только лишь по отношенію къ тварямъ; ибо иное — содѣланное (*γεννητόν*), а иное рожденное (*γεννητόν*). Поелику онъ сказалъ: „содѣлался Богомъ“, то спросимъ его прежде всего: какимъ способомъ сотворенъ Тотъ, Кого признаешь ты Богомъ по этому словоупотребленію? и почему Онъ будетъ покланяемъ, если сотворенъ? Но ты устрани укоризну святаго Апостола, направленную противъ тѣхъ, которые тварь называютъ

Богомъ. и укажи мнѣ такого Бога. Который, будучи сотворенъ, былъ бы покланяемъ благочестивою вѣрою, покланяющеюся не твари, но Творцу, и тогда результатъ твоего ложнаго ученія былъ бы согласенъ съ разумомъ и не чуждъ благочестія отеческаго, но ты представить сего не можешь. А если бы ты и отважился откуда нибудь похитить и насильственно вывести такое толкованіе, ты, богопротивный, и тѣмъ не могъ бы совратить въ такое нечестіе умнаго смысла людей богочестивыхъ; тебѣ прогивоборствуетъ и чувство и разумъ: ибо все сотворенное не достопокланяемо, какъ я сказалъ. Если же несомнѣнно достопокланяемо: тогда,—поселику много другихъ существъ сотворенныхъ, — для насъ не будетъ разницы, если въ предосужденіе Единому Творцу будемъ покланяться всѣмъ существамъ, намъ сослужебнымъ и заключающимся подъ тѣмъ же именемъ.

Гл. 9. Посмотримъ же въ четырехъ Евангеліяхъ, посредствомъ которыхъ пришедшій Богъ Слово благоустроилъ всю нашу жизнь, сказалъ ли гдѣ нибудь Христосъ: „Богъ создалъ Меня, или Отецъ Мой создалъ Меня“. Посмотримъ также, возвѣстилъ ли Отецъ въ Евангеліи: „Я создалъ Сына и послалъ къ вамъ“. Но объ этомъ теперь здѣсь довольно; ибо, что касается свидѣтельствъ, то мы часто приводили ихъ во множествѣ противъ тѣхъ, которые вводятъ

гварь. И въ настоящемъ случаѣ для насъ нисколько не обременительно показать слабость этого ученія и сказать этому мнимому мудрецу: какъ можетъ быть сотвореннымъ Тотъ, Который говоритъ: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ*— и еще: *едино есма* (Іоан. 14, 10. 10, 30)? Какъ можетъ имѣющій равную честь со Отцемъ быть отъ Него отличнымъ? *Никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца, токмо Сынъ* (Мат. 11, 27), — и еще: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. 14. 9). А какъ онъ сомнѣвается относительно воскресенія, объ этомъ, держась порядка, скажемъ послѣ, взявъ въ разсмотрѣніе его слова. Изъ одного изреченія его мы покажемъ весь образъ его мыслей и откроемъ невѣрность мнѣнія его относительно сего догмата: и хотя у него много разъ сказано объ этомъ пространно и солгано во многихъ книгахъ: но я въ обличеніе его предложу то, что сказалъ онъ въ толкованіи на первый псаломъ — противъ насъ, увѣровавшихъ въ воскресеніе съ твердымъ упованіемъ.

Гл. 10. Онъ говоритъ слѣдующее: *сего ради не воскреснутъ нечестивіи на судъ* (Пс. 1, 6); далѣе, такъ какъ у него есть обычай дѣлать догадки на основаніи различныхъ изданій, онъ говоритъ, что такъ передаютъ Θεодоціонъ, Акила, Симмахъ, и послѣ сего насмѣшливо нападаетъ на сыновъ истины такимъ образомъ.

Основываясь на этомъ, говорить онъ, болѣе простые изъ увѣровавшихъ думаютъ, что нечестивые не улучатъ воскресенія и не удостоятся Божественнаго суда, между тѣмъ не высказываютъ ясно, что они разумѣютъ подъ воскресеніемъ и какой воображаютъ судъ. А если по видимому и выражаютъ свои мысли объ этомъ, то изслѣдованіе изобличитъ ихъ въ томъ, что они, не понявъ образа воскресенія и суда, не могутъ усвоить этого въ послѣдовательномъ порядкѣ. Если мы спрашиваемъ: что воскреснетъ? Они отвѣчаютъ: глѣдѣ, которыми мы теперь облечены. Потомъ, если мы спросимъ ихъ еще: въ полномъ ли существѣ воскреснутъ, или нѣтъ? Они не изслѣдовавъ говорятъ: въ полномъ. А когда мы, примѣняясь къ ихъ простотѣ и нисколько не разсуждая о томъ, что существо тѣлѣ измѣнчиво, выразимъ недоумѣніе: уже ли вмѣстѣ съ тѣломъ воскреснетъ и кровь, истекшая при надсѣченіи жилъ, и плоть, потребленная болѣзнями, и всѣ волосы, когда нибудь бывшіе у насъ, или тѣ одни, которые выпали при кончинѣ, -- они иногда негодуютъ на то, что данъ такой вопросъ, и думаютъ, что относительно этого Богу должно предоставить дѣлать, чтò хочетъ; иногда же, повидимому дѣлая снисхожденіе, говорятъ, что воскреснутъ съ нами только тѣ волосы, которые были на насъ при концѣ этой жизни. А болѣе рѣшительные изъ нихъ, чтобы избѣжать необходимости со-

ставлятъ въ умѣ соображенія относительно крови, много разъ выдѣлявшейся изъ нашихъ тѣлъ, и плоти, обратившейся во время болѣзни въ потъ, или въ какую другую матерію, говорятъ, что воскреснетъ наше тѣло такимъ, какимъ было при концѣ жизни“.

Гл. 11. Таковы слова вышереченнаго мнимаго мудреца, выражающія сомнѣніе относительно истины: я по необходимости привелъ ихъ въ доказательство желающимъ знать всю сущность его невѣрія въ воскресеніе. Есть между прочимъ и много другаго далѣе въ толкованіи на этотъ псаломъ. Онъ говоритъ: *сею ради не воскреснутъ нечестивіи на судъ*. На этомъ основаніи, какъ на людей простоватыхъ, нападаетъ онъ на тѣхъ, которые признаютъ воскресеніе несомнѣннымъ и съ твердымъ упованіемъ вѣруютъ въ воскресеніе мертвыхъ; — онъ наговорилъ при этомъ много вреднаго и подвелъ нѣкоторое софистическое предположеніе, взятое не отъ вѣры, а изъ разума, съ тѣмъ чтобы они повѣрили ему во всемъ къ своему несчастію, и на основаніи того, что случается съ нами по природѣ, онъ покусился извратить исповѣданіе самаго нашего воскресенія, ожидаемаго съ истиннымъ упованіемъ. Я же, какъ человѣкъ незначительный, не желая отважиться быть лучшимъ тѣхъ, которые уже съ успѣхомъ потрудились и весьма правильно ниспровергли все его измышленное риторическое злохудо-

жество, признавъ достаточнымъ удовольствоваться тѣмъ, что сказано блаженнымъ Меѳодіемъ въ словѣ „о воскресеніи“ противъ того же Оригена, и предложу это здѣсь буквально. У Меѳодія, какъ и самъ онъ изложилъ, говорится именно такъ:

Сокращеніе мнѣній Оригеновыхъ изъ твореній Меѳодія.

Гл. 12. Основываясь на этомъ, болѣе простые изъ увѣровавшихъ думаютъ, что нечестивые не улучатъ воскресенія, между тѣмъ не высказываютъ ясно, что они разумѣютъ подъ воскресеніемъ и какой воображаютъ судь. А если по видимому и выражаютъ свои мысли объ этомъ, то изобличитъ ихъ изслѣдованіе, такъ какъ они не могутъ усвоить этого въ последовательномъ порядкѣ. Если мы спрашиваемъ ихъ, что воскреснетъ; они отвѣчаютъ: тѣла, которыми мы теперь облечены. Потомъ,—если мы спросимъ ихъ еще: въ полномъ ли существѣ воскреснутъ, или нѣтъ, — они, не изслѣдовавъ, говорятъ: въ полномъ. А когда мы, примѣняясь къ ихъ простотѣ, выразимъ недоумѣніе: уже ли вмѣстѣ съ тѣломъ воскреснетъ и кровь, истекшая при надѣщеніи жилъ, и мясистыя части, и волосы, когда нибудь бывшіе у насъ, или тѣ одни, которые выпали при кончинѣ,—они ссылаются на то, что Богъ можетъ

дѣлать, что́ хочетъ. А болѣе рѣшительные изъ нихъ, чтобы избѣжать необходимости составлять въ умѣ соображенія о той самой крови, которой много разъ случалось выдѣляться изъ нашихъ тѣлъ, говорятъ, что воскреснетъ наше тѣло такимъ, какимъ было при концѣ жизни. Противъ этого мы высказывали сомнѣнiе, по той причинѣ, что естество измѣнчиво, что какъ въ наше тѣло поступаютъ снѣди и измѣняютъ свое подобiе: такъ и наши тѣла измѣняются, и въ плотоядныхъ птицахъ и звѣряхъ становятся частями ихъ тѣлъ: эти опять измѣняются, будучи снѣдаемы людьми, или другими животными и становятся тѣлами людей или другихъ животныхъ. Итакъ какъ это повторяется многократно: то необходимо допустить, что одно и тоже тѣло много разъ бываетъ частію многихъ людей. Чьимъ же тѣломъ оно будетъ въ воскресеніе? Такимъ образомъ намъ придется пасть въ бездну безразсуднаго пустословія.

Гл. 13. И послѣ всѣхъ этихъ недоумѣній они обращаются къ тому, что для Бога все возможно, и приводятъ изреченія Священнаго Писанія, которыя по ближайшему своему смыслу могутъ подтверждать ихъ мнѣнiе: таково мѣсто изъ пророка Іезекіиля: *И бысть на мнѣ рука Господня и изведе мя въ дусь, и постави мя средь поля, се же бяше полно костей чловѣческихъ и обведе мя окрестъ ихъ около и се мнози зъло на лица поля и се сухи зъло: и*

рече ко мнѣ: сыне чловѣчь, оживутъ ли кости сія и рекохъ: Господи Боже, ты въси сія: и рече ко мнѣ: прорцы сыне чловѣчь и рцы къ мнѣ: кости сухія сія: слышите слово Господне. Се млаолетъ Адонаи Господь, костемъ силъ: се азъ введу въ васъ духъ животенъ и дамъ въ васъ жиы, и возведу на васъ плоть и проетру по валъ кожу, и дамъ духъ мой въ васъ, и оживете, и положу васъ въ землю вашу и уразумьете, яко Азъ есмь Господь (Іезек. 37, 1—6). Этимъ изреченіемъ пользуются они, какъ نابолѣе убѣдительнымъ. Приводятъ и другія изреченія,—Евангельскія. напрымѣръ: *ту будетъ плачь и скрежетъ зубовъ* (Мат. 8, 12); и еще: *убойтеса мотуцаго и душу и тѣло поубити въ геэни* (Мат. 10, 28); и изъ посланій Павла: *оживотворитъ мертвенная тѣлеса ваша живуцимъ Духомъ Ею въ васъ* (Рим. 8, 11).

Гл. 14. Всякій любящій истину долженъ, остановившись на этомъ мыслію, подвизаться за истину воскресенія, сохранить преданіе древнихъ и предостеречься отъ опасности впасть въ пустоту жалкихъ мыслей, и невозможныхъ и Бога недостойныхъ. По отношенію къ тому мѣсту должно такъ разсуждать: всякое тѣло, поддерживаемое природою, которая для питанія вводитъ въ оное нѣчто отвне и вмѣсто введеннаго выдѣляетъ иное, какъ вы напрымѣръ растенія или животныя.—никогда не остается одинаковымъ въ матеріальномъ отношеніи. По-

этому тѣлю не дурно названо рѣкою: какъ какъ при тщательномъ разсмотрѣнїи можетъ быть даже въ продолженіе двухъ дней первоначальное вещество не остается тѣмъ же въ нашемъ тѣлѣ. Но на примѣръ Павелъ или Петръ всегда одинъ не по душѣ только, сущность которой не разливается въ насъ и не имѣетъ ничего привходящаго отвнѣ, но у нихъ остается тотъ же самый видъ, характеризующій тѣлю, хотя бы естество тѣла и было измѣняемо; равно какъ одними и тѣми же остаются формы, представляющія тѣлесную качественность Петра и Павла. Велѣдствіе этихъ качествъ отъ цѣтства остаются на тѣлахъ рубцы и другіе знаки, напр. всенулки и иное сему подобное. Эта форма, по которой отличаются другъ отъ друга Павелъ и Петръ, есть тѣлесная, и она во время воскресенія опять будетъ окружать душу, преѣннившись въ лучшую и будучи образована совершенно уже не по прежнему. И какъ форма остается отъ младенчества до старости, хотя черты по видимому получаютъ большое измѣненіе: такъ и относительно теперешняго вида тѣла должно думать, что онъ одинаковъ съ будущимъ, хотя и будетъ весьма большое измѣненіе на лучшее. Душѣ, пребывающей въ мѣстахъ тѣлесныхъ, необходимо имѣть тѣлю, соотвѣтствующее мѣсту (*). И какъ, если бы

(*) Въ извлеченїи изъ сочиненїй Оригеновыхъ у Памфила мученика здѣсь вмѣсто Петав. *τρώπος* читается: *τόπος*. Patrolog. curs. complet tom XVII p. 599.

намъ нужно было сдѣлаться водяными животными и жить въ морѣ, — то намъ нужно было бы имѣть жабры и другое устройство рыбы: такъ и тѣмъ, которые имѣютъ наследовать царствіе небесное и будутъ въ различныхъ мѣстахъ, необходимо имѣть тѣла духовныя, не такія впрочемъ, чтобъ видъ прежняго тѣла уничтожился, но чтобы послѣдовало измѣненіе его въ болѣе славное, подобно тому, какъ видъ Іисуса, Моисея и Ілии не содѣлался во время преображенія инаковымъ противъ того, каковымъ былъ.

Гл. 15. Поэтому не смущайся, если кто скажетъ, будто первоначальное вещество тѣла въ то время не будетъ таковымъ же, такъ какъ разумъ показываетъ могущимъ разумѣть, что и теперь, даже въ продолженіе двухъ дней, не можетъ оставаться одинаковымъ прежнее вещество тѣла. Стоитъ остановить вниманіе и на томъ, что иное сѣется, а иное востаетъ: *сѣется тѣло душевное; востаетъ тѣло духовное* (1 Кор. 15. 44). Къ сему Апостоль присвокупляетъ ученіе, что мы имѣемъ, такъ сказать, сложить съ себя земное качество, тогда какъ видъ тѣла сохранится во время воскресенія: *сіе же глаголю, братія, яко плоть и кровь царствія Божія наследити не могутъ, ниже тлннїе нетлннїя* (ст. 50). Можетъ быть святаго чело-вѣка, охраняемаго Богомъ, создавшимъ нѣкогда плоть, будетъ окружать уже не плоть, но что

нѣкогда отпечатлѣвалось во плоти, то будетъ отпечатлѣно въ тѣлѣ духовномъ.

И въ чемъ братія наша ссылаются на изреченія Писанія, объ этомъ нужно сказать, и прежде всего о словахъ у Іезекииля. Такъ какъ на нихъ хотятъ утверждаться простѣйшіе, то по буквальному ихъ смыслу не будетъ и воскресенія плоти, а только воскресеніе костей, кожи и жилъ. Вмѣстѣ и то нужно доказать имъ, что они увлекаются, не уразумѣвъ написаннаго: ибо не вездѣ, гдѣ говорится о костяхъ, подъ именемъ костей должно разумѣть именно эти кости, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ мѣстахъ: *расточишася кости ихъ при адѣ* (Ис. 140, 7.); *разсыпашася вся кости моя* (Псал. 21, 15) и еще: *исушли мя, яко смятошася кости моя* (Псал. 6, 3). Очевидно, что здѣсь говорится о костяхъ не въ общепринятомъ значеніи. Указываютъ въ словахъ пророка: *тѣи многолютъ: сухи быша кости наша* (Іез. 37, 11). Но ужели потому говорятъ они: *сухи быша кости наши*, что желаютъ воскреснуть, когда будутъ собраны вмѣстѣ? Это не возможно. Сказать: *сухи быша кости наша*—они могли бы какъ бывшіе въ плѣну и потерявшіе всякую жизненную влагу. Поэтому они присовокупляютъ: *поибе надежда наша, убіени быхомъ*. И такъ это есть обѣтованіе востанія народа отъ паденія и какъ бы смерти, которою умерли они, за грѣхи бывъ преданы врагамъ. И грѣшники отъ Спасителя

называются *гробами полными костей и всякою нечистоты* (Мат. 23, 27). Богу подобаетъ отвѣрзти гробъ каждаго и вывести изъ гробовъ насъ оживотворенными, также какъ Спаситель извелъ вонъ Лазаря.

Гл. 16. Что же касается до словъ: *ты будешь плачь и скрежетъ зубовъ*, — то имъ должно сказать, что какъ всякій членъ зиждитель устроилъ для какого либо употребленія въ сей жизни, — такъ и зубы устроены для раздробленія твердой пищи. Какая же нужда въ зубахъ для подвергаемыхъ мученію? Находящіяся въ гееннѣ не будутъ ѣсть ими. И еще нужно показать, что не все должно принимать буквально. Говорится: *зубы грѣшниковъ сокрушилъ еси* (Псал. 3, 8); и еще: *членовная львовъ сокрушилъ естъ Господь* (Псал. 57, 7). Кто же будетъ такъ безразсуденъ, чтобы предполагать, будто Богъ, сохраняя тѣла грѣшниковъ, сокрушитъ только зубы ихъ? А если желавшій понимать ихъ такъ, по нуждѣ склонится къ смыслу аллегорическому: то нужно допустить такое же изслѣдованіе и относительно скрежета зубовъ у подвергаемыхъ мученію. Имѣетъ ли душа способность жевать, чтобы она во время изобличенія за грѣхи, на которые она склонилась мыслію, могла скрежетать зубами, по подобію того, когда сталкиваются зубы? А изреченіе: *убойтеса могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ* (Мат. 10, 24), можетъ быть указываетъ

на то, что душа безтѣлесна, а можетъ быть показывается и то, что она безъ тѣла не будетъ мучиться. о чемъ сказали мы въ фізіологическомъ изслѣдованіи „о видѣ и первой сущности“. И сказанное у Апостола: *оживотворитъ и мертвенная тѣлеса наша*—можетъ, такъ какъ тѣло наше смертно и непричастно истинной жизни, означать то, что тѣлесный видъ, о которомъ мы сказали, по естеству смертенъ, а когда *явится Христосъ, животъ шизъ* (Кол. 3. 4), то и его изъ состоянія смертнаго тѣла премѣнить въ оживотворенное, такъ что силою Духа животворящаго оно содѣлается духовнымъ. Равнымъ образомъ слова: *но речетъ никто: како востанутъ мертвіи, коимъ же тѣломъ придутъ?*—ясно показываютъ, что прежнее существо тѣла не востанетъ. Ибо если хорошо поняли мы тотъ примѣръ (о сѣмени), то надобно сказать, что сила сѣмени въ зернѣ пшеницы, овладѣвъ окружающимъ веществомъ, проникнувъ его всецѣло, вкорснившись въ самомъ видѣ его, придастъ силы, какія имѣеть, тому, что прежде было землею, водою, воздухомъ и огнемъ, и преодолѣвъ ихъ качества, измѣнитъ въ то самое, котораго само бываетъ производителемъ, и такимъ образомъ наполняется колосъ, который чрезвычайно отличается отъ первоначальнаго зерна величиною, видомъ и разнообразіемъ.

Рѣчь Прокла изъ того же Мееодія *).

Гл. 17. Вотъ какъ бы въ сокращеніи все, что высказалъ Оригенъ, занимаясь, разсужденіемъ о воскресеніи, и доказывалъ свои мысли разными умозрѣніями. Ты же внимательно разсмотри и то, что слѣдуетъ за симъ. Остается къ сказанному присоединить еще свидѣтельства изъ писаній, дабы рѣчь, подобно статуѣ, имѣя всѣ части въ соразмѣрности, была обработана вся вполнѣ и не имѣла недостатка ни въ чемъ, относящемся до ея формы и красоты. И такъ надобно сказать, насколько согласуются съ симъ писанія, руководствующія человѣка къ совершенству лучшей жизни. Если кто можетъ, не поддѣлывая настоящаго, строго разсуждать, тотъ узнаетъ, что воскресеніе должно понимать въ отношеніи не къ этому тѣлу, такъ какъ оно не можетъ оставаться неизмѣннымъ въ продолженіе вѣковъ, а въ отношеніи къ тѣлу духовному, въ которомъ будетъ сохраняться тоже отличительное свойство, какое въ немъ выражается и нынѣ, такъ что каждый изъ насъ и по внѣшнему виду будетъ однимъ и тѣмъ же.

*) Въ книгѣ Мееодія о воскресеніи представляются бесѣдующими между собою: Аглафонъ, Проклъ, Авксентій и самъ Мееодій. Проклъ въ вопросѣ о воскресеніи держитъ сторону Оригена.

какъ это сказано и у Оригена. Ибо онъ полагаетъ, что таково будетъ воскресеніе. Такъ какъ вещественное тѣло перемѣнчиво, и никогда даже на короткое время не останется въ одинаковомъ положеніи, но прибавляется и убавляется во внѣшнемъ видѣ, отличающемъ человека, отъ чего и зависитъ самая фигура: то по необходимости *), говорить, должно предполагать, что воскресеніе касается только одного вида человека. И дабы ты не сказалъ: не понимаю, ибо онъ темно это изложилъ, — то я здѣсь яснѣе раскрою тебѣ смыслъ этихъ словъ **). Ты, конечно, видалъ кожу животнаго, (мѣхъ) или другое что подобное, наполненное водою; если выпустивъ изъ него воду, снова по немногу его наполнять: то онъ всегда представляетъ одинъ и тотъ же видъ; потому что какъ ково содержащее, такой видъ необходимо принимаетъ и то, что внутри онаго. Представь же себѣ теперь: если, когда выливается вода, будетъ кто нибудь прибавлять столько, сколько выливается не допуская мѣху совершенно ли-

*) Въ изданіи Петавія здѣсь замѣченъ значительный пропускъ вследствие того, что перебиты были листы въ оригиналь. На самомъ же дѣлѣ пропуска въ твореніи Св. Епифанія нѣтъ. Продолженіе рѣчи въ изданіи Петавія находится въ главѣ 38. Въ настоящемъ переводѣ правильное теченіе разсужденія восстановлено согласно изданію Диндорфа и указаніямъ славянскихъ рукописей сочиненія Меѳодіева.

) При переводѣ этого мѣста принята во вниманіе поправка, предложенная Ячомъ

шиться воды: то прибавляемое. хотя и не таково. по необходимости является таковымъ. каково все прочее; потому что во время убавленія и прибавленія воды содержащее есть одно и то же. И такъ кто хочетъ уподобить сему тѣлу, тотъ не будетъ постыжденъ. Ибо такимъ же образомъ и пища, принимаемая въ замѣнъ изверженныхъ веществъ, перемѣняется во образъ содержащаго вида. Такимъ образомъ, что разойдется по глазамъ, становится сходнымъ съ глазами. что по лицу. то съ лицомъ. и что по другимъ частямъ, то имъ уподобляется; отъ этого каждый представляется однимъ и тѣмъ же. хотя первоначальная матерія тѣла не остается въ томъ же положеніи. но только видъ, сообразно съ которымъ формируется привходящее въ тѣло. И такъ. если мы даже въ теченіе не многихъ дней не бываемъ одними и тѣми же относительно тѣла, а только по виду, который имѣетъ тѣло. такъ какъ онъ одинъ остается въ насъ отъ рожденія: то тѣмъ болѣе въ то время не будемъ тѣми же по плоти. но только по виду. который и теперь всегда сохраняется въ насъ и пребываетъ неизмѣннымъ. Ибо что тамъ кожа, то здѣсь видъ, и что въ приведенномъ сравненіи вода, то здѣсь прибавленіе и убавленіе. И такъ, какъ теперь. хотя тѣло не остается однимъ и тѣмъ же. но внѣшнія черты по самому виду сохраняются однѣ и тѣ же: такъ и тогда. хотя тѣло будетъ не то же

самое, но видѣ, возвышенный въ болѣе славное состояніе, окажется уже не въ тлѣнномъ тѣлѣ, но въ безстрастномъ и духовномъ. каково на-примѣръ было тѣло Іисуса во время преображенія, когда Онъ взошелъ на гору съ Петромъ. Моисеемъ и Іліею. Ему явившимся.

Гл. 18. (а въ Петав. изд. 39.). И объ этомъ довольно разсуждать; потому что таковъ вкратцѣ смыслъ ученія Оригена. Если же кто изъ сомнѣвающихся, указавъ на тѣло Христово, такъ какъ Христосъ называется *первенцомъ изъ мертвыхъ* и *начаткомъ умершихъ* (Апок. 1, 5. 1 Кор. 15, 20), скажетъ, что какъ Онъ воскресъ, такъ, надобно полагать и о всѣхъ, что воскреснутъ подобно Ему, *да яко Христосъ воскресъ, тако и Богъ умершій въ Іисусъ приведетъ съ Нимъ* (1 Сол. 4, 14), а тѣло Іисуса воскресло съ тою же плотію и костями. какія Онъ имѣлъ, какъ убѣдился въ томъ и Тома: то на это мы скажемъ: тѣло Христово было *не отъ похоти мужескія* (Іоан. 1, 13), *не отъ услажденія сномъ сошедшагося* (Прем. 7, 2), *не въ незаконныхъ зачатое и во грѣсныхъ рожденное* (Псал. 50, 7), *но отъ Духа святаго, и силы Вышняго* (Лук. 1, 35) и отъ Дѣвы; тогда какъ твое тѣло есть сонъ, услажденіе и скверна. По сему премудрый Сирахъ говоритъ: *Егда умретъ человекъ, наслѣдитъ гады и звѣри и червие* (Сир. 10, 14); также въ 87-мъ псалмѣ говорится: *еда мертвыми твориши чудеса или врачеве воскре-*

сятъ, и исповѣдятся Тебѣ? Еда повѣсть кто во гробъ милость Твою, и истину Твою въ побѣлѣ: Еда познана будутъ во тѣмъ чудеса Твоя и правда Твоя въ земли забвенны? (ст. 11—13). Есть и другія такого рода изреченія, которыя желающій можетъ выбрать изъ писаній, дабы мы, припомнивши всѣ оныя во множествѣ, не увеличили слова слишкомъ много.

Далѣе изъ Меѳодія *).

Гл. 19. (40). Итакъ, когда Прокль съ трудомъ окончилъ рѣчь и долго молчали присутствующіе, довольно увлеченные къ невѣрію; когда я замѣтилъ, что онъ дѣйствительно окончилъ, то приподнявъ слегка голову и собравшись съ духомъ, какъ бываетъ съ плывущими, когда уже утихаетъ буря.—но будучи еще въ страхъ и смущеніи. (ибо я, такъ сказать вамъ, былъ подавленъ и засыпанъ силою словъ)—обращаюсь къ Авксентію и, назвавъ его, сказалъ: „Авксентій! я думаю, что не напрасно сказано у поэта: *Двумъ совокупно идущимъ* **). Ибо два у насъ противника, поэтому мы должны выдержать силу обоихъ. Я избираю тебя

) Рѣчь Меѳодія изъ того же разбора.

) Инад. 10, 224. „Двумъ совокупно идущимъ, одинъ предъ другимъ вымышляетъ, что для успѣха полезно; одинъ же хотя бы и мыслить, медленнѣй думаетъ его, и слабѣе рѣшительность духа.“

помощникомъ и сотрудникомъ въ спорѣ съ нами, дабы Аглафонъ съ Прокломъ и Оригеномъ, вооружившись противъ насъ разрушительными доказательствами, не испровергъ воскресенія. Такъ выступимъ же противъ ихъ софизмовъ, нисколько не страшась ихъ возраженій, которыми они нападаютъ на людей робкихъ. Ибо ничего у нихъ нѣтъ вполнѣ здраваго и основательнаго, но одинъ красивый наборъ словъ, приготовленный для пораженія и убѣжденія слушателей, не ради истины и пользы, но дабы показаться присутствующимъ мудрыми въ словѣ. Отъ этого рѣчи, вытекающія изъ вѣроятности и разукрашенные для вида и удовольствія, иногда у простыхъ людей считаются гораздо лучшими тѣхъ, которыя направлены къ точному изслѣдованію истины. Самыя учителя ревнуютъ уже не о томъ, что лучше и что достойно уваженія, но о томъ, чтобъ понравиться и доставить удовольствіе, какъ поступаютъ софисты, которые берутъ плату за рѣчи, дешево продавая похвалы мудрости. Въ прежнія времена рѣшигательно употреблялась краткость въ изъясненіи, потому что старались не о томъ, чтобы доставить удовольствіе, а пользу присутствующимъ. Въ послѣдствіи, когда изъяснять Писанія стало безъ всякаго затрудненія дозволеннымъ для всѣхъ, и всѣ, исполнившись самомнѣніемъ, стали тунны къ дѣланію добра, а начали преслѣдовать въ краснорѣчіи, величаясь, будто они

способны знать все; когда стали почитать за стыдъ—сознаться, что имъ нужно еще учиться, а болѣе спорили и выступали впередъ, какъ учителя: тогда произошло то, что возымѣвъ дерзость, уклонились отъ благоговѣнія и кротости и отъ вѣры, что Богъ все можетъ сдѣлать, какъ обѣщаль, а обратились къ пустымъ спорамъ и богохуленіямъ, не помысливъ о томъ, что не дѣла нуждаются въ словахъ, а слова—въ дѣлахъ, какъ бываетъ во врачебномъ искусствѣ, гдѣ слова, отъ которыхъ больные должны получить исцѣленіе, подтверждаются дѣлами. Нужно, чтобы при единомысліи между нами умъ нашъ былъ въ согласіи съ отборными словами, а нравы съ языкомъ, подобно лирѣ, и не было бы ничего грубаго и нестройнаго. Ибо для того, чтобы намъ пріобрѣсти способность подвизаться за истину, а не казаться только такими, должно упражняться въ справедливости, и не идти, хромя, по пути мудрости, заботясь болѣе о славѣ, нежели о истинѣ и прикрываясь предложениями и видами и всякимъ покровомъ лицемерія.

Гл. 20. (41). Ибо есть, подлинно есть люди, наряжающіеся въ пышную одежду украшенныхъ словъ, какъ наряжаются женщины, чтобы прельстить юношей, если кто нибудь изъ нихъ, не оградивъ себя вѣрою и цѣломудріемъ, взглянетъ на нихъ. Посему, прежде тщательнаго изслѣдованія намъ должно съ опасеніемъ прини-

мать къ сердцу такую рѣчь; поелику обольстители часто успѣвають привлечь на свою сторону учителей, какъ сирены, которыя ненависть свою къ людямъ предъ бѣгущими отъ нихъ закрываютъ пріятнымъ пѣніемъ издали. Какъ, Авксентій, сказалъ я, думаешь ты объ этомъ? Онъ отвѣчалъ: также, какъ и ты. О неправомыслящихъ софистахъ мы можемъ конечно сказать, что они поддѣлываются подъ изображенія истины, но не знаютъ самой истины, какъ и живописцы: ибо сіи послѣдніе стараются подражательно изобразить и кораблестроителей, и корабли и кормчихъ, но сами не умѣютъ ни строить кораблей, ни управлять ими. Итакъ хочешь ли ты, чтобъ мы, снявши краски, убѣдили удивляющихся этимъ рисункамъ юношей, что то не корабль, что кажется кораблемъ, и не кормчій, что представляется кормчимъ, а стѣна, раскрашенная снаружи красками и рисунками для удовольствія, и что сдѣлавшіе это изъ красокъ, а не самый корабль, суть копировщики вида корабля и кормчаго? Длинно это предисловіе, любезнѣйшій, сказалъ я.—для желающаго слушать, однако полезно. Ибо если кто отниметъ у нихъ изреченіе Богодухновенныхъ писаній, которыми они пестро украшаютъ свои мнѣнія для обольщенія другихъ, самодовольно именуя ихъ справедливыми и истинными, но сами совершенно не зная справедливости: то какъ, по твоему мнѣнію, смѣшны будутъ они, лишенные

таковыхъ именованій? „Совершенно такъ“, сказалъ онъ.—Какъ же, Авксентій, сказалъ я, ты ли хочешь быть вождемъ на этомъ пути, или я буду предводительствовать? — „Справедливо, сказалъ онъ, тебѣ быть вождемъ, потому что ты владычествуешь словомъ.“

Гл. 21. (42). Теперь изслѣдуемъ мнѣніе Аглафона послѣдовательно, по частямъ съ самаго начала. Онъ говорилъ: „душа получила это тѣло, въ которое мы облечены, вслѣдствіе преступленія, а въ прежнія времена проводила жизнь блаженную, безъ тѣла. Тѣла суть кожаная одежда, въ которыя довелось быть заключенными душамъ, дабы въ смертномъ тѣлѣ понести наказаніе за свои дѣла“. „Не это ли съ самаго начала было сказано тобою врачъ? Но если тебѣ кажется, что я чего нибудь не припомнилъ, то ты припомни“. Нѣтъ теперь никакой нужды въ этомъ напоминаніи, сказалъ онъ, потому что мы прежде всего сказали это самос.— „Что же? Неужели и то, что часто говорилъ ты впоследствии, именно: что тѣло служитъ для насъ препятствіемъ къ уразумѣнію и познанію дѣйствительно сущаго, по причинѣ заботливости нашей объ украшеніи и уходѣ за нимъ, и по причинѣ другихъ прираженій, относящихся къ прихоти чрева? И кромѣ того, тѣло бываетъ виною злорѣчія и всякихъ прегрѣшеній; потому что душа сама по себѣ—одна безъ тѣла совершенно не можетъ грѣшить, а посему, чтобы,

по отшествіи отсюда. она могла быть свободна отъ грѣха и преслушанія на небѣ, гдѣ и будетъ имѣть пребываніе вмѣстѣ съ Ангелами, она должна остаться свободною и отрѣшенною отъ тѣла, потому что тѣло служитъ для нея причиною оскверненія грѣхомъ и содѣйствуетъ сему? Ибо безъ тѣла душѣ невозможно согрѣшить; по этому, дабы сохраниться безгрѣшною въ безконечныя вѣки, она уже не получитъ тѣла, которое влечетъ ее долу къ тлѣнію и неправдѣ“. Сказано было и это: „Чтожь? Не ужели ты думаешь, что это сказано тобою справедливо и хорошо?“ сказалъ я. А почему это тебѣ кажется не такъ? сказалъ онъ. Ты не можешь опровергнуть этихъ словъ. „Нисколько, сказалъ я. Но я хочу изслѣдовать причину, почему ты сказалъ такъ“. Это хорошо и справедливо, сказалъ онъ. „Хорошо ли и справедливо, по твоему мнѣнію, поступаетъ тотъ, кто говоритъ противорѣчащее себѣ и несогласное?“ Никакъ. „Не кажется ли тебѣ, что онъ невѣжественно поддѣлывается подъ истину?“ Совершенно такъ, отвѣчалъ онъ. „Неужели одобришь ты того, кто дѣлаетъ намѣренныя ошибки для ложной стройности рѣчи?“ Никакимъ образомъ. „Поэтому ты и самого себя не можешь оправдать въ томъ, что такъ неосновательно говоришь. Ибо допустивъ, что души согрѣшили безъ тѣла, нарушивши заповѣдь, и сказавъ, что за беззаконіе Богъ далъ имъ напоследокъ ко-

жаныя одежды, дабы, нося мертвость, онѣ подверглись осужденію, назвавъ сими одеждами тѣла,—ты въ продолженіи рѣчи забылъ, что утверждалъ прежде того, и говоришь, что душа сама по себѣ не можетъ согрѣшить, потому что по природѣ она совершенно неспособна на это, но что тѣло содѣлалось для нея виною всякихъ золь. Поэтому, дабы душа опять не устремилась къ неправдѣ, какъ это случилось съ нею прежде вслѣдствіе соединенія съ тѣломъ, она на вѣки останется безъ тѣла, хотя сначала сказалъ ты, что душа согрѣшила до соединенія съ тѣломъ, когда была еще въ раю блаженною и безпечальною. Ибо послѣ нарушенія заповѣди Божіей, когда уже возобладать надъ нею грѣхъ, вслѣдствіе повиненія змію, будто бы дано ей тѣло въ наказаніе, какъ узы. Посему или первое, или послѣднее мнѣніе оказывается несправедливымъ. Ибо или душа еще не имѣя тѣла согрѣшила, и хотя бы не получила тѣла, тѣмъ не менѣе будетъ грѣшить, слѣд., всякое разсужденіе о томъ, что тѣло не воскреснетъ, будетъ напраснымъ и излишнимъ; или согрѣшила вмѣстѣ съ тѣломъ, а такимъ образомъ кожаныя одежды не могутъ быть приняты за тѣло; потому что человѣкъ оказывается преступникомъ заповѣди Божіей прежде устройства оныхъ: а между тѣмъ одежды для того и устроены, чтобы ими прикрыть произшедшую отъ грѣха наготу. Наконецъ убѣждаю ли я тебя,

и видишь ли ты, какъ допустилъ ты противорѣчіе себѣ самому? Ясно ли это для тебя? Или ты, Аглафонъ, сказалъ я. еще не понимаешь, что я говорю?“ Понимаю, сказалъ онъ, и не имѣю нужды второй разъ это слушать. Но я и не замѣтилъ, что сказалъ такъ несправедливо. Ибо мнѣ, когда я допустилъ, что кожаныя одежды суть тѣла, нужно было признать и то, что душа согрѣшила прежде нежели вошла въ тѣло, такъ какъ преступленіе совершено было прежде устройства одеждъ; ибо одежды даны людямъ по причинѣ преступленія, а не преступленіе произошло по причинѣ одеждъ. Когда мы согласились въ семь, должны вмѣстѣ согласиться и въ томъ, что причиною грѣха не тѣло сіе, а душа сама въ себѣ, поэтому она будетъ грѣшить, хотя бы и не получила тѣла, такъ какъ согрѣшила и прежде, когда была безъ тѣла. Потому безразсудно говорить, будто тѣло не можетъ воскреснуть ради того, чтобы не содѣлаться причиною грѣха для души; ибо какъ она согрѣшила до соединенія съ тѣломъ, такъ будетъ грѣшить и по отложеніи тѣла, хотя бы опять и не получила тѣла. По этому мнѣ нѣтъ нужды вѣрить ни себѣ самому, ни другому, кто говоритъ, что кожаныя одежды суть тѣла. Но если я соглашусь въ этомъ, то вмѣстѣ долженъ согласиться и въ томъ, что сказано.

Гл. 22. (43). „Чтожь? сказалъ я. Не кажется ли тебѣ, Аглафонъ, и это несправедли-

вымъ?“ Что такое? „Утверждать, сказалъ я, будто тѣло устроено для души, какъ узы и оковы, на томъ основаніи, что и пророкъ назвалъ насъ *узниками* земли (Зах. 9. 11) и Давидъ *окованными* (Псал. 145, 7)?“ Тогда онъ отвѣчалъ: я не могу тебѣ такъ скоро отвѣтить на это. Но почему ты съ другимъ не разсуждаешь? Тогда я, замѣтивъ, что онъ краснѣетъ и избѣгаетъ обличенія, сказалъ: „Ужели ты думаешь, будто я стараюсь изобличать тебя по зависти, а не потому, что было намѣреніе сдѣлать разъясненіе въ спорѣ? Нѣтъ, любезный! Не тяготись моими вопросами: ты видишь, что у насъ идетъ рѣчь не о маловажныхъ предметахъ, но о томъ, какъ должно вѣровать; и я ни откуда не предполагаю столько зла для человѣка, сколько происходитъ отъ ложнаго мнѣнія о предметахъ необходимыхъ. Итакъ охотно и ясно отвѣчай на вопросы; и если покажется тебѣ, что я говорю неправду, обличи, безпокаясь болѣе за истину, нежели за меня; ибо я считаю лучшимъ благомъ принимать обличенія, нежели самому обличать другихъ, на сколько лучше самому удаляться отъ зла, нежели другихъ удалять. Итакъ сличимъ теперь наши рѣчи, и посмотримъ, въ чемъ онѣ между собою разходятся. Ибо предметы, о которыхъ мы споримъ, вовсе не маловажны, а таковы, что знать ихъ прекрасно, а незнать постыдно. Итакъ ты не допускаешь воскресенія тѣла, а я допускаю“.

Конечно, сказалъ онъ, я уже сказалъ это. „Но ты, сказалъ я, называлъ тѣло узами, темницею, гробомъ, бременемъ и оковами, а я не называю такъ“. Правду ты мнѣ говоришь, сказалъ онъ. „Ты сказалъ еще, что тѣло есть причина невоздержности, обольщенія, печали, гнѣва и, кратко сказать, всѣхъ другихъ золъ, которыя препятствуютъ намъ въ стремленіи души къ прекрасному и не позволяютъ намъ достигнуть уразумѣнія и познанія истинно сущаго; потому что хотя бы мы старались уловить что нибудь изъ существующаго, всегда окружающій насъ мракъ помрачаетъ умъ, не допуская насъ ясно разсмотрѣть истину. Ибо, какъ сказалъ ты, свѣдѣніе, пріобрѣтаемое нашими ушами, исполнено обмана, равно какъ пріобрѣтаемое зрѣніемъ обманчиво, обманчиво и то, что пріобрѣтается другими чувствами“. „Видишь“, сказалъ онъ, „Еввулій, какъ я готовъ хвалить тебя, когда ты правильно разъясняешь слова“?

Гл. 23 (44). И такъ буду еще говорить, чтобы ты болѣе хвалилъ меня. Если, по вашему мнѣнію, тѣло—узы; то нельзя думать, будто оно причина грѣха и неправды для души, а напротивъ оно причина — цѣломудрія и благовоспитанности. Разсуждай объ этомъ такъ, ибо такъ лучше поймешь: куда мы отводимъ страждущихъ тѣлесными болѣзнями? Не ко врачамъ ли?“ „Очевидно такъ“, сказалъ онъ. „А куда—преступниковъ? Не къ судіямъ ли?“ „Непремѣнно“.

„Не для того ли, сказалъ я, чтобы они получили достойное наказаніе за дѣла свои?“ „Да“ „А что справедливо, то и прекрасно?“ Согласился. „Значитъ, судящій справедливо, хорошо дѣлаетъ, ибо справедливо судить?“ И на это согласился. „А что прекрасно, то и полезно? кажется такъ; потому что подеудимые получаютъ пользу; такъ какъ отъ ихъ истязаній злодѣйство прекращается, подобно тому, какъ отъ врачебныхъ операцій и лѣкарствъ прекращаются болѣзни: поелику наказать обидѣвшаго, значитъ исправить душу и устранить сильную болѣзнь, т. е. неправду“. Онъ согласился. „Что же? Не по мѣрѣ ли грѣховъ, скажешь ты, опредѣляются и наказанія достойно наказуемымъ, подобно тому, какъ и врачуемымъ по мѣрѣ ранъ дѣлаются операціи?“ Онъ изъявилъ согласіе. „И такъ сдѣлавшій достойное смерти наказывается смертію, достойное ударовъ—ударами,—достойное узъ—узами?“ Согласился. „И такъ, сказалъ я, виновный наказывается узами, или ударами, или другимъ какимъ либо подобнымъ наказаніемъ для того, чтобы раскаявшись пересталъ дѣлать неправду и сими наказаніями исправился, какъ исправляется искривленное дерево?“ Совершенную правду говоришь ты, сказалъ онъ. „Потому что судія наказываетъ его не ради прошедшей вины, но въ предостереженіе отъ будущей, дабы онъ опять не сдѣлалъ того же?“ Это очевидно, сказалъ онъ. „Ибо очевидно, что

узы отнимають у него стремленіе къ неправдѣ, не позволяя ему дѣлать того, что хочетъ?“ Истинно такъ. „И такъ онъ удерживается отъ грѣха потому, что узы не дозволяютъ ему свободно предаваться удовольствіямъ, но стѣсняють его и учатъ уважать справедливость, доколѣ онъ, вразумляемый, не научится быть цѣломудреннымъ?“ Кажется такъ, сказалъ онъ. „И такъ узы, какъ видно, не бываютъ виною грѣха, потому что уцѣломудриваютъ людей и дѣлають ихъ болѣе справедливыми, служа лѣкарствомъ для души, хотя горькимъ и ѣдкимъ, но цѣлительнымъ?“ Это очевидно, сказалъ онъ.—„Что же? пересмотримъ еще сказанное прежде. Не допустилъ ли ты, что тѣло есть узы души вслѣдствіе преступленія?“ Да, я допускаю это, сказалъ онъ. „Еще: что душа грѣшитъ вмѣстѣ съ тѣломъ, потому что прелюбодѣйствовать, убивать и поступать нечестно тебѣ кажется грѣхомъ, а вѣдь это душа дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ?“ Онъ согласился. „Но мы еще признали, что узникъ не можетъ обижать?“ Признали, сказалъ онъ. „Отъ того, что боль отъ узъ мѣшаетъ этому?“ Да! „Но вѣдь плоть узы души?“ Онъ подтвердилъ это. „Но находясь во плоти, мы грѣшимъ при согласіи на это плоти?“ Такъ, сказалъ онъ. „А связанный не можетъ грѣшить?“ И на это изъявилъ онъ согласіе. „Отъ того, что чувствуетъ боль?“ Да! „Отъ того, что узы не дозволяютъ?“ Конечно. „Но тѣло содѣйствуетъ согрѣшенію?“

Да! „А узы удерживаютъ?“ Онъ согласился. „И такъ, сказалъ я, ни по твоему, Аглафонъ, ни по чьему либо другому мнѣнію, тѣло не есть узы, но въ томъ и въ другомъ, т. е., какъ въ добрѣ, такъ и во злѣ, оно содѣйствуетъ душѣ“. Онъ согласился.

Гл. 24 (45). Если это такъ, то ты, Аглафонъ, защищай то, что ты прежде говорилъ. Ибо ты въ прежнихъ Бесѣдахъ утверждалъ, что тѣло есть узы, темница и оковы души, и видишь, какъ это не согласуется съ тѣмъ, что ты сказалъ. Если нужно, любезный, плоть признавать узами, а душа пользуется этими узами, какъ пособіемъ и содѣйствіемъ къ неправдѣ, то возможно ли это согласить? Вѣдь не возможно. Ибо если наказаніе опредѣлено за грѣхъ, чтобы душа, удрученная скорбію, научилась Богопочитанію: то какимъ образомъ тѣло можетъ служить ей пособіемъ и содѣйствіемъ къ неправдѣ? Узы, темницы, оковы, и, кратко сказать, всѣ такого рода относящіяся къ исправленію карательныя средства имѣютъ силу удерживать наказуемыхъ отъ неправды и грѣха. Ибо не для того, чтобы обидѣвшій еще болѣе дѣлалъ неправды, даются ему узы, какъ пособіе къ неправдѣ, но для того, чтобы томимый узами пересталъ творить неправду. Для сего то судіи и заключаютъ злодѣевъ въ оковы: узы по неволѣ удерживаютъ ихъ отъ злодѣянія. Да и зло дѣлать свойственно

людямъ, пользующимся свободою и живущимъ безъ надзора, а не связаннымъ. Человѣкъ сперва совершилъ убійство, подобно Каину, укрѣпился въ невѣріи, присталъ къ идоламъ, отступилъ отъ Бога. Какимъ же образомъ тѣло дано ему вмѣсто узъ? Или какимъ образомъ, когда человѣкъ согрѣшилъ до соединенія съ тѣломъ, Богъ далъ ему тѣло для содѣйствія къ большей неправдѣ? Какимъ наконецъ образомъ послѣ устроенія сихъ узъ говорится: *се дахъ предъ лицомъ твоимъ жизнь и смерть*: избери животъ, — *благо и зло* (Втор. 30. 15); также: *аще хотите и послушаете Мене* (Исаи 1, 19)? Это сказано ему, какъ обладающему полною свободою, а не какъ связанному узами и необходимостію. Изъ всего этого слѣдуетъ, что тѣло не должно признавать узами, или темницею или оковами, и *узники земли* по этому не означаютъ того, что души связаны земными узами вслѣдствіе осужденія ихъ Богомъ: ибо какъ это можетъ быть, когда ничѣмъ этого доказать нельзя? Очевидно, нелѣпо и то мнѣніе, что въ вѣчной жизни тѣло не соединится съ душою по той причинѣ, что оно есть узы и оковы, дабы мы не содѣлались на вѣки осужденными узниками тлѣнія, когда будемъ находиться въ царствѣ свѣта. Послѣ достаточнаго опроверженія и обличенія того ученія, въ которомъ признавали тѣло узами души, уничтожается и та мысль, будто тѣло не воскреснетъ, на томъ основаніи, чтобъ мы не

были изъ за него узниками въ царствѣ свѣта, которое получимъ.

Какое же наконецъ нужно представить другое доказательство для убѣжденія недовольныхъ? Они не удовлетворятся доказательствомъ и яснѣйшимъ вышеприведенныхъ. Но это ихъ любопреніе можно изобличить какъ на основаніи сего мѣста, такъ и многихъ другихъ. Въ дальнѣйшемъ продолженіи рѣчи, мы естественными доводами, а не предположеніями, докажемъ, что ни Іеремія не называлъ насъ *узниками земли* ради соединенія съ тѣломъ, ни Давидъ по этой же причинѣ—*окованными* (Псал. 145. 7). Стоитъ указать и на то, въ чемъ они наипаче оказываются уклонившимися отъ истины. П такъ, Господà Судьи (я васъ, державный Теофилъ, называю судіями словъ) сказавъ надлежащее о кожаныхъ одеждахъ и о томъ, что прежде устроенія оныхъ прародители жили съ тѣломъ, наслаждаясь безсмертіемъ, и еще—о томъ, что нельзя почитать тѣло узами и темницею — я обращаюсь наконецъ къ слѣдующимъ предметамъ, какъ обѣщаль, дабы намъ яснѣе увидѣть то, чего желаемъ.

Гл. 25 (18). Послѣ того, какъ Зиждитель всяческихъ Богъ стройно составилъ вселенную, подобно великому городу, и украсилъ ее, повелѣвая словомъ; послѣ какъ соразмѣрно расположилъ въ ней каждую стихію и наполнилъ все различными животными, дабы міръ

совершенно возросъ въ красотѣ,—Онъ, сотворивши многообразные виды естества: звѣзды на небѣ, пернатыхъ въ воздухѣ, четвероногихъ на землѣ и плавающихъ въ водѣ,—послѣ всего ввелъ въ міръ человѣка, точное подобіе собственнаго Его образа, предуготовивъ для него этотъ міръ, какъ прекраснѣйшее жилище и своими руками образовавъ его, какъ бы прекрасное изваяніе въ великолѣпномъ храмѣ. Онъ зналъ, что содѣланное Его рукою по необходимости будетъ безсмертно, какъ произведеніе безсмертія, ибо отъ безсмертія безсмертное бываетъ безсмертнымъ, также какъ и отъ злобы злое бываетъ злымъ, отъ неправды неправедное — неправеднымъ. Неправедное не есть произведеніе правды, но неправды, и на оборотъ, праведное дѣло не есть произведеніе неправды, но правды: равно какъ содѣлать тлѣннымъ свойственно не нетлѣнію, а тлѣнію, и обезсмертить не есть дѣло тлѣнія, а нетлѣнія, — и кратко сказать: каково производящее, таковымъ (обыкновенно) по необходимости содѣлывается и производимое отъ него. Богъ есть и безсмертіе, и жизнь, и нетлѣніе: А человѣкъ—произведеніе Божіе; и такъ какъ произведенное безсмертіемъ безсмертно, потому человѣкъ безсмертенъ. Поэтому-то Богъ Самъ произвелъ человѣка, а прочіе роды животныхъ повелѣлъ произвести воздуху, землѣ и водѣ. Человѣкомъ въ самомъ истинномъ смыслѣ

относительно природы называется не душа безъ тѣла и не тѣло безъ души, но то, что составилось въ одинъ прекрасный образъ изъ соединенія души и тѣла. Отсебѣ открывается, что человѣкъ созданъ безсмертнымъ и непричастнымъ всякому тлѣнію и болѣзнямъ. Это достаточно можно узнать и изъ писанія; ибо о другихъ тваряхъ, которыя въ продолженіе времени измѣняются, возрастая и состарѣваясь, говорится: *да изведутъ воды гады души живыхъ и птицы летящія по земли, по тверди небесной*. И еще: *да изведетъ земля душу живу по роду, четвероногая и гады и звери земли по роду* (Быт. 1, 20. 24.) О человѣкѣ же не такъ говорится, какъ о тѣхъ: *да изведетъ земля, или да изведутъ воды, или: да будутъ свѣтила*; но говорится: *сотворилъ человека по образу и по подобію нашему и да обладаетъ рыбами морскими и птицами небесными и всѣми скотами* (ст. 26). И взялъ Богъ персть отъ земли и созда человека (Быт. 2. 7).

Гл. 26. (19). А чтобы вы лучше уразумѣли отличіе человека, какъ онъ во всемъ различается отъ другихъ тварей, и, будучи безсмертнымъ, оказывается поставленнымъ на второмъ мѣстѣ послѣ ангеловъ, — и это мы изложимъ также въ истинномъ и православномъ смыслѣ. Прочимъ животнымъ дана одушевленная жизнь посредствомъ вдыханія духа, разлитаго въ воздухъ: а человѣку отъ самой безсмертной и ст-

личной сущности, ибо *вдуну Богъ въ лице его дыханіе жизни и бысть человекъ въ душу живу* (Быт. 2, 7). Тѣмъ повелѣно служить и быть въ подчиненіи: этому—начальствовать и владычествовать; тѣмъ даны различные виды и формы естества, какія по повелѣнію Божію породила грубая и видимая природа: этому—нѣчто боговидное и богоподобное, во всемъ соотвѣтствующее первообразному и единородному образу отца: *и сотвори Богъ человека, по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 27); посему и позаботился объ утвержденіи въ немъ Своего образа, дабы онъ не былъ удободоступенъ для тлѣнія, подобно тому какъ это обычно дѣлается статуямъ: они заботятся не только о красотѣ и благолѣпій своихъ изваяній, чтобы онѣ были прекрасны до великолѣпія, но и стараются,—на сколько это возможно для нихъ,—о безсмертіи своихъ произведеній, чтобы онѣ сохранялись неповрежденными на долгое время, какъ напр. Фидій, сдѣлавши статую Юпитера Олимпійскаго (а была она изъ слоновой кости), приказалъ налить масла около ногъ впереди статуи, чтобы сохранить ее по возможности безсмертною. Такимъ образомъ, если такъ поступаютъ художники вещей рукотворенныхъ, то не паче ли Богъ, высочайшій художникъ, Который все можетъ и изъ несущаго сотворить,—могъ совершенно необходимо устроить, чтобъ Его разумное произведеніе — человекъ

быть негибнущимъ и безсмертнымъ? Ужели бы Онъ попустилъ, чтобъ такъ безславно разрушилось и предано было погибели и тлѣнію то, что Онъ нарочито удостоилъ создать Своими руками, образовавъ оное по образу Своему и по подобію, — украшеніе міра, для котораго и міръ созданъ? Этого сказать невозможно. Дерзнувшій такъ мыслить впалъ бы въ безуміе.

Гл. 27. (20). Но, можетъ быть, не остановившись внимательно на сказанномъ теперь, вы, Аглафонъ, скажете: „если, по вашему мнѣнію, животное было безсмертно отъ рожденія, то какимъ образомъ оно содѣлалось смертнымъ, когда безсмертное непременно должно быть тѣмъ, что оно есть, не ниспадая и не переходя въ худшее и смертное естество? Это не возможно, иначе оно не безсмертно.“ На это скажу: на свободу въ избраніи добра, данную человѣку и получившую этотъ законъ, возстала съ злорадствомъ ненавистница добра, зависть. Богъ сотворилъ человѣка для нетлѣнія и содѣлалъ его образомъ собственной вѣчности: *яко Богъ смерти не сотвори, ни веселится о погибели живыхъ: завистию же діаволою смерть видне въ мірѣ*, какъ свидѣтельствуешь и премудрость Соломона (Прем. 1, 13.—2, 24). Но, опять необходимо сказать: откуда же смерть, если Богъ смерти не сотворилъ? Если отъ зависти: то какимъ образомъ зависть могла быть сильнѣе изволенія Божія? Это мы назовемъ

оскорбительнымъ для Бога. Противникъ спрашиваетъ: откуда зависть? Если отъ діавола, то для чего получилъ бытіе діаволь? А если получилъ бытіе, значитъ сотворившій его есть виновникъ существованія зла? Но Богъ совершенно не есть виновникъ зла ни въ какомъ отношеніи; слѣдовательно діаволь не получилъ бытія, а если не получилъ, то и не подлежитъ страданіямъ и погибели и не имѣетъ ни въ чемъ нужды: это по необходимости должно быть съ неполучившимъ бытія, а между тѣмъ онъ подвергается униженію и мученіямъ. Но то, что подвергается мученіямъ,—измѣняется и страждетъ, — а Нерожденное безстрастно. слѣдовательно діаволь не есть неполучившій бытія, а получившій. Если же онъ получилъ бытіе и если что получило бытіе произошло отъ какого либо начала и существуетъ творецъ сего, значитъ, есть какой либо творецъ и діавола. Итакъ получилъ ли онъ бытіе, или не получилъ? Но должно представлять, что имѣющее неизмѣненное бытіе есть только одно, именно Богъ: ибо вообще, кромѣ Его, рѣшительно не можетъ быть другаго творца. *Азъ, сказано, первый, и Азъ по сихъ, и кромѣ Мене нѣсть Бога* (Исаи 44, 6). Безъ Его воли ничто не можетъ быть передѣлано или сотворено, ибо и Сынъ исповѣдуетъ, что *не можетъ творити о Себѣ ничего, аще не еже видитъ отца творяща. Яже бо, говоритъ, Отецъ тво-*

ритъ, сія и Сынъ такожде творитъ (Іоан. 5, 19). Нѣтъ ничего враждебнаго, или непріязненнаго, или сопротивнаго Богу; потому что если бы что нибудь воспротивилось Богу, то перестало бы существовать, такъ какъ бытіе его было бы уничтожено могуществомъ и силою Божіею; только одному создавшему возможно уничтожить и безсмертное.

Гл. 28. (21), Итакъ, вы скажете, что такое діаволь? Духъ обращающійся около вещества, какъ сказано и у Аѳинагора.— бытіе получившій отъ Бога, также какъ и прочіе ангелы получили отъ Него бытіе, и имъ ввѣрено было управленіе веществомъ и видами вещества. Таково было назначеніе Ангеловъ, быть съ Богомъ при Его промышленіи о тваряхъ. Имъ благоустроенныхъ, такъ чтобы всеобщее и главное попеченіе о всемъ имѣлъ Богъ. Самъ обладая господствомъ и властію надъ всѣмъ и все, какъ корабль, неуклонно направляя правиломъ мудрости, а отчасти смотрѣли бы за тѣмъ представленныя къ сему Ангелы. Прочіе Ангелы пребыли въ томъ состояніи, въ какомъ ихъ Богъ сотворилъ и распредѣлил; но сей возгордился и въ управленіи ввѣреннымъ ему содѣлался лукавымъ, очреватѣвъ завистію противъ насъ, подобно тѣмъ, которые вполнѣдствіи воспламенились плотію и вступили въ любо-страстное общеніе со дщерями человѣческими (Быт. 6, 2). Ибо и имъ, также какъ и людямъ.

Богъ опредѣлилъ имѣть свободное желаніе того или другаго, чтобы — или, повинаясь Его слову, пребывали вмѣстѣ съ Нимъ и наслаждались блаженствомъ,—или же, если не будутъ повиноваться, подверглись осужденію. Былъ и діаволь звѣздою утреннею: *како спаде съ небесе денница восходящая завтра* (Иса. 14, 12)? Онъ вмѣстѣ съ Ангелами сіялъ свѣтомъ, былъ звѣздою утреннею, но ниспалъ и низверженъ на землю, направивъ челоуѣка въ противную сторону. Ибо Богъ гнѣвается на гордыхъ и надмѣннымъ умышленіямъ поставяетъ преграду. Приходитъ мнѣ на мысль сказать о семъ и стихами:

Змѣй! Ты начало всѣхъ золъ для людей и конецъ,
 Ты—обольщенье снѣпаго, которое кошу тяжелую зла пораждаетъ.
 Вождь къ безразсудству,—ты радость находишь
 Въ слезахъ житейскихъ, въ стеснаніяхъ смертныхъ;
 Единокровныхъ къ обидѣ преступной
 Братоубійственны руки ты подымаешь;
 Каина ты убѣдилъ обагрить кровяными струями
 Землю впервые; и праотца ты оболстнулъ,
 Такъ что онъ съ жизни петлѣнной на землю ниспалъ.

Гл. 29 (22). Таковъ-то діаволь. Смерть же введена для наказанія, подобно тому, какъ дѣтямъ, начинающимъ учиться грамотѣ, даютъ удары для исправленія. Смерть не что иное, какъ разлученіе и отдѣленіе души отъ тѣла.— Вы скажете: чтожь? значитъ виновникъ смерти Богъ? Опять встрѣчается съ нами таже рѣчь.—

Да не будетъ сего, потому что и учителя не главные виновники того, что дѣти испытываютъ боль отъ ударовъ. И такъ хорошее дѣло—смерть, если введена, подобно ударамъ для наказанія дѣтей, не грѣховная смерть, мужи премудрые, но смерть, состоящая въ разъединеніи и отлученіи души отъ тѣла. Ибо человекъ, будучи свободнымъ и самовластнымъ, и получилъ самовладычествующую волю и свободное произволеніе для избранія добра, какъ сказалъ я, когда услышалъ: *отъ всякаго древа, еже въ раи, съидію съиси; отъ древа же, еже разумльти доброе и лукавое, не съйте отъ него: а въ онъ же аще день съйте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 16, 17), самъ склонившись ко вкушенію, при помощи діавола, убѣждавшаго къ преслушанію разнаго рода оболъстительною хитростію, нарушилъ заповѣдь Божию; и это сдѣлалось для него соблазномъ, сѣтію и преткновеніемъ. Ибо Богъ не сотворилъ зла, и вообще никакимъ образомъ не есть виновникъ зла. Но все, что Имъ сотворено свободнымъ для сохраненія и соблюденія закона, Имъ праведно постановленнаго, если не соблюло оный, называется зломъ. А самый тяжкій вредъ преслушать Бога, преступивъ предѣлы самопроизвольной правды. Посему, когда человекъ, отступивъ отъ указанія Божія, запятналъ себя и осквернилъ, и отпечатлѣлъ на себѣ скверны многого зла, которыя породилъ князь сей и

отець прелести, *зачавшій болѣзнь* по Писанію. (Псал. 7, 15), дабы имѣть возможность постоянно увлекать и побуждать челоѣка къ неправдѣ: тогда Вседержитель Богъ. увидѣвъ. что челоѣкъ, сотворенный безсмертнымъ, до униженія потерпѣлъ озлобленіе отъ коварства д'явола. не позволилъ ему вкусить отъ древа жизни, но облекъ его и жену его Евву въ кожаныя одежды. и изгналъ изъ рая. опредѣливъ имъ смерть и сказавъ: *земля еси и въ землю отыдеши* (Быт. 3, 19). дабы воскресеніемъ избавивъ отъ униженія, какъ свойственно наилучшему художнику. опять возстановить ихъ въ собственномъ ихъ тѣлѣ безъ униженія.

Гл. 30 (23). Уже прежде разсмотрѣно было сомнѣніе и доказано. что кожаныя одежды не суть тѣла. Тѣмъ не менѣе и опять будемъ говорить (ибо не разъ надлежитъ сказать о семъ). Ибо еще прежде устроенія оныхъ первозданный признаеть. что имѣеть кости и плоть. когда увидѣвъ приведенную къ нему жену. воскликнулъ: *се нынѣ кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моя. Сія наречется жена, яко отъ мужа своего взята бысть. Сего ради оставитъ челоѣкъ отца своего и мать, и прильпится къ женѣ своей: и будутъ два въ плоть едину* (Быт. 2, 23. 24.) Я не могу потерпѣть нѣкоторыхъ празднословящихъ и безстыдно насилующихъ Писаніе. которые. чтобы провести мнѣніе. будто нѣтъ вос-

кресенія плоти, предполагають и кости духовныя и плоть духовную, и съ иносказаніями бросаются туда и сюда, вверху и внизъ. А что это надобно принимать такъ, какъ написано, подтверждаетъ Писаніе. Христосъ, фарисеямъ, спрашивавшимъ объ отпущеніи жены, отвѣчаетъ: *развѣ не знаете, что сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть и рече: сего ради оставитъ человекъ отца и мать и т. д.* (Мат. 19, 4—5). Далѣе, какъ можно принимать только въ разсужденіи душъ слова: *раститесь и наполните землю* (Быт. 1, 28). И еще: *персть взялъ отъ земли Богъ и созда человекъ* (2, 7), что очевидно сказано собственно о тѣлѣ, ибо не отъ персти и не отъ тяжелаго вещества душа получила существо. Такимъ образомъ изъ всего этого по всей справедливости слѣдуетъ, что человекъ сотворень съ тѣломъ прежде кожаныхъ одеждъ, потому что обо всемъ этомъ сказано прежде его паденія, а объ томъ, что касается одеждъ,—послѣ паденія.

Поэтому приступимъ опять къ разсмотрѣнію того, что подъ руками, достаточно доказавъ, что кожаныя одежды не суть тѣла, но разумно подготовленный плодъ смерти животныхъ. Теперь остается разсмотрѣть, отъ чего человекъ выселяется изъ предѣловъ рая. Богъ не потому изгналъ его, будто не хотѣлъ, чтобы онъ срывалъ отъ древа жизни и вкушалъ (ибо опять

вкусивши отъ древа жизни онъ могъ бы жить въ вѣкъ), но чтобы, какъ мы предположили, зло не сдѣлалось безсмертнымъ. Въ противномъ случаѣ для чего и Христа послать съ неба на землю, если вполнѣ хотѣлъ, чтобы человѣкъ умеръ всеконечно, не вкусивъ жизни? Если пререкающій скажетъ, будто Богъ сдѣлалъ это вслѣдствіе раскаянія, то разсужденіе это слабо, такъ какъ допускаетъ въ Богѣ измѣненіе мысли. Нѣтъ, Богъ не есть невѣдущъ будущаго, и не творецъ зла, но въ высшей степени благъ и знаетъ напередъ будущее. Такимъ образомъ изгналъ его изъ рая не для того, чтобы онъ не жилъ во вѣки, вкушая отъ древа жизни, но чтобы смертію прежде всего умерщвленъ былъ грѣхъ, дабы такимъ образомъ по истребленіи грѣха, возставъ чистымъ послѣ смерти, человѣкъ вкушалъ жизнь.

Гл. 31 (24). Никто не будетъ такъ безразсуденъ, чтобы отважился утверждать, будто это сказано въ другомъ смыслѣ. Ибо вообще утверждающій, что эта плоть не способна къ безсмертію, какъ по истинѣ подверженный болѣзни безумія, богохульствуетъ. Для чего же послѣ устроенія кожанныхъ одеждъ Адамъ изгоняется, получивъ запрещеніе вкушать отъ древа жизни и жить, еслибы совершенно было невозможно человѣку жить вѣчно съ тѣломъ? Но запрещеніе дѣлается въ слѣдствіе того, что онъ могъ бы не умереть, если бы взялъ и вку-

силъ отъ древа жизни. Ибо говоритъ: и сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны, и облече ихъ. И рече Богъ: се Адамъ бысть яко единъ отъ Насъ, еже разумѣти доброе и лукавое. И нынѣ да не когда простретъ руку свою, и возметъ отъ древа жизни, и съестъ, и живъ будетъ во вѣкъ. И изгна Господь Богъ изъ рая сладости. дѣлати землю, отъ неяже вьзятъ бысть. И изрише Адама (Быт. 3, 21—24). И такъ тѣло могло жить во вѣкъ и быть безсмертнымъ, если бы онъ не получилъ запрещенія вкушать отъ жизни. А запрещеніе получилъ для того, дабы и грѣхъ былъ разрушенъ, умерщвленный вмѣстѣ съ тѣломъ, и тѣло во-стало по истребленіи грѣха. И такъ, чтобы человекъ не былъ безсмертнымъ, какъ я сказалъ, зломъ, или вѣчно живущимъ, заключаая въ себѣ преобладающій, какъ бы прозябшій въ безсмертномъ тѣлѣ, и имѣющій безсмертное питаніе, грѣхъ,— для сего Богъ содѣлалъ его смертнымъ, облекши мертвенностію. Сію-то цѣль и имѣли кожаныя одежды, дабы чрезъ разрушеніе и распаденіе тѣла грѣхъ весь до основанія погибъ, какъ бы вырванный съ корнемъ, дабы не осталось ни малѣйшей части корня, отъ которой опять пойдутъ новыя отрасли грѣховъ.

Гл. 32 (25). Подобно тому, какъ дикая смоковница, выросши на зданіи прекраснаго храма, разросшаяся въ ширину и въ высоту, и

распространившаяся своими многовѣтвистыми корнями по всеѣмъ связямъ камней, не прежде перестаетъ произрастать, пока всеѣмъ не оторвется вслѣдствіе распадена камней на мѣстахъ, на которыхъ она росла (ибо по отторженіи смоковницы камни могутъ опять быть сложены на своихъ мѣстахъ, дабы храмъ сохранился, не имѣя уже при себѣ ничего изъ разрушающихъ его неблагопріятныхъ условій, а между тѣмъ смоковница, отвалившаяся вся съ корнемъ, засохла): такимъ же образомъ и художникъ Богъ разрушилъ храмъ свой—человѣка, произрастившаго грѣхъ, на подобіе дикой смоковницы, умерщвляя временными приращеніями смерти, какъ написано, и оживотворяя, дабы по изсушеніи и умерщвленіи грѣха плоть съ тѣми же членами, подобно возобновленному храму, востала безсмертная и неповрежденная, послѣ совершеннаго и окончательнаго уничтоженія грѣха. Ибо пока еще живетъ тѣло до смерти, необходимо жить съ нимъ вмѣстѣ и грѣху, который скрываетъ внутри насъ свои корни хотя бы отвлѣ и подвергался ударамъ со стороны здравыхъ мыслей и внушеній: иначе послѣ крещенія, по совершенномъ отъятіи отъ насъ грѣха, не случилось бы никакой неправды. А теперь и послѣ того, какъ мы увѣровали и пришли къ водѣ крещенія, часто обрѣтаемся во грѣхахъ. Ибо никто не можетъ похвалиться, чтобы до такой степени былъ внѣ грѣха,

чтобъ даже и непомышлять вовсе о неправдѣ. Изъ сего слѣдуетъ, что теперь грѣхъ сдерживается и усыпляется вѣрою, чтобы не принести вредотворныхъ плодовъ, а не истребленъ до корня. Теперь въ этой жизни мы сдерживаемъ его прозябенія, каковы лукавыя вождельнія, дабы не беспокоилъ насъ нѣкій *корень горести высрь прозябаяй* (Евр. 12, 15), и не позволяемъ себѣ открывать глаза, и раскрывать сжатые уста къ симъ прозябеніямъ, когда разумъ подобно сѣкирѣ, посѣкаетъ родившіеся внизу корни горести. Въ будущемъ же уничтожится и самое помышленіе о злѣ.

Гл. 33 (26). Желаящіе искренно говорить истину не имѣютъ недостатка и въ свидѣтельствующемъ словѣ Писаній, поелику Апостоль зналъ, что корень грѣха еще не всецѣло уничтоженъ въ людяхъ, когда говоритъ въ одномъ мѣстѣ: *вмѣ бо, яко не живетъ во мнѣ, сиречь въ плоти моей доброе. Еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, нѣтъ. Не еже бо хочу доброе, творю, но еже не хочу злое, сіе содѣваю. Аще ли же еже не хочу, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ.* И еще: *соуслаждаюся закону Божію но внутреннему чловѣку: вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противуюющъ закону ума моего, и совершенно плыняющъ мя законъ грѣховнымъ сущимъ во удѣхъ моихъ* (Римл. 7, 18—20, 22—23). Такимъ образомъ еще не

произошло того, чтобы грѣхъ былъ пресѣченъ, будучи вырванъ съ корнями, (ибо не умеръ окончательно) но еще живетъ (ибо какъ можетъ быть сіе прежде, нежели человекъ подвергнется смерти?), дабы вмѣстѣ съ нимъ увядши и изчахнувъ, подобно растѣнію, совершенно сгибъ и разрушился вслѣдствіе уничтоженія того, на чемъ, какъ я сказалъ, скрытно держался онъ корнями, и человекъ воскреснетъ, уже не имѣя вновь проникающаго въ него корня горести. Посему-то для искорененія и уничтоженія грѣха истинный Заступникъ и Врачъ нашъ Богъ подобно противоядію допустилъ смерть, дабы зло, возникнувъ въ насъ, какъ безсмертныхъ, не было вѣчно безсмертнымъ, а сами мы изувѣченные и, подобно больнымъ, лишенные собственной силы, не остались надолго въ семъ состояніи, питая въ постоянно пребывающихъ и безсмертныхъ тѣлахъ великую болѣзнь грѣха. Посему прекрасно то, что для спасенія того и другаго, и души и тѣла, Богъ изобрѣлъ смерть на подобіе врачебнаго очищенія, дабы мы сдѣлались поистинѣ непорочными и невредимыми.

Гл. 34 (27). Итакъ поелику потребны для сего многіе примѣры, то мы здѣсь въ особенности разсмотримъ оныя, не отступая до тѣхъ поръ, пока слово достигнетъ до яснѣйшаго истолкованія и доказательства. Представляется въ примѣръ какой нибудь искусный художникъ,

который прекрасную статую, устроенную из золота или из другого вещества, соразмѣрно во всѣхъ частяхъ украшенную до изящества, опять бы расплавилъ, внезапно усмотрѣвъ, что она повреждена какимъ нибудь злѣйшимъ чело-вѣкомъ, который изъ зависти нестерпѣвъ, чтобы статуя была благолѣпна, испортилъ оную, вкушая суетное удовольствіе зависти. Примѣтъ, премудрый Аглафонъ, что, если художникъ желаетъ, чтобы статуя, надъ которою онъ трудился съ такимъ стараніемъ и заботою, не была совершенно испорчена и обезображена, то опять постарается. расплавивши ее, сдѣлать такую же самую, какою она и прежде была. А если не расплавить и не возобновить ее, а оставляетъ ее такъ, починивая ее и поправляя, то статуя отъ закаливанія въ огнѣ и отъковки по необходимости не можетъ уже остаться такою же, но окажется измѣненною и искаженною. Почему, если хочеть, чтобы это была работа прекрасная и безукоризненная, то долженъ расплавить ее и вновь слить, такъ чтобы посредствомъ передѣлки и переливки уничтожились безобразія и всѣ измѣненія, случившіяся съ нею отъ коварства и зависти, и чтобы статуя опять приведена была въ свой неповрежденный и чистый видъ, наиболѣе сходный съ нею. Со статуею это дѣлается не для того, чтобы она погибла для самаго художника, хотя бы опять обратилась въ первоначальное веще-

ство, но чтобы была возстановлена. Нужно, чтобы уничтожились безобразія и поврежденія (ибо вмѣстѣ съ перелитіемъ пропадаютъ), а не то, чтобы они опять появлялись; потому что превосходный во всякомъ искусствѣ художникъ имѣетъ въ виду не безобразное или ошибочное, но соразмѣрность и правильность произведенія. Таковымъ же представляется мнѣ и домостроительство Божіе относительно насъ. Ибо увидѣвъ, что человѣкъ, прекраснѣйшее произведеніе Божіе, поврежденъ злыми навѣтами зависти, Богъ по человѣколюбію не восхотѣлъ оставить его таковымъ, дабы, нося въ себѣ неизгладимое смертію пятно, не подвергся вѣчному позору, но разрѣшилъ его снова въ первоначальное вещество, чтобы чрезъ возсозданіе истребилось и уничтожилось въ немъ все позорное. Ибо что тамъ расплавленіе статуи, то здѣсь смерть и разрѣшеніе тѣла; что тамъ новая форма или передѣлка вещества, то здѣсь воскресеніе послѣ смерти, какъ говоритъ и Пророкъ Іеремія; ибо и онъ согласно съ симъ возвѣщаетъ говоря: *и снидохъ въ домъ скудельничъ, и се той творяше дѣло на каменъхъ, и разбися сосудъ, его же той творяше руками своими: и паки той сотвори изъ него иный сосудъ, якоже угодно во очію его творити. И бысть слово Господне ко мнѣ рекущее: еда яко же скудельникъ сей не возмогу сею сотворити съ вами, доме Израилевъ? се якоже брение ску-*

дельника вы есте въ руку мою (Иерем. 18. 4—7).

Гл. 35 (28). Примѣть, какъ послѣ преступленія челоуѣка, великая рука, какъ сказала я, не восхотѣла оставить дѣло свое въ поношеніи, какъ недоброкачественное, когда лукавый незаконно повредилъ оное завистливыми обвиненіями, но растворивъ опять обратилъ его въ переть. подобно горшечнику, вновь выдѣлывая сосудъ, такъ чтобы отъ передѣлки уничтожились въ немъ все безобразія и язвыны, и все стало по прежнему безукоризненно пріятнымъ. *Или не имать власти скудельникъ на брени, отъ того же смьшенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь* (Рим. 9, 21)? Это значить (ибо, мнѣ кажется, Апостоль точно указываетъ на это): развѣ не имѣетъ Богъ власти изъ того же самаго вещества, воссоздавъ и возобновивъ каждаго по своему, одного воскресить въ честь и славу нашу, другаго въ безчестіе и осужденіе? Въ безчестіе тѣхъ, которые дурно провели жизнь въ грѣхахъ, а въ честь тѣхъ, которые прожили въ правдѣ, какъ показано и у Данила, который говоритъ, что *мнози отъ спящихъ въ земльи персти востанутъ, сіи въ жизнь вѣчную, а оніи во укоризну и въ стыдніе вѣчное. И смьслящіе просвѣтятся аки свѣтлость тверди* (Дан. 12, 2—3). Ибо въ нашей власти не то, чтобы совершенно уничтожить корень зла, но чтобы

не попускать ему вырости больше и приносить плоды. Ибо всецѣлое и совершенное истребленіе и уничтоженіе зла до самыхъ корней совершается Богомъ, какъ сказано, по разрушеніи тѣла, а нами — по частямъ, чтобъ оно не давало отростковъ. Посему кто воспиталъ зло для размноженія его и увеличенія, а не сдѣлалъ, сколько могъ, бесплоднымъ и не подавилъ онаго, необходимо подлежить суду, потому что будучи въ состояніи и имѣя власть на это, рѣшился предпочесть вредное полезному.

Гл. 36 (29). Итакъ никто, самъ будучи виновень, да не порицаетъ необузданнымъ языкомъ естество Божіе, будто оно несправедливо распредѣлило каждому воздаяніе за зло, или за добродѣтель. *Ты кто еси, о человѣче, противъ отвѣщайъ Господеву? Еда речетъ зданіе создавшему е: почто мя сотворилъ еси тако* (Рим. 9, 20)? Ибо какъ это возможно, когда самовластною волею онъ избралъ зло? Посему и не можетъ сказать Богу, судящему по неизмѣннымъ правиламъ правды: для чего ты сотворилъ меня такъ, чтобъ я осужденъ былъ на скорби? Примѣть, какъ Апостоль, подобно искусному стрѣлку, выпустивъ эти нечестивыя слова, обращаетъ однако же не ясное и сокрытое въ глубинѣ буквы заключеніе въ самое истинное и православное, и не имѣющее въ себѣ ничего неосторожнаго или хульнаго. Для тѣхъ, которые не съ усердіемъ, а съ низкими

цѣлями внимають словамъ, иногда кажется, что онъ говоритъ нескладно и несообразно; а которые съ усердіемъ и съ трезвымъ помысломъ— для тѣхъ какого порядка и истины исполнены слова его!

Впрочемъ тщательное изслѣдованіе объ этомъ одно само по себѣ было бы на этотъ разъ дѣломъ достаточнымъ. Но смѣшно было бы оставивъ въ сторонѣ твое недоумѣніе, ради котораго мы пустились въ изслѣдованіе, перейти къ другому. Это сказано нами въ наказаніе и осужденіе тѣхъ, которые намѣренно дѣлають худое. Итакъ когда яснѣйшимъ образомъ доказано, что смерть устроена не на какое-либо зло человѣку, то не съ дурною цѣлію внимающій словамъ долженъ наконецъ уразумѣть то, что касается воскресенія тѣла. Ибо какимъ образомъ смерть бываетъ не на пользу, когда она разрушаетъ то, что окрадываетъ нашу природу, хотя въ то время, когда приходитъ, она и представляется непріятною, какъ самое кислое лѣкарство для больного. Но чтобы много разъ не говорить того же объ одномъ и томъ же, то, подкрѣпивъ сказанное еще словами изъ пѣсни второзаконія, перейдемъ къ дальнѣйшему изслѣдованію.

*Гл. 37 (30). Ибо сказанное Богомъ: **Азъ убію и жити сотворю: поражу и Азъ исцѣлю, и нѣсть иже изметъ отъ руку Моею** (Втор. 32. 39), чему другому имѣеть цѣлію научить, какъ*

не тому, что тѣло прежде подвергается смерти и умираетъ, для того, чтобы послѣ воскреснуть и ожить? Поражается прежде и разрушается для того, чтобы послѣ образовалось изъ него цѣлое и здоровое. И вообще ничто не въ силахъ исхитить изъ великой и державной руки Его для уничтоженія и гибели, ни огонь, ни смерть, ни тьма, ни хаосъ, ни тлѣніе. *Кто ны разлучитъ, говоритъ Апостоль, отъ любви Господа (Который толкуется: рука Отца и слово), скорби ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ; якоже есть писано: яко тебе ради умерщвляемы есмь весь день; вльнихомся яко овцы заколенія. Но во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбившаго ны (Рим. 8, 35—37).* И это вполне негинно, дабы исполнились, какъ сказалъ я, сіи слова: *Азъ убию и жизни сотворю, поразию и Азъ исцѣлю. И нѣтъ уже изметъ насъ отъ любви Божіей, яже о Христь для гибели.* По сему—то и *вльнихомся, якоже овцы заколенія*, дабы умерши для грѣха, мы стали жить для Бога. Но о семъ довольно; надобно еще разсмотрѣть то, что находится въ связи съ симъ.

Гл. 38 (31). „Все рожденное подвержено болѣзнямъ (такъ возражаетъ противникъ) и въ рожденіи и въ питаніи растеть, говоритъ, отъ привходящаго, и умалается отъ убывающаго. Напротивъ что не раждается, то здорово, потому что не подвергается болѣзни, ни въ чемъ не нуждается, и не имѣетъ желаній. А раждаю-

щееся желаетъ и сожитіа и пищи. Желать значитъ болѣть, а не нуждаться и не желать значитъ быть здоровымъ. Раждающееся болитъ, потому что желаетъ, а не раждающееся не болитъ. Болящее страдаетъ или отъ избытія или отъ недостатка веществъ привходящихъ и убывающихъ. Страждущее же и погибаетъ и уничтожается, потому что раждается. А человекъ раждается, слѣдовательно человекъ не можетъ быть безстрастнымъ и безсмертнымъ“. Но на этомъ самомъ и падаетъ умозаключеніе. Ибо если все происходящее, или раждающееся погибаетъ (ничто не мѣшаетъ сказать такъ, потому что и первоначальные не рождены, а произведены), а между тѣмъ и Ангелы и души произведены (*творяй Ангелы своя души* (Пс. 103, 4); то по мнѣнію ихъ гибнуть и Ангелы и души. Но ни Ангелы, ни души не погибаютъ, ибо они безсмертны и не разрушима, по волѣ Создателя. По сему безсмертенъ и человекъ. Но не пригодно и то, если сказать, что до основанія погибнетъ вселенная, и не будетъ ни земли, ни воздуха, ни неба. Хотя для очищенія и обновленія весь міръ, объятый ишедшимъ огнемъ, загорится, онъ не придетъ однакоже въ совершенную гибель и разрушеніе. Ибо если міру лучше не быть, нежели быть, то почему Богъ сотворившій міръ, избралъ худшее? Но Богъ ничего напрасно не творитъ. По сему Богъ устроилъ, чтобы тварь существовала и

продолжала бытіе. какъ утверждаетъ сіе и премудрость: *созда бо во еже быти всьмъ Богъ, и спасительны бытія міра, ни бо есть въ нихъ врачеванія губительнаго* (Прем. 1. 14). И Павелъ ясно свидѣтельствуєтъ, говоря: *чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаєтъ. Суеть бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на уюваніи: яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 19—21). Суеть бо, (говоритъ) тварь повинуся, но ожидаєтъ, что тварь свободится отъ такого рабства, желая такъ называть настоящей міръ.—Ибо работаетъ тлѣнію не невидимое. но это видимое. По сему тварь продолжаетъ бытіе. будучи обновлена въ лучшемъ и благолѣпнѣйшемъ видѣ, веселясь и радуясь о воскресеніи съ чадами Божіими, за которыхъ *воздыхаетъ и собольтзуетъ нынѣ* (ст. 22), чая и сама избавленія нашего отъ тлѣнія тѣла, дабы, когда мы востанемъ. и стряхнемъ съ себя мертвенность плоти, какъ написано: *и стряси прахъ, и востани. сяди Иерусалиме* (Ис. 52. 2), и когда избавимся отъ грѣха, избавится и ей отъ тлѣнія и работать уже не суеть, а правдѣ. *Въмы бо, говоритъ. яко вся тварь совоздыхаетъ и собольтзуетъ даже до нынѣ. Не точію же, но и сами начатокъ духа и муща, и сами въ себѣ воздыхаємъ, всиновленія чающе, избавленія тѣлу нашему* (Рим. 8, 22—23). И Исаія говоритъ: *якоже бо небо ново, и земля нова, яже Азъ*

творю, пребываютъ предо Мною. многолетъ Господь: тако станетъ сѣмя ваше и члѣя ваше (Ис. 66. 22). И еще: тако многолетъ Господь сотворивый небо, сей Богъ устроиши землю, и сотворивый ю, той раздѣли ю. Не вотще сотвори ю, но на вселеніе (45, 18). По истиннѣ не вотще и не напрасно, не для погибели, создалъ Богъ вселенную, какъ думаютъ суетумудрые, но для того, чтобы она существовала. была обитаема и продолжала бытіе. Посему и земля и небо необходимо опять будутъ существовать послѣ сожженія и воспламененія всего. Почему же это необходимо, слово о томъ было бы длиннѣе сказаннаго. Ибо вселенная, разрушившись, преобразится не въ безформенное вещество и не въ такое состояніе, въ какомъ была прежде устроенія, и не подвергнется совершенному уничтоженію и тлѣнію.

Гл. 39 (32). Но если вселенная не уничтожится, скажутъ противники, то почему же Господь сказалъ, что *небо и земля мимо идутъ* (Мат. 24. 35). И пророкъ: *погибнетъ небо, яко дымъ и земля, яко риза, обещаетъ* (Ис. 51. 6)? Это потому, скажемъ мы, что писаніямъ обычно перемѣну міра изъ сего состоянія въ лучшее и славнѣйшее называть уничтоженіемъ. такъ какъ прежняя форма съ измѣненіемъ всего въ лучшій видъ пропадаетъ; въ Божественныхъ словахъ нѣтъ никакого противорѣчія и несообразности. *Преходитъ бо образъ міра сего*

(1 Кор. 7, 31), а не міръ сказано въ писаніи. Такимъ образомъ обычно писаніямъ называть уничтоженіемъ обращеніе прежней формы въ лучшей и благообразнѣйшій видъ, подобно тому какъ если бы кто назвалъ уничтоженіемъ измѣненіе въ младенцѣ вида въ мужа совершеннаго, когда возрастъ младенца измѣняется относительно величины и красоты. *Егда быхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовашъ, яко младенецъ смысляхъ: егда же быхъ мужъ, отвергохъ младенческая* (1 Кор. 13. 11). Посему надобно ожидать, что тварь будетъ страдать, какъ бы обреченная на смерть во время горѣнія, но для того, чтобы быть возсозданой, а не погибнуть, дабы мы обновленные жили въ обновленномъ мірѣ, не испытывая печали, по реченному въ сто третьемъ псалмѣ: *последи Духа твоего, и созиждутся и обновится лице земли* (ст. 30), когда Богъ снова даруетъ благораствореніе окружающему воздуху. Когда земля будетъ существовать и послѣ вѣка сего, то по всей необходимости будутъ и обитатели, которые не будутъ умирать, ни жениться, ни родиться, но, подобно Ангеламъ, не измѣнно въ нетлѣніи будутъ наслаждаться блаженствомъ. Посему безрасудно говорить какую жизнь въ то время будутъ проводить тѣла, когда не будетъ ни воздуха ни земли, и ничего другаго.

Гл. 40 (33). Кромѣ сказаннаго, достойно. Аглаофонъ, разсмотрѣнія и то, въ какое великое

заблужденіе можно впасть, давая себѣ свободу разсуждать о такихъ предметахъ. Ибо сказавъ, что Господь, когда искушали Его Саддукеи, объяснилъ, что имѣющіе *уचितи воскресеніе* будутъ въ то время *яко Ангели* (Лук. 20, 35. Марк. 12, 25), ты присовокупилъ: „но Ангелы, какъ безплотные, поэтому и пребываютъ на высотѣ блаженства и славы, слѣдовательно и намъ, имѣющимъ сравняться съ Ангелами, необходимо нужно, подобно имъ, быть обнаженными отъ тѣлъ“. Не примѣтилъ, любезнѣйшій, что создавшій и устроившій вселенную изъ ничего, естество безсмертныхъ удѣлилъ не однимъ Ангеламъ и Служебнымъ духамъ, но и Началамъ, Престоламъ и Властямъ. Ибо иной родъ Ангеловъ, иной Властей, потому что не одинъ чинъ, не одинъ сонмъ, поколѣніе и племя безсмертныхъ, но существуютъ роды, поколѣнія и различія. Ни Херувимы, выступая изъ своего естества, не премѣняются во образъ Ангеловъ, равно какъ ни Ангелы—во образъ другихъ. Ибо они должны быть гѣмъ, что есть, и какими произошли. Да и человѣкъ, поставленный жить въ мірѣ, и владычествовать надъ всѣмъ, что есть въ немъ, по первоначальному распоряженію будучи безсмертенъ, никогда изъ человѣческаго состоянія не измѣнится ни во образъ Ангеловъ, ни другихъ существъ, потому что и Ангелы не выходятъ изъ первоначальнаго вида и не измѣняются во образъ другихъ существъ. И Хрис-

гось пришелъ проповѣдать не превращеніе или премѣненіе человѣческаго естества въ иной образъ, но возвращеніе въ то состояніе, въ какомъ человѣкъ былъ сначала до паденія, когда былъ безсмертенъ. Посему каждому изъ сотворенныхъ существъ должно оставаться въ усвоенномъ ему образѣ положенія, дабы все было наполнено свѣтъ, небеса—Ангелами, престолы—властями, свѣты—служебными духами, Божественныя мѣста, чистые и ясные свѣты — Серафимами, предстоящими великому Совѣту, правящему вселенною, а міръ—людьми. Если же допустимъ, что люди измѣняются въ Ангеловъ, то вмѣстѣ должны допустить, что и Ангелы премѣняются во Власти, а Власти еще въ иной и иной видъ, доколѣ слово, коснувшись высшихъ, не запутается въ опасности.

Гл. 41 (34). И этого нельзя допустить, будто Богъ, создавъ человѣка худымъ, или ошибшись въ немъ при устроеніи, вздумалъ сдѣлать его въ послѣдствіи Ангеломъ, раскаявшись, подобно самымъ плохимъ художникамъ. Или будто сначала хотѣлъ сотворить ангела, но не имѣя силъ для сего, создалъ человѣка. Это слабо. Почему же сотворилъ человѣка, а не ангела, если хотѣлъ, чтобы человѣкъ былъ ангеломъ, а не человекомъ? Потому ли что не могъ? Это хульно. Или отложилъ лучшее до будущаго и сдѣлалъ худшее? Это нелѣпо. Онъ не ошибается въ твореніи прекраснаго, не откладываетъ, не чув-

ствуешь безсилія. но какъ хочешь. и когда хочешь. имѣешь возможность сдѣлать. такъ какъ Онъ есть сила. Почему желая. чтобы человѣкъ былъ, въ началѣ сотворилъ человѣка. Если же чего желаетъ, то желаетъ прекраснаго. а прекрасное человѣкъ, человѣкомъ же называется существо, составленное изъ души и тѣла: слѣдовательно человѣкъ будетъ не безъ тѣла. но съ тѣломъ, дабы кромѣ человѣка не появился другой человѣкъ. Ибо Богу должно сохранять всѣ безсмертные роды: безсмертенъ же и человѣкъ. *Яко Богъ.* говоритъ премудрость. *созда чловька въ истиннѣ, и во образъ присносущія своего сотвори его* (Прем. 2. 23). Слѣдовательно тѣло не уничтожится. потому что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла.

Гл. 42 (35). Посему примѣть, какъ Господь сему самому хочетъ научить. когда Саддукеи не вѣровали въ воскресеніе плоти. Таково было ученіе Саддукеевъ. Для сего подготовивши притчу о женѣ и семи братьяхъ, дабы отвергнуть ученіе о воскресеніи тѣла. приступили къ Нему. какъ показалъ самъ Евангелистъ, говоря: *приступили къ Нему и Саддукее, иже глаголютъ не быти воскресенію* (Маѳ. 22. 23). Если бы не было воскресенія плоти. но сохранилась бы одна душа, то Христосъ согласился бы съ ними. какъ съ прекрасно и правильно мыслящими. Но теперь онъ отвѣтствуетъ. говоря: *въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но яко Ангели Божіи*

ми небеси суть (ст. 30); не то, что люди не будутъ тогда имѣть тѣла, но не женятся и не вступаютъ въ замужество, а пребываютъ въ нестѣннѣи. И говорить, что въ этомъ подобны мы Ангеламъ, дабы какъ Ангелы на небѣ, такъ и мы въ раю занимались уже не браками и пиршествами, но созерцаніемъ Бога и устроеніемъ своей жизни, подъ управленіемъ Христа. Не сказать: будутъ Ангели, но *яко Ангели*, какъ увѣнчанные, по написанному, *славою и честію, умаленные малымъ чинѣмъ отъ Ангелъ* (Пе. 8, 6) и близкіе къ тому, что бы быть Ангелами. Какъ если бы кто, при благораствореніи въ воздухѣ и тишинѣ, во время ночи, когда все украшено яснымъ свѣтомъ луны, сказалъ: луна свѣтитъ, какъ солнце. И мы бы конечно не стали говорить, будто онъ свидѣтельствуешь, что луна есть солнце, но только какъ солнце. Равнымъ образомъ и о томъ, что не золото, а близко къ золоту, обыкновенно говорится, что оно какъ золото, а не самое золото. Если бы было золото, не стали бы говорить: какъ золото, но золото. Поелику же не есть золото, но близко къ золоту, и представляется золотомъ, то и говорится: не золото, но какъ золото. Такъ когда Господь говорить, что святые въ воскресеніе будутъ, какъ Ангелы, то мы понимаемъ это не такъ, будто Онъ обѣщаетъ, что святые въ воскресеніе будутъ Ангелами, но близкими къ тому, чтобы быть Ангелами. По-

этому весьма безрасудно говорить, что послѣку Христосъ возвѣстилъ, что святые въ воскресеніе явятся, какъ ангелы, потому сѣи тѣла не востанутъ. Самое выраженіе ясно показываетъ такое значеніе событія. Ибо слово: *восстаніе* употребляется не о томъ, что не упало, а о томъ, что упало и встанетъ. Равнымъ образомъ когда и пророкъ говоритъ: *и возставлю скинью Давидову падшую* (Амосъ 9, 11). Пала же подвергшаяся измѣненію скинѣя души, испустившись въ *землю перстную* (Дан. 12, 2). Ибо опускается внизъ не то, что не умираетъ, а что умираетъ. Умираетъ же плоть, ибо душа безсмертна. И такъ если душа безсмертна, а тѣло умираетъ: то тѣ, которые говорятъ, что есть воскресеніе, только не тѣла, отвергаютъ бытіе воскресенія; потому что не стоящее, но падшее и лежащее востанетъ, какъ написано: *еда падаѣи не востаетъ? или отвращаѣи не обратится* (Іерем. 8, 4)?

Гл. 43 (36). А что душа безсмертна, ясно научилъ Господь, говоря и Самъ, и чрезъ Соломона. Самъ—въ исторіи о богатомъ, и о нищемъ Лазарѣ, этому послѣднему, по отложеніи тѣла, давъ упокоиться въ нѣдрахъ Авраама, а того осудивъ на мученія; и съ ними ввелъ въ бесѣду Авраама. Чрезъ Соломона же—въ книгѣ, надписываемой: „*премудрость*“, въ которой написано: *праведныхъ души въ руку Божіей, и не прикоснется ихъ мука. Непщевани быша во очію безумныхъ умрети, и вльнися озлобленіе*

исходъ ихъ, и еже отъ насъ шествіе сокрушеніе: они же суть въ миръ, и упованіе ихъ безсмертія исполнено (Пр. 3, 1—4). И такъ воскресеніе принадлежитъ тѣлу, а не душѣ; ибо не стоящаго поднимають, но лежащаго, равно какъ и лѣчатъ не здороваго, а больнаго.

Если же кто усиливается утверждать, что будетъ воскресеніе души, а не тѣла, это великая глупость и безуміе. Ибо прежде должно доказать тлѣніе и разрушеніе души, чтобы доказать и ея воскресеніе, дабы показать себя не пустословящимъ, но основательно говорящимъ. Впрочемъ уступимъ ему, пусть онъ признаетъ душу смертною. Тогда одно изъ двухъ должно положить: или что Господь возвѣстилъ истину, когда училъ, что душа безсмертна, и слѣдовательно не справедливо говорить, что она подлежитъ тлѣнію: или—что она подвержена тлѣнію и что Христосъ и въ рѣчи о богатомъ и нищемъ, и въ явленіи Моисея и Іліи, ложно училъ, что она не гибнуща и безсмертна. Но Господь ничего не говорилъ несправедливаго и не лгалъ. Ибо не какъ призракъ и привидѣніе, изъ желанія обмануть Апостоловъ, показавъ имъ на горѣ Моисея и Ілію, но то, что они были на самомъ дѣлѣ. Изъ этого такъ сказать, и самый не образованный пойметъ, что Онъ симъ подтвердилъ безсмертіе и негиблемость души.

Гл. 44 (37). И такъ воскресеніе принадле-

жить тѣлу, а не душѣ. дабы падшая въ тлѣніе скинія Давидова востала; и будучи возставлена и вознаграждена, пребывала неврежденною и неразрушимою. *яко же дніе вѣка* (Амос. 9, 11), потому что Богу свойственно не каменный домъ Давиду построить на будущее время. дабы въ царствѣ небесномъ онъ имѣлъ прекрасное жилище, но возставить обиталище души—плоть, которую Онъ создалъ своими руками. Такъ ты долженъ разсудить о семъ мудрѣйшій Аглафонъ! И это всего легче ты поймешь, если обратишь вниманіе на образъ сна и пробужденія. Ибо если за бодрствованіемъ слѣдуетъ сонъ, а за сномъ—пробужденіе: то въ этомъ заключается ученіе о смерти и воскресеніи; такъ какъ „сонъ и смерть близнецы“. *) то оживотвореніе изъ мертвыхъ, что бы плотъ ожила, также необходимо какъ востаніе отъ сна. Ибо какъ за сномъ слѣдуетъ бодрствованіе, и спящій конечно не остается на всегда въ одномъ и томъ же сонномъ состояніи, но опять встаетъ: такъ и за смертію послѣдуетъ жизнь, и умершій конечно не остается послѣ смерти въ томъ же состояніи. Такъ, если послѣ сна бываетъ бодрствованіе, послѣ паденія—возстаніе, послѣ разрушенія—возсозданіе: то какъ можно не ожидать, что падшее востанетъ и умершее оживетъ? И мы не обольщаясь исповѣдуемъ, что умершія тѣла снова оживутъ. Объ этомъ, если хочешь, заклю-

) Слова сіи взяты изъ Псалма 16, 672.

чай не только отъ сна и востанія, но и отъ сѣмянъ и растений, такъ какъ всеми ими возвѣщается воскресеніе. Посмотри на сѣмена, какъ онѣ голыя и тощія бросаются въ землю, а оттуда появляются съ зрѣлыми плодами. Если бы сѣмена умирали и согнивали, и изъ сѣмянъ не происходило новой жизни и растенія: тогда что другое вышло бы, какъ не то, что все было бы истреблено смертію?

Гл. 45 (38). Но болѣе говорить объ этомъ теперь, державный Теофилъ и прочіе суди словъ нашихъ, мы не станемъ, а рассмотримъ, что слѣдуетъ за симъ по порядку, такъ какъ разсужденіе отошло далеко отъ надлежащаго. Ибо по натянутому и несообразному истолкованію противникамъ пророчества въ 65 псалмѣ, Богъ, будто бы въ наказаніе за грѣхи, заключаетъ душу въ тѣло, какъ въ узы. Это скорѣе нелѣпость, чѣмъ справедливое мнѣніе. Ибо если ранѣ преступленія, какъ мы прежде изложили, души получили тѣло: то какимъ образомъ послѣ преступленія заключаются въ тѣло, какъ въ узы, когда нѣтъ времени, въ которое бы онѣ прежде полученія тѣла согрѣшили? Тотъ не умень, кто говоритъ, то—будто бы души по причинѣ тѣла согрѣшили, то—будто бы послѣ того какъ со-согрѣшили, въ осужденіе за это стало тѣло темницею и узами. Если души согрѣшили по причинѣ тѣла, значитъ тѣло соединено было съ ними сначала, еще прежде грѣха. Ибо какъ

онѣ согрѣшили бы по причинѣ того, что еще не существовало? И еще: если тѣло человѣка принимать за узы, оковы и темницу; то не оба вмѣстѣ виновны во грѣхѣ, но одна душа. Ибо что бываетъ послѣ грѣха съ согрѣшившимъ? Ему готовятъ темницу, узы и оковы. Но мы признали, что тѣло не можетъ быть названо узами души; потому что тѣло содѣйствуетъ ей въ томъ и другомъ, т. е. въ праведности и въ неправедности, а узы удерживаютъ отъ неправды. Поэтому, какъ я говорю, надобно допустить одно изъ двухъ: или мы отъ начала согрѣшили вмѣстѣ съ тѣломъ, и непредставляется времени, въ которое бы мы были безъ тѣла и слѣдовательно тѣло вмѣстѣ съ душою есть вина и добрыхъ и худыхъ дѣлъ; или мы согрѣшили, когда жили безъ тѣла, а посему тѣло совершенно не виновно во злѣ. Но душа безъ тѣла не побѣждается неразумнымъ сластолюбіемъ, а между тѣмъ первозданнѣе побѣждены, бывъ уловлены неразумнымъ сластолюбіемъ; слѣдовательно душа была соединена съ тѣломъ еще до грѣха.

Гл. 46. Мнѣ кажется, я уже вполнѣ и со всякою убѣдительностію доказалъ, что нельзя думать, будто тѣло стало узами въ наказаніе за преступленіе, дабы душа, облекшись въ мертвенность, неслла, по ихъ мнѣнію, не престающее и постоянное наказаніе. Посему не состоятельно и не возможно то положеніе, будто тѣло есть

сѣть и узы, и будто Богъ заключилъ души въ эту сѣть въ наказаніе, свергнувъ ихъ съ третьяго неба, за то, что онѣ нарушили заповѣдь. Ибо на какомъ основаніи можно повѣрить такимъ опрометчивымъ словамъ ихъ? И въ псалмѣ этого нѣтъ, хотя они натянуто изъясняютъ оный. Но я представлю самыя слова, тамъ находящіяся, дабы обнаружилась лживость толкованія ихъ, когда они не хотятъ правильно понимать писанія. Слова сіи именно слѣдующія: *искусилъ ны еси Боже, разжегъ ны еси, якоже разжигается серебро. Ввелъ ны еси въ сѣть: положилъ еси скорби предъ лицомъ нашимъ. Возвелъ еси чловѣки на главы наша: проидохомъ сквозь огонь и воду и извелъ еси ны въ покой* (Пс. 65, 10—12), и тотчасъ они присовокупляютъ: это сказано о душахъ низверженныхъ съ третьяго неба, гдѣ рай, въ это тѣло, какъ въ сѣть, какъ бы для подвига. Ибо говорятъ, слова: „*проидохомъ сквозь огонь и воду*“ означаютъ: или вшествіе души въ міръ чрезъ утробу матернюю, такъ какъ она пребываетъ тамъ какъ бы въ пламени и влагѣ; или — ниспаденіе съ небесъ въ эту жизнь, совершаемое чрезъ источники огненные и воды, находящіяся надъ пространствами тверди. Противъ нихъ то я почелъ нужнымъ выступить. Ты, Аглафонъ, самъ дай за нихъ отвѣтъ, чтò они будутъ говорить.

Гл. 47. Во первыхъ рай, откуда мы изгнаны въ лицѣ первозданнаго, очевидно есть прекрасное

мѣсто на сей землѣ, конечно назначенное святымъ для безпечальнаго успокоенія и жизни; откуда истекая Тигръ и Евфратъ и другія рѣки здѣсь показываются, чтобы своимъ теченіемъ орошать нашъ материкъ; не съ неба онѣ текутъ и низвергаются, потому что и земля не въ состояніи была бы принять такую массу воды, заразь устремляющейся съ высоты. Да и Апостоль полагаетъ рай не на третьемъ небѣ, если кто умѣетъ понять тонкій смыслъ словъ его: *въмѣ, говоритъ, восхищена бывша до третіяго небесе; и въмѣ такова чловька: аще въ тьмѣ, или кромѣ тьла,—Богъ вѣсть, яко восхищенъ бысть въ рай* (2 Кор. 12. 2—4). Онъ показываетъ, что видѣлъ два откровенія, очевидно дважды бывъ восхищенъ: однажды—до третіяго неба, въ другой разъ—въ рай. Ибо слова: „*въмѣ восхищена бывша таковаго до третіяго небесе*“ указываютъ собственно на откровеніе, бывшее ему во время восхищенія на третье небо; а слѣдующія за ними слова: „*и въмѣ такова чловька аще въ тьмѣ, или кромѣ тьла,—(яко восхищенъ бысть) въ рай*“ указываютъ на другое откровеніе, бывшее ему въ раю. И такъ говорить, что души низвергаются съ неба, и стремясь въ нашъ мѣръ, проходятъ черезъ огненные источники и воды надъ пространствами тверди, есть пустословіе и напыщенная рѣчь. Поелику и Адамъ не съ неба былъ низверженъ, но изъ рая, насажденнаго въ адемъ на востокъ; и па-

деніе—не прежде облеченія въ тѣло, какъ мы достаточно показали; также и это тѣло не есть сѣть, но паденіе произошло по соединеніи души съ тѣломъ, потому что человѣкъ состоитъ изъ того и другаго, и изгнаніе изъ рая случилось здѣсь же. Но имъ. Аглафонъ, не обращено тщательнаго вниманія на сіе слово, но пустился онъ въ разсужденіе о такихъ предметахъ, которые не имѣютъ безопаснаго умозаключенія, и сталъ изъяснять псаломъ согласно съ мнѣніемъ людей не благонамѣренныхъ, о чемъ говорить больше не станемъ.

Гл. 48. Такъ какъ мы однажды рѣшились исправить ихъ невѣжество, то я хочу раскрыть имъ смыслъ и сего пророчества: *Искусилъ ны еси Боже, разжеилъ ны еси, яко же разжеи-зается сребро.* Такъ мученики продолжительно искушенные ударами мученій во время пытокъ (ибо многое въ пророчествахъ относится къ намъ и исполняются онѣ по вѣрѣ), славно и мужественно подвизавшись, словами: „*Искусилъ ны еси*“ благо царятъ Бога за то, что Онъ, для пріобрѣтенія у Него бѣльшей славы, испыталъ ихъ многими скорбями, предложивъ имъ одержать побѣду на иегинномъ олимпійскомъ состязаніи. И посмотрите, какъ согласно съ сими словами и ясно говорить о мученіяхъ и Соломонъ, (ибо наше слово не лишено свидѣтельства и изъ другихъ писаній): *яко Богъ искуси ихъ и обръте ихъ достойны себя. Яко злато въ горниль ис-*

куси ихъ, и яко всеплодіе благоуханія пріятъ я и во время посльщенія ихъ и проч. (Прем. 3, 5—6): а выше сказахъ: ибо предъ лицемъ чловческимъ аще и луку пріимутъ, упованіе ихъ безсмертія исполнено: и в малъ наказани бывше, велики ни благодѣтельствовани будутъ (ст. 4—5). Да и въ 123-мъ псалмѣ говорится: яко аще не Господь бы былъ въ насъ, внемда востати чловчкѣмъ на ны, убо живыхъ пожерли быша насъ, убо вода потопила бы насъ. Потокъ прейде душа наша, убо прейде душа наша воду непостоянную. Благословенъ Господь, иже не даде насъ въ ловитву зубомъ ихъ. Душа наша яко птица избавися отъ стги ловащихъ: стг сокрушися и мы избавлени быхомъ (Пс. 123, 2—8). Сей псаломъ поюгъ мученики. Такъ два лика добродѣдныхъ мучениковъ,—одинъ Новаго, другой Ветхаго завѣта попеременно возсылаютъ—Богу-Заступнику и царю всеческихъ стройную пѣснь сію: *искусилъ ны еси Боже, разжеилъ ны еси, якоже разжеизается сребро. Ввелъ ны еси въ стг, положили еси скорби на хребть нашемъ*: здѣсь разумѣется судилище язычниковъ. или пытки, во время которыхъ истерзанные и опаленные огнемъ, сильно искушены были. *Искуси мя Господи, говоритъ, и испытай мя; разжези утробы моя и сердце мое* (Пс. 25, 2). Пусть и Авраамъ, разжегшійся утробю о единокровномъ и предпочтнѣйшему повелѣнію Божіе, послѣ того какъ услышалъ гласъ:

Аврааме! пощади сына своего и брось мечъ, говорятъ сіи слова: *искусилъ ны еси Боже, разжегъ ны еси, якоже разжизается серебро*. Пусть и Іовъ, послѣ того какъ истекъ гноемъ, поносимъ былъ друзьями и болѣлъ тѣломъ, пусть и онъ, услышавъ Бога, глаголавшаго ему въ вихрѣ: *мниши ли ты инако тебѣ сотворша, развѣ да явившися правдивъ* (Іов. 40, 3), говоритъ: *положилъ еси скорби на хребтъ нашъ, да яко злато въ горнильъ искуси насъ*. Пусть и три отрока, орошаемые въ печи, дабы не были опалены огнемъ, говорятъ: *искусилъ ны еси Боже, разжегъ ны еси, якоже разжизается серебро. Пройдохомъ сквозь огонь и воду и извелъ еси ны въ покой...* Боже Вседержителю, вѣчный. Отче Христа! Даруй и мнѣ Меѳодію, когда я въ день твой безболѣзненно пройду чрезъ огонь и избѣгну стремленія водъ премѣнившихся въ огненное естество, даруй сказать: *пройдохъ сквозь огонь и воду и извелъ еси мя въ покой*. Ибо таково обѣтованіе твое любящимъ тебя: *аще преходиши сквозь воду, съ тобою есмь, и рьки не покрываютъ тебе: и аще сквозь огонь пройдеши, не сожжешися: пламень не опалитъ тебе* (Иса. 43, 2). Однако же довольно этого для изъясненія псалма.

Гл. 49. Теперь должно обратить вниманіе на то, когда они, подобно соннымъ, увлеченные многообразными обольщеніями, указываютъ на слова Апостола: *азъ же живяхъ кромль закона*

иногда (Рим. 7, 9),—и вопіють. будто Апостоль подѣ жизнью прежде заповѣди разумѣль нашу въ первозданномъ жизнью прежде тѣла, какъ показываютъ послѣдующія слова: *азѣ же плотяныи есмь, проданъ подѣ грѣхѣ* (ст. 14); потому что человекъ не могъ сдѣлаться подвластнымъ и подчиниться злу, бывъ проданъ ему за преступленіе, если бы не содѣлался плотянымъ; такъ какъ, по ихъ словамъ, душа сама по себѣ не доступна грѣху. поэтому Апостоль съ намѣреніемъ присовокупилъ: *азѣ же плотяныи есмь, проданъ подѣ грѣхѣ*, сказавши прежде: *азѣ живяхъ кромѣ закона иногда*. Отъ такихъ словъ ихъ многіе въ тогдашнее время приходили въ удивленіе и изумленіе, а теперь, когда истина уже яснѣе обнаружилась, они оказываются не только далеко заблуждающимися,—но и дошедшими до крайняго богохульства. допустивъ, что души прежде заповѣди жили безъ тѣла, и рассудивъ, что онѣ сами по себѣ совершенно не доступны грѣху, они опять опровергнули свое ученіе, или лучше самихъ себя. Ибо усволяютъ имъ тѣла въ послѣдствіи въ наказаніе, за то, что онѣ согрѣшили прежде тѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвели на нихъ укоризны, уподобляя тѣло узамъ и оковамъ и говоря другія безсмыслицы. А теперь, какъ сказано, все дѣло идетъ напротивъ. Ибо душа прежде грѣха должна существовать вмѣстѣ съ тѣломъ; потому что, если душа сама по себѣ не доступна грѣху, то она

никакимъ образомъ не согрѣшила бы прежде тѣла; а если согрѣшила, то уже сама по себѣ не недоступна грѣху, по скорѣе удобопреклонна и легко доступна; слѣдовательно и опять будетъ грѣшить, хотя бы и не получила этого тѣла, какъ грѣшила и прежде полученія онаго. Да и вообще для чего бы она получила тѣло въ послѣдствіи, послѣ совершенія грѣха? И какая была ей нужда въ тѣлѣ? Если для того, чтобы понести мученія и скорби, то почему же она вмѣстѣ съ тѣломъ роскошничаетъ и распутничаетъ? Какимъ образомъ также она является самовластною въ семь мірѣ? Ибо отъ насъ зависитъ вѣровать и не вѣровать; поэтому отъ насъ же зависитъ исправиться и согрѣшить, отъ насъ—дѣлать добро и дѣлать зло. Да и какъ еще можно ожидать того будущаго суда, на которомъ Богъ воздастъ каждому по дѣламъ и намѣреніямъ? Не признать-ли, что судъ уже есть и теперь, если родиться и войти въ тѣло для души значитъ быть осужденной и получить возмездіе; а умереть и разлучиться съ тѣломъ значитъ освободиться и придти въ покой. потому что, по вашему мнѣнію, она заключена въ тѣло въ осужденіе и въ наказаніе за то, что согрѣшила прежде тѣла? Но разсужденіе достаточно и съ избыткомъ доказало, что не возможно признать, будто тѣло есть мѣсто мученія и узы души.

Гл. 50. И такъ, доказавъ изъ самаго Писанія,

что первоначальные прежде преступленія состояли изъ души и тѣла, можно удовлетвориться и окончить здѣсь разсужденіе объ этомъ предметѣ. Теперь, дабы не выступать изъ порядка рѣчи, я разберу ихъ ученіе въ главныхъ основаніяхъ съ тѣмъ, чтобы возраженіями опровергнуть начала ихъ доказательствъ. Ибо вы уже сами можете видѣть, судіи, что сказанныя въ посланіи къ Римлянамъ слова: *азъ живяхъ кроликъ закона иногда* не могутъ, согласно съ ихъ мнѣніемъ, указывать на жизнь души прежде тѣла, какъ показываютъ послѣдующія за тѣмъ слова, хотя бы этотъ знаменитый врачъ, вырвавъ послѣдующее, усиливался передѣлать слова Апостола на пригодный ему смыслъ, поступивъ въ этомъ случаѣ не какъ врачъ, а какъ ребенокъ. Ибо вмѣсто того, чтобы соблюсти члены тѣлесные въ ихъ собственныхъ сочлененіяхъ и связяхъ, дабы весь естественный видъ тѣла былъ цѣль, онъ, не обративъ вниманія, изуродовалъ связь писанія, какъ Скиоѣ, который безпощадно рѣжетъ члены какого-нибудь врага для его истребленія. Пусть такъ. Какъ же, скажутъ, разумѣль сіи слова Апостоль, когда ты доказалъ, что онѣ имѣютъ не такой смыслъ? Я сказалъ бы, что онѣ закономъ почитаетъ заповѣдь. Ибо пусть будетъ прежде всего по вашему предположенію, что онѣ заповѣдь назвалъ закономъ, — однакожь при этомъ онѣ не высказалъ, что первоначальный прежде заповѣди жилъ безъ

тѣла, а только—безъ грѣха. Ибо не много протекло времени отъ сотворенія его до заповѣди, когда онъ жилъ безъ грѣха, не безъ тѣла, но съ тѣломъ. Скоро послѣ заповѣди они были изгнаны, очень краткое время проведши въ раю. А если кто, воспользовавшись слѣдующимъ изреченіемъ: *егда бо бѣхомъ во плоти, страсти грѣховныя, яже закономъ дѣйствоваху во удѣлахъ нашихъ* (Рим. 7, 5), думаетъ, будто Апостоль порицаетъ и обвиняетъ плоть, и если прибавить къ сему и то, что о томъ же сказано въ другомъ мѣстѣ, именно: *да оправданіе закона исполнится въ насъ; не по плоти ходящихъ, но по духу* или еще: *сущи бо по плоти, плотская мудрствуютъ, а иже по духу духовная, мудрованіе бо плотское смерть есть, а мудрованіе духовное животъ и миръ, зане мудрованіе плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покарятся, ниже бо можетъ. Вы же иныте во плоти, но въ дусѣ* (Рим. 8, 4. 5. 6. 7. 9); должно ли говорить такому человѣку: отрѣшился ли уже отъ жизни Апостоль и грѣ, къ которымъ онъ это писалъ, если онъ въ этомъ мѣстѣ порицалъ не жизнь по плоти, но плоть, или хотя еще былъ во плоти, но написалъ сіе, какъ бы не будучи во плоти? Не должно говорить такъ; ибо очевидно, что и самъ онъ былъ во плоти, и тѣ, къ которымъ онъ это писалъ. Если бы ни самъ онъ уже не былъ во плоти, ни тѣ, къ которымъ онъ пишетъ, какъ могъ бы онъ

сказать: *егда бо быхомъ во плоти, страсти
 рѣховныя, яже закономъ дѣйствоваху во удѣлѣхъ
 нашихъ?* И такъ онъ разсуждаетъ о жизни не-
 воздержной, а не о самой плоти. Ибо ему обычно
 живущаго такимъ образомъ человѣка называть
 плотскимъ, равно какъ душевнымъ человѣкомъ
 такого, который потерялъ надежду усмотрѣть
 истину и свѣтъ тайнства. Пускай же говорятъ,
 что душа совсѣмъ не можетъ спастись. Ибо
 написано: *душевенъ человекъ не пріемлетъ яже
 Духа Божія, юродство бо ему есть: духовныи
 же вся востязуетъ* (1 Кор 2, 15). На ряду
 съ душевнымъ представляется тамъ и духовный
 человѣкъ,—духовный въ числѣ спасаемыхъ, а
 душевный въ числѣ погибающихъ, и не потому,
 будто душа погибаетъ, а другое кромѣ души
 спасается; такъ и здѣсь, когда говорить, что
 плотскіе и еущіе во плоти погибаютъ и не
 могутъ угодить Богу, онъ старается истребить
 не плоть, но жизнь по плоти. Далѣе онъ гово-
 ритъ: *сущіи же во плоти Богу угодити не мо-
 гутъ*, и тотчасъ присовокупляетъ: *вы и есте во
 плоти, но въ душѣ, понеже Духъ Христовъ жи-
 ветъ въ васъ*; и нѣсколько далѣе: *поелику духъ
 воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ, живетъ
 въ васъ, воздвигій Христа изъ мертвыхъ ожи-
 вотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша живу-
 щихъ Духомъ Ею въ васъ. Тѣмъ же убо, братіе,
 должны есмы не плоти, еже по плоти жити.
 Аще бо по плоти живете, и маете умрети: аще*

ли дугою дѣянія плотская умерщвляется, живи будете (Рим. 8, 8. 9. 11. 12. 13). Должно обратить вниманіе на удостовѣреніе Апостола, что не тѣло умерщвляется, а стремленіе тѣла къ сладострастію.

Гл. 51. Если же на это опять возразятъ и скажутъ: по чему же сказано: *мудрованіе плотское вражда на Бога, закону бо Божію не покоряется, ниже бо можетъ* (Рим. 8, 7): то надобно сказать, что и здѣсь они погрѣшаютъ. Ибо Апостоль сказалъ, что не можетъ покараться закону Божію не самая плоть, но мудрованіе плоти, что совсѣмъ другое, нежели плоть. Такъ если бы кто либо сказалъ: примѣсь въ не хорошо очищеномъ серебрѣ не покоряется художнику, чтобы сдѣлать годный сосудъ, ибо не можетъ, потому что нужно прежде отдѣлить и очистить ее чрезъ огонь: то этимъ показалъ бы, что нельзя выработать въ полезный сосудъ не серебро, но находящуюся въ серебрѣ примѣсь мѣди и другое твердое вещество. Такъ и Апостоль, сказавъ о мудрованіи плоти, не сказалъ будто плоть не можетъ покараться закону Божію, но мудрованіе во плоти, разумѣя стремленіе ея къ невоздержанію. Въ другихъ мѣстахъ онъ называлъ это иногда ветхимъ квасомъ злобы и лукавства, повелѣвая намъ совершенно очищать себя отъ онаго (1 Кор. 5, 7), иногда—закономъ, противвоюющимъ закону ума и плѣняющимъ (Рим. 7, 23). Но если бы онъ гово—

риль о самой плоти, что она не можетъ покаряться закону Божию: тогда мы, будемъ ли распутствовать или грабить, или дѣлать другія какія нибудь подобнаго рода дѣла при посредствѣ тѣла, не могли бы заслужить осужденія отъ Праведнаго Судіи; потому что плоть не можетъ покаряться закону Божию. Ибо какъ можно было бы осуждать тѣло, когда оно живетъ сообразно съ присущею ему природою? Равнымъ образомъ тѣла нельзя было бы подчинить требованіямъ непорочности или добродѣтели, такъ какъ ему отъ природы свойственно не покаряться добру. Ибо если естество плоти таково, что она не можетъ покаряться закону Божию, а законъ Божій есть правда и цѣломудріе: тогда по необходимости совершенно нельзя было бы быть ни дѣвственникомъ, ни воздержникомъ. Если же дѣвствуютъ и воздерживаются: то воздерживаются очевидно потому, что покаряютъ тѣло; иначе не возможно воздержаться отъ грѣха. Если тѣло не можетъ покаряться закону Божию, то какимъ бы образомъ Іоаннъ подчинилъ свое тѣло чистотѣ, или Петръ—святости, или другіе—праведности? За чѣмъ же и Павелъ говоритъ: *да нецарствуетъ убо грѣхъ въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ, во еже послушати въ похотьхъ его: ниже представляйте уды ваша оружія неправды грѣху: но представляйте себе Богови яко отъ мертвыхъ живыхъ и уды ваша оружія правды Богови*

(Рим. 6, 12—13)? И еще: *якоже бо представите уди ваша рабы нечистоты и беззаконію въ беззаконіе: тако нынѣ представите уди ваша рабы правды во святыни* (ст. 19).

Гл. 52. И такъ Апостоль зналъ, что эта внѣшняя храмина можетъ быть исправлена и направлена къ добру, чтобъ умерщвлены были въ ней грѣхи. Иначе, какимъ образомъ человѣкъ и въ нашемъ положеніи можетъ поработиться правдѣ, если прежде не покорить члены своего тѣла такъ, чтобы они повиновались уже не грѣху, но правдѣ, и не будетъ вести жизнь, достойную Христа? Поелику согрѣшеніе и не согрѣшеніе происходитъ при посредствѣ тѣла, такъ какъ душа пользуется имъ, какъ орудіемъ, въ добродѣтели или въ пороки. И если *ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложницы, ни матіе, ни лихоимцы, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы царствія Божія* наслѣдить не могутъ (1 Кор. 6, 9. 10), а дѣла эти совершаются и усиливаются при посредствѣ тѣла,—и оправдаться не можетъ никто, если прежде не воздержится отъ нихъ; воздерживается же отъ нихъ тотъ, кто направленъ къ цѣломудрію и вѣрѣ: то отсюда слѣдуетъ, что тѣло покаряется закону Божію; потому что законъ Божій есть цѣломудріе. Посему-то Апостоль сказалъ, что не покаряется добру не плоть, но мудрованіе плотское, какъ бы истребляя самое ея стрем-

леніе къ невоздержанію равно какъ воспламененіе души къ неправдѣ. Вооружаясь даже и противъ невоздержанія чревобѣсія, онъ сказалъ, что нужно очищать себя, научая истреблять таковыя пожеланія и страстныя влеченія и пристыждая тѣхъ, которые думаютъ проводить жизнь въ такихъ удовольствіяхъ, которые признають чрево богомъ (Фил. 3, 10), *да ямы и ніемъ, утръ бо умремъ* (1 Кор, 15, 32), какъ ненасытныя животныя, заботящіяся только о дольной пищѣ и трапезахъ. Сказавши: *брашна чреву и чрево брашномъ*, онъ присовокупилъ: *Богъ же и сіе и сія упряднитъ: тьло же не блуженію, но Господеви и Господь тьлу. Богъ и Господа воздвиже, и насъ воздвижетъ силою своею. Или не вѣсте, яко тьлеса ваша удове Христовы суть? вземъ ли убо улы Христовы, сотворю улы блудничы? да не будетъ. Или не вѣсте, яко прильпляяся сквернодѣицъ, едино тьло есть. Будета бо, рече, оба въ плоть едину. Прильпляяся же Господеви, единъ духъ есть. Блжайте блудодѣянія: всякъ грѣхъ, его же аще сотворитъ человекъ, кроль тьла есть: а блудяй во свое тьло согрѣшаетъ. Или не вѣсте, яко тьлеса ваша храмъ живуцего въ васъ святого Духа суть, его же имате отъ Бога, и нѣсте свои; куплены бо есте цыною: прославите убо Бога въ тьлесехъ вашихъ* (1 Кор. 6, 13—20).

Гл. 53. Примѣть, что Апостолъ потому сказалъ эти слова, что тѣло сіе можетъ воспріять

законъ Божій и безсмертіе, если очистится отъ нечистыхъ разженій, совершенно не оскверняясь беззаконными возбужденіями страстей. Ибо что другое можетъ прилѣпляться къ сквернодѣйцу, сближаться и быть одною плотію съ нею чрезъ соединеніе и взаимное общеніе членовъ, какъ не это внѣшнее тѣло, которымъ совершаются всѣ эти прегрѣшенія, относящіяся къ совокупленію и разженію? Поелику *всякъ грѣхъ, елико же аще сотворитъ человекъ, кромѣ тѣла есть: а блудя въ свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. 6, 18). Ибо гордость, невѣріе, ярость, лицемѣріе суть грѣхи души: а блудъ, похоть, развратъ суть грѣхи тѣла; съ ними ни душа не можетъ воспарить къ истинѣ, ни тѣло подчиниться правиламъ цѣломудрія: но оба должны лишиться царства Божія. И такъ, если тѣла наши, содержимыя въ святости, суть *храмы живущаго въ насъ Духа* (1 Кор. 6, 19), если и Господь пребываетъ въ тѣлѣ, и члены тѣла суть члены Христовы: значить, тѣло покарается закону Божию и можетъ наследовать царствіе Божіе. *Ибо воздвигий Христа изъ мертвыхъ, говоритъ Апостоль, оживотворитъ и мертвенныя тѣла ваша живущимъ Духомъ Елико въ васъ* (Рим. 8, 11), *да смертное сіе облечется въ безсмертіе и тльное въ нетльнѣе и пожерта будетъ смерть побѣдою* (1 Кор. 15, 54). Не о другомъ тѣлѣ, какъ вы думаете, разсуждалъ здѣсь Апостоль, но объ этомъ умирающемъ и умерщвляе-

момъ. посредствомъ котораго можно и блудо-
дѣйствовать и распутствовать.

Гл. 54. Если же они предполагаютъ, что есть различіе между тѣломъ и плотію, и желаютъ, чтобъ и мы согласились на такое ихъ уместованіе, по которому они тѣломъ почитаютъ нѣчто другое, какъ бы собственное самой душѣ, не видимое, а плотію — это внѣшнее, видимое: то противъ сего должно сказать, что не только Павелъ и Пророки плоть сію обыкновенно называютъ тѣломъ, но даже и другіе философы, у которыхъ въ особенности наблюдается точность названій. Если они хотятъ научно изслѣдовать это, то вообще плотію называется собственно не вся эта масса нашей тѣлесной храмины, но нѣкоторая часть цѣлаго, какъ то: кости, нервы, жилы: а тѣломъ— всё, цѣлое. Поэтому врачи, которые тщательно изслѣдовали природу тѣла, называютъ тѣломъ это видимое. Да и самъ Платонъ это самое признаетъ тѣломъ. Такъ въ Федонѣ Сократъ говоритъ: „не ужели мы почитаемъ смертію что нибудь другое, а не отрѣшеніе души отъ тѣла? Умереть не то ли значить, что тѣло, отрѣшенное отъ души, существуетъ само по себѣ, а душа безъ тѣла сама по себѣ?“ *) И блаженный Моисей (мы опять обращаемся къ Господнимъ писаніямъ) не это ли тѣло разумѣеть, которое и мы называемъ, когда говоритъ: *и да измыетъ*

) Phaedon. 64, C.

ризы во время очищенія прикоснувшійся къ нечистому *и да омыется тѣло его водою, и нечистъ будетъ до вечера* (Дев. 14. 9. 11. 25)? Что же и *Ювъ*? Не это ли мертвенное тѣло обозначаетъ и онъ сими словами: *льсится же мое тѣло въ твои червей* (Юв. 7. 5)? Да и *Соломонъ* говоритъ: *въ злохудоужную душу не видетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси повинильнѣ грѣху* (Прем. 1. 4). И у *Даніила* говорится о мученикахъ: *не одолъ ошь тѣлеси ихъ, и власъ главы ихъ не опалился* (Дан. 3. 94). Также и *Господь* въ Евангеліи: *сею ради глаголю вамъ: не пецуйтеся, что ясте, или во что облечется. Не душа ли болши есть пици, и тѣло одежди* (Мат. 6, 25). И *Апостоль* словами: *да не царствутъ грѣхъ въ мертвеннѣмъ тѣлѣ вашемъ* (Рим. 6, 12). указываетъ на это тѣло, въ которое мы облечены: и еще: *аще ли же Духъ воскресившаго Іисуса живетъ въ васъ, воздвигій Христа изъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенныя тѣлеса ваша* (Рим. 8, 11); и опять: *аще речетъ нога, яко нѣсть рука, нѣсьмь отъ тѣла: еда сею ради нѣсть отъ тѣла* (1 Кор. 12, 15); и еще: *и не изнемогъ върою Авраамъ, ни усмотри своя плоти (бѣмѣ) уже умерщвленныя* (Рим. 4, 19); также: *всѣмъ бо явится намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла* (2 Кор. 5, 10); равно какъ: *посланиа тяжки и крѣпки, а пришествіе тѣла не мощно*

(2 Кор. 10, 10) еще: *вѣль челоуѣка о Христѣ прежде льтъ четырнадцати: аще въ тѣль, не вѣль, аще ли кроуль тѣла не вѣль* (2 Кор. 12, 2); и опять: *тако должны суть мужіе любити своя жены, яко своя тѣлеса* (Еф. 5, 28); еще: *Салѣ Богѣ мира да освятитѣ васѣ всесовершенныя: и всесовершенѣ вашѣ духѣ, и душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Иисуса Христа да сохранится* (1 Сол. 5, 23.). Но они нлчегю этого вѣрно не понявъ, подумали, что Апостоль находится въ волненіи и смущеніи, какъ будто мысли его не имѣють твердости и основательности въ словахъ, но вращаются туда и сюда и сами себѣ противорѣчатъ: то говоритъ онѣ, *плоть воскреснетъ*, то не воскреснетъ.

Гл. 55. Посему, дабы не опустить ничего изъ предложеннаго, я опять возвращусь къ предмету, чтобы совершенно изрубить гидру. Представивъ въ порядкѣ, какъ я обѣщалъ, и другія основанія ихъ недоумѣнія, и доказавъ, что должно сказать противъ оныхъ, я вслѣдъ за симъ покажу и то, что касательно вѣры въ воскресеніе плоти противникъ сказалъ согласно и тождественно съ нами. И такъ раземотримъ то, что прежде рѣшились мы сказать о словахъ Апостола. Слова его: *азѣ же живяхѣ безѣ закона иногда*, какъ мы показали сначала, означаютъ прежнюю жизнь нашу въ лицѣ прародителей, въ раю, прежде заповѣди, не безѣ тѣла,

но вмѣстѣ съ тѣломъ; поелику прежде нежели дана была заповѣдь, Богъ *персть вземь созда чловѣка* (Быт. 2, 7): и тогда мы жили безъ похоти, совершенно не зная прираженій неразумной похоти, которая увлекательными обольщеніями удовольствій понуждаетъ насъ къ невоздержанію. Ибо что не имѣеть опредѣленнаго закона, сообразно съ которымъ должно жить, ни самостоятельной власти разсудка, какой избрать образъ жизни, для того чтобы заслужить справедливую похвалу или порицаніе, — то, надобно сказать, свободно отъ всякаго обвиненія; потому что такой чловѣкъ не можетъ пожелать того, что не запрещено; а если пожелаетъ, не будетъ виноватъ. Ибо желаніе наклоняется не къ присущимъ и находящимся въ нашей власти предметамъ, но къ такимъ, которые, хотя присущи намъ, но не въ нашей власти находятся. Какъ же можетъ кто-либо желать и любить то, что ему не воспрещено и въ чемъ онъ не имѣеть нужды? Посему *похоти не вдахъ, аще не бы законъ глаголахъ: не похощеши* (Рим. 7, 7). Послѣ же того, какъ прародители услышали: *отъ древа, еже разумльи доброе и лукавое не съльсте отъ него: а въ онъ же аще день съльсте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 17), — тогда возымѣли страсть и похоть. Ибо похотствующій желаетъ не того, что имѣеть, надъ чѣмъ властвуетъ и чѣмъ пользуется, но того, что воспрещено ему, и отнято

и чего не имѣтъ; посему прекрасно сказано: *похоти не вѣдахъ, аще не бы законъ глаголаше: не похощеши*, то-есть, если бы не было сказано: *не съесте отъ него*. Отсюда грѣхъ получилъ мѣсто и поводъ къ происхожденію, дабы оболстать и увлечь меня.

Гл. 56. Послѣ того, какъ дана была заповѣдь, діаволь сталъ имѣть поводъ посредствомъ заповѣди произвести во мнѣ похоть, возбудивъ и склонивъ меня хитростью въпасть въ желаніе запрещеннаго. *Безъ закона бо грѣхъ мертвъ есть* (Рим. 7, 8), то-есть, доколѣ не дана была и еще не существовала заповѣдь, грѣхъ былъ не дѣйствующимъ, и я прежде заповѣди жилъ непорочно, такъ какъ не имѣлъ опредѣленнаго закона и повелѣнія, сообразно съ которымъ должно было жить, и которое если бы нарушилъ, то согрѣшилъ бы. *Пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе: азъ же умрохъ, и обрѣтеша ми заповѣдь, яже въ животѣ, сія въ смерть* (Рим. 7, 9—10), потому что послѣ того, какъ Богъ положилъ законъ и опредѣлилъ, что должно дѣлать и чего не дѣлать, діаволь произвелъ во мнѣ похоть. Такимъ образомъ это увѣщаніе Божіе и повелѣніе, данное мнѣ для жизни и безсмертія, для того, чтобы повинаясь оному и живя согласно съ нимъ, я имѣлъ радость и жизнь безпечальную и вѣчно блаженную, и всегда цвѣтущую безсмертнечъ, по нарушеніи мною онаго, обратилось мнѣ въ

смерть и осужденіе. Поелику діаволь, котораго теперь Апостоль назвалъ грѣхомъ, потому что онъ есть виновникъ и изобрѣтатель грѣха, чрезъ заповѣдь получилъ случай, обманомъ склонилъ меня къ преслушанію и, обольстивъ, умертвилъ, какъ подлежащаго приговору: *въ оиъ же аще день съесте отъ него, смертію умрете* (Быг. 2. 17).—*Тъмже убо законъ святъ и заповѣдь Божія свята, и праведна и блага* (Рим. 7, 12); потому что дана не во вредъ, а для спасенія: ибо мы совершенно не должны думать, чтобы Богъ дѣлалъ что-нибудь бесполезное, или вредное. И такъ ужели благо содѣлалось для меня смертію, то-есть законъ данный съ тѣмъ, чтобы быть для меня виною величайшаго блага? Да не будетъ. Потому что заповѣдь Божія дана не для того, чтобы поработить меня тлѣнію и наложить на меня печать смерти, виновницы погибели, но дабы обнаружился діаволь, посредствомъ добраго устроившій мнѣ зло, дабы онъ оказался и изобличень былъ, какъ грѣшникъ по преимуществу—изобрѣтатель и строитель грѣха, и дабы отлучень былъ отъ всего добраго, устроившій противное заповѣди Божіей. *Въмыбо яко законъ духовенъ есть*, почему никому и ни въ чемъ не можетъ быть причиною вреда; потому что духовное обитаетъ далеко отъ неразумной похоти и грѣха; *азъ же плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхъ* (Рим. 7, 14) то-есть я будучи плотянъ и поставлень

среди зла и добра, какъ самовластный, дабы могъ избирать, что хочу.--(ибо говорить: я положилъ *предъ лицемъ твоимъ жизнь и смерть* Втор. 30, 15)—когда уклонился къ преслушанію закона духовнаго, то-есть заповѣди, и послушался плотскаго, то-есть совѣта змія: то вельдствіе этого выбора падши во грѣхъ, я проданъ былъ діаволу. Отсюда зло, осадивъ меня, сидитъ на мнѣ и водворившись живетъ во плоти моеѣ, какъ трутень въ пчелиномъ сотѣ, часто летая и жужжа вокругъ него. Поелику за нарушеніе заповѣди наложено на меня наказаніе — быть проданнымъ злу: то я и *не разумлю, еже содѣваю*, помышляя о томъ, чего не желаю. Ибо слова: *еже содѣваю не разумлю, и еже ненавижду, то содѣловаю* (Рим. 7, 15), должно принимать не по отношенію къ совершенію и содѣланію зла, но только по отношенію къ помышленію, такъ какъ посторонніе помыслы часто прилетаютъ къ намъ и склоняютъ насъ къ тому, чего не желаемъ и душа помыслами увлекается ко многимъ предметамъ.

Гл. 57. Ибо совершенно не въ нашей волѣ находится имѣть, или не имѣть помысль о чемънибудь непригодномъ, но слѣдовать или не слѣдовать помысламъ зависитъ отъ насъ. Мы не можемъ воспретить, чтобы отвнѣ наносимые для нашего искушенія помыслы не входили въ насъ; но не повиноваться, или не слѣдовать

имъ можемъ. Иначе какимъ образомъ Апостоль зло, которое ему не нравилось, дѣлалъ гораздо болѣе, а добро менѣе,—если бы онъ не говорилъ здѣсь о постороннихъ помыслахъ, которые къ намъ приходятъ иногда противъ нашей воли и неизвѣстно по какой причинѣ? Впрочемъ сіи помыслы надобно уничтожать и обуздывать, дабы, расширяясь за предѣлы, они не овладѣли душою,—а при занятіи ими добро возникнуть въ насъ не можетъ. Посему справедливо сказалъ Апостоль: *еже бо содѣваю, не разумлю: не еже бо хочу, творю: но еже ненавижду, то содѣловаю.* Мы хотимъ, чтобы и не мыслить о ненадобающемъ и беззаконномъ, потому что совершенное добро состоитъ въ томъ, чтобы удерживаться не только отъ совершенія зла, но даже и отъ помышленія о немъ: но вотъ добро, котораго хотимъ, не дѣлается, а дѣлается зло, котораго не желаемъ. Ибо часто противъ нашей воли приходятъ намъ на сердце безчисленные помыслы о безчисленныхъ предметахъ, наполняющіе насъ заботою и неразумными хлопотами. Посему желать не помышлять о такихъ предметахъ состоитъ въ нашей волѣ, а сдѣлать такъ, чтобы уничтожить эти помыслы, такъ чтобы они опять не пришли намъ на умъ. нельзя, потому что, какъ я сказалъ, это не въ нашей власти, а въ нашей власти только слѣдовать имъ, или не слѣдовать. Посему смыслъ сего изреченія: *не еже хочу*

доброе, сіе творю слѣдующій: хочу даже и не помышлять о томъ, что вредитъ мнѣ, поелику то добро безукоризненно, которое какъ говорится, „сдѣлано безукоризненно и совершенно и по рукамъ и по уму“*); *но не еже хочу доброе, творю: но еже не хочу злое, сіе содѣваю*; не хочу мыслить, — и мыслю, о чемъ не хочу. И посмотрите, не поэтому ли самому и Давидъ, болѣзнуя о томъ, что помышляетъ о томъ, о чемъ самъ не хотѣлъ бы, просилъ Бога: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждыхъ пощадя раба твоего; аще не обладаютъ мною, тогда непороченъ буду и очищуся отъ грѣха велика* (Пс. 181, 13—14); и самъ Апостоль въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *помышленія низлагающе, и всяко возношеніе взимающеся на разумъ Божій и πληняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово.* (2 Кор. 10. 5).

Гл. 58. Если же кто, отваживаясь идти вопреки сихъ словъ, возразить, будто Апостоль учитъ, что не въ помышленіи только мы дѣлаемъ зло, которое ненавидимъ и котораго не желаемъ, но въ самомъ дѣйстви и совершеніи онаго, потому что Апостоль сказалъ: *не еже*

*) Это мѣсто взято Платономъ изъ Симонида и читается въ діалогѣ Протагоръ такъ: *ἄνθρωπος ἀγαθὸν μὲν ἀλαθῶς γενέσθαι χαλεπὸν, χερσὶ τε καὶ ποσὶ καὶ νόῳ τετραγώνον, ἀνευ πόδων τετυμένον* то-есть истинно трудно сдѣлаться человѣкомъ добрымъ, совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ (буквально: четырехугольнымъ по рукамъ ногамъ и уму) устроеннымъ безукоризненно.“ Protagor 339. 13.

хочу доброе, творю: но еже не хочу злое, сіе содѣваю: въ такомъ случаѣ, если говорящій это говоритъ правду, мы попросимъ его объяснить: что это за зло, которое Апостоль не навидѣлъ и не хотѣлъ дѣлать, однакоже дѣлалъ, и что это за добро, которое онъ хотѣлъ дѣлать, и однакожь не дѣлалъ: но напротивъ сколько разъ хотѣлъ сдѣлать добро, столько разъ дѣлалъ не добро, котораго хотѣлъ, но зло, котораго не хотѣлъ. То ли, что онъ, не желая служить идоламъ, а служить Богу, не могъ служить Богу, чего хотѣлъ, а могъ служить идоламъ, чего не хотѣлъ? Или то, что желая быть цѣломудреннымъ, сего не дѣлалъ, а напротивъ предвлялся невоздержанію, которымъ гнушался? И кратко сказать: пьянство, распутство, гнѣвъ, неправду и другія дѣла порочныя, которыхъ не хотѣлъ, дѣлалъ: а правды и святости, которыхъ желалъ, не дѣлалъ? Однакоже онъ самъ, усиленно побуждая всѣхъ въ церкви удаляться отъ беззаконій, и стараясь развить въ насъ праведность безъ примѣси грѣха, внушаетъ, что блюдутся для погибели и гнѣва не только тѣ, которые дѣлаютъ непотребныя дѣла и занимаются ими, но и тѣ, которые соизволяютъ имъ въ этомъ (Рим. 1. 32). Поелику всякій грѣхъ и намѣреніе достигаетъ исполненія посредствомъ плоти, то, ясно научая насъ отвращаться всего этого и ненавидѣть, онъ часто говоритъ въ посланіяхъ: *не льстите себе:*

ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложницы, ни тати, ни мхонцы, ни пїяницы, ни досадители, ни хищницы, царствїя Божїя не наследятъ (1 Кор. 6. 9—10). И, самое главное, убѣждая насъ всячески совершенно удаляться и отвращаться грѣха, говоритъ: *подражатели лишь бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. 11, 1.). Такимъ образомъ онъ сказалъ вышеприведенныя слова не въ томъ смыслѣ, будто онъ дѣлаетъ, чего не хотѣлъ, но въ томъ, что онъ только помышляетъ: иначе какъ бы онъ былъ строгимъ подражателемъ Христу? А теперь поелику животные помыслы часто нападаютъ на насъ, наполняя насъ то тѣми, то другими пожеланїями и неразумными позовами, „какъ мухъ неисчетныхъ рой густые“ *); то посему онъ сказалъ: *не еже хочу, сіе творю*. Сїи помыслы мы должны смѣло изгонять изъ души, никакъ не соглашаясь дѣлать то, что они внушаютъ. Ибо для того умъ нашъ и подвергается смущенію отъ многихъ помысловъ, чтобы мы, испытавъ всякія удовольствїя и скорби, наследовали царство небесное, если не перемѣнимся къ худшему, но напротивъ всячески искупенные, какъ чистое золото огнемъ, не отступимъ отъ своей добродѣтели. Поэтому мужественно должны мы противостать помысламъ, какъ храбрые воины, которые, узнавъ, что, осаждены врагами, ни-

*) Иліад 2, 469.

сколько не обращаютъ вниманія на стрѣлы и разныя ихъ копья, но бодро устремляются на нихъ для спасенія города и нимало не ослабѣваютъ въ своемъ усердіи, доколѣ, обративъ въ бѣгство ихъ полчище, не изгонятъ ихъ изъ своихъ предѣловъ. Видишь, какъ помыслы, по причинѣ живущаго въ насъ грѣха, отвнѣ встаютъ на насъ, подобно бѣшеннымъ псамъ, или свирѣпымъ и дерзкимъ разбойникамъ, которыхъ всегда направляетъ противъ насъ жестокой властитель и князь неправды, и которые испытываютъ насъ, имѣемъ ли мы силу противостать имъ и воспротивиться.

Гл. 59. И такъ смотри, душа, чтобы тебѣ, поддавшись ему, не быть увлеченною въ его власть; тогда мы не въ состояніи будемъ дать за тебя выкупа. Ибо *что дастъ человекъ измѣну за душу свою* (Матѣ. 16, 26)? Хорошо и отрадно было бы, еслибы мы не имѣли противодействующихъ намъ и сражающихся съ нами. Но такъ какъ это невозможно; и мы не можемъ достигнуть того, чего желаемъ (ибо мы желаемъ не имѣть увлекающихъ насъ въ страсти—тогда вѣдь безъ труда можно бы спастися; — но чего мы желаемъ, то не дѣлается, а бываетъ то, чего не желаемъ, потому что намъ нужно, какъ я сказалъ, испытаніе), поэтому не поддадимся, душа, не поддадимся лукавому, но *восприимите вся оружія Божія*, насъ защищающія и приготовляющія къ подвигу, облечемся

въ броня правды и объемъ познъ во уготованіе благовѣствованія мира: надѣ всѣми же воспріимемъ шитѣ въры, въ немже возможемъ вся стрѣлы лукаваго разжесныя урасити, и шлемъ спасенія воспріятъ, и мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій: яко возлоци стати противу кознемъ діавольскимъ (Еф. 6, 11—17); и низложитъ всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій (2 Кор. 10, 5). яко нѣсть наша брань въ крови и плоти (Еф. 6, 12). Это я говорю потому, что таковъ характеръ писаній Апостола. Ибо много можно сказать о каждомъ изреченіи въ этомъ посланіи, какъ правильно и строго оно выражено; но долго было бы такимъ образомъ разсматривать каждое изъ нихъ. Я имѣлъ теперь въ виду показать только характеръ и цѣль его рѣчи. Справедливо говоритъ онъ: *не еже бо хочу, сіе творю, но еже ненавижду, то содѣваю. Хвалю законъ Божій, яко добръ: нынѣ же не ктому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ. Въмѣ бо, яко не живетъ во мнѣ, сиречь, въ плоти моей. доброе* (Рим. 7, 15. 16. 17. 18). Впрочемъ вы помните, что мы выше поставили себѣ предѣлы, а если я, при всей поспѣшности, желая скоро все изъяснить, слишкомъ замедляю, и объемъ моей рѣчи сталъ больше, чѣмъ я ожидалъ: то надобно же постараться ее окончить: иначе мы никогда не достигнемъ конца въ предложенномъ разсужденіи.

Гл. 60. И такъ мы говорили, если вы помните, что съ того времени, какъ человекъ, прельстившись, нарушилъ заповѣдь грѣхъ, получившій начало отъ сего преслушанія, вселился въ него. Такимъ образомъ сперва произошло возмущеніе. — и мы исполнились пожеланіи и помысловъ чуждыхъ, лишившись Духа (*ἐμψυχήματος*) Божія и исполнившись плотской похоти, которую вложилъ въ насъ хитрѣйшій змій, когда мы въ короткое время вышли изъ круга повелѣнія Божія. Посему-то для истребленія грѣха Богъ изобрѣлъ для насъ смерть; иначе въ насъ безсмертныхъ онъ и самъ, какъ я сказалъ, былъ бы безсмертенъ. Такимъ образомъ словами: *вѣмъ яко не живетъ во мнѣ, сиречь во плоти моей, доброе*, Апостоль хочетъ показать, что вслѣдствіе преступленія, посредствомъ пожеланія, вселился въ насъ грѣхъ, отъ котораго, какъ молодые отпрыски и побѣги, всегда возникаютъ въ насъ любострастные помыслы. Ибо есть въ насъ два рода помысловъ: одни возникаютъ отъ вкравшейся въ тѣло похоти, которая, какъ я сказалъ, произошла отъ вліянія плотскаго духа (*τὸ ὑλικὸν πνεύματος*): другіе происходятъ отъ закона заповѣди, который получили мы, какъ врожденный и естественный законъ, возбуждающій насъ къ добру и исправляющій нашу мысль. Оттого, по уму мы соуслаждаемся закону Божію (это внутренній человекъ), а по живущей во плоти похоти соус-

лаждаемся закону діавола; — это тотъ законъ, который противувоюеть и противудѣйствуетъ закону Божию, то-есть стремленію ума къ добру, тотъ самый, который всегда производитъ въ насъ страстныя и плотскія влеченія къ беззаконію, совершенно увлекая къ сладострастію.

Гл. 61. Мнѣ кажется, что Павелъ очевидно предполагаетъ здѣсь три закона: изъ коихъ одинъ соотвѣтствуетъ врожденному въ насъ добру, который онъ ясно назвалъ *закономъ ума*; другой происходитъ отъ прираженія лукаваго и часто увлекаетъ душу въ страстныя представленія, который назвалъ онъ *противовоюющимъ закону ума*; третій, — который укоренился во плоти вслѣдствіе грѣха отъ похоти, и который назвалъ онъ *закономъ грѣховнымъ, живущимъ во удѣлахъ* (Рим. 7, 23). Утверждаясь на этомъ законѣ и имъ управляя, лукавый часто вооружается противъ насъ, понуждая насъ къ неправдѣ и злымъ дѣламъ. Отвнѣ внушаемый лукавымъ законъ и чрезъ чувства, подобно асфальтовой лавѣ, изливающейся внутрь въ самую душу, поддерживается закономъ, находящимся во плоти вслѣдствіе похоти. Кажется, что въ насъ самихъ есть одно начало лучшее, а другое — худшее. Когда лучшее по природѣ будетъ сильнѣе худшаго, тогда весь умъ устремляется къ добру: а когда худшее, усилившись, будетъ подавлять лучшее, что называется воевать про-

тивъ вложеннаго въ насъ добра, тогда, напротивъ, человекъ опять влечется къ разнаго рода мечтаніямъ и худымъ помысламъ.

Гл. 62. Посему-то Апостоль и желаетъ отъ сего избавиться, почитая это смертію и гибелью, какъ говоритъ и пророкъ: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя* (пс. 18, 13), Это выражаютъ и слѣдующія слова: *соуслаждаюся бо закону Божію по внутреннему чловѣку: вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ противувоюющъ закону ума моего и плняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ. Окаяненъ азъ чловѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 22—24): не тѣло онъ называетъ смертію, но *законъ грѣховный*, который вслѣдствіе преступленія кроется *во удѣхъ* нашихъ и всегда обольщая душу, ведетъ ее къ смерти неправды. Посему разсуждая, отъ какой смерти желалъ онъ избавиться, и кто избавить его, тотчасъ присовокупляетъ: *благодареніе Богу Іисусомъ Христомъ* (ст. 25). Должно, Аглаофонъ, обратить вниманіе на то, что, еслибъ Апостоль тѣло сіе называлъ смертію, какъ вы думаете, то не упомянулъ бы о Христѣ, какъ избавляющемъ его наконецъ отъ такого зла. Ибо что особеннаго или какое преимущество въ этомъ отношеніи получили мы отъ пришествія Христова? Да и почему вообще Апостоль говоритъ, будто бы вслѣдствіе пришествія Христова можетъ быть избавленъ Богомъ отъ смерти, ког-

да всѣмъ и прежде пришествія Христова въ міръ приходилось умирать? Ибо всѣ разлучались съ тѣлами, при исходѣ изъ сей жизни, избавлялись; даже одинаково всѣ души—и вѣрныхъ, и невѣрныхъ разлучались съ тѣлами въ день смерти. Что же бѣльшаго старался получить Апостоль сравнительно съ другими, проведенными жизнь въ невѣрїи? Или, если онъ тѣло считалъ смертію души, то для чего онъ желалъ избавиться отъ тѣла, когда это и безъ его желанія, конечно, случилось бы съ нимъ, такъ какъ всѣмъ суждено умереть и душамъ ихъ разлучиться съ тѣлами? И такъ не тѣло сіе, Аглафонъ, онъ называетъ смертію, но въ тѣлѣ посредствомъ похоти поселившійся грѣхъ, отъ котораго Богъ избавилъ человѣка пришествіемъ Христовымъ. *Законъ бо духа жизни о Христѣ Иисусѣ свободилъ насъ отъ закона грѣховнаго и смерти* (Рим. 8, 2), *да воздвигнѣ Христа изъ мертвыхъ живущимъ Духомъ его въ насъ, оживотворитъ и мертвенныя тѣла наша* (ст. 11), по осужденіи грѣха находящагося въ тѣлѣ, на истребленіе; дабы явилось въ прежней силѣ требованіе закона естественнаго, согласно съ заповѣдію влекущаго насъ къ добру,—требованіе, которое, по причинѣ возобладанія грѣха надъ плотію прежде пришествія Христова сдѣлавшись безсильнымъ, было подавляемо земными заботами. Ибо *неплощное добра, въ насъ естественнаго, въ немъ же немошествоваше* отъ

преобладанія находящейся въ тѣлѣ похоти, — Богъ укрѣпилъ, *пославъ Сына своего*, воспріявшаго плоть, подобную *плоти грѣха* (ибо что явилось, то было истиною, а не призракомъ), дабы по осужденію грѣха на истребленіе, такъ чтобы онъ не приносилъ уже болѣе плодовъ во плоти, *оправданіе закона* естественнаго исполнилось и приумножилось послушаніемъ въ тѣхъ, которые ходятъ не по плотской похоти, но по желанію и наставленію духа (ст. 3. 4). *Законъ бо духа жизни*, то-есть Евангеліе, будучи отличнымъ отъ вышесказанныхъ законовъ, посредствомъ проповѣди предложенный къ повинovenію и для прощенія грѣховъ, *свободилъ насъ есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (ст. 2), совершенно побѣдивъ грѣхъ, царствующій во плоти.

И такъ, Теофигъ! что они возражають, и что изъ словъ Апостола неправильно толкують, я разъяснилъ и изложилъ. Теперь обращусь къ другому, если найдемъ себѣ помощника въ изложеніи рѣчи. Поелику послѣдующее запутанно и не совсѣмъ удобно для опроверженія: поэтому я съ большею робостію приступаю къ сему, видя, какъ длинны и трудны будутъ ихъ доказательства; развѣ только какое-нибудь дуновение мудрости, вдругъ повѣявшее съ неба, приведетъ насъ, къ плывущимъ среди моря, къ необуреваемой пристани и къ вѣрнѣйшему доказательству.

Доселъ взято изъ твореній Меѳодія.

Гл. 63. Предложивъ здѣсь въ непрерывномъ порядкѣ изъ разсужденій блаженнаго Меѳодія, называемаго и Еввудіемъ, именно изъ того же слова о воскресеніи, что говоритъ онъ о выше-сказанномъ Оригенѣ и его зловѣрїи, разспро-страняемомъ посредствомъ софистической пре-лести, — мы признали это достаточнымъ про-тивъ его пустословія и вредныхъ для человѣ-ческой жизни мыслей, проистекающихъ отъ зло-правія, прикрашеннаго еллинскимъ суевѣріемъ. Конечно много и еще сказано, и столько же еще стихами, въ изслѣдованіи объ этомъ пред-метѣ у вышепоименованнаго Меѳодія, мужа уче-наго и крѣпко подвизавшагося за истину; но поелику мы обѣщали о каждой ереси, для ея опроверженія, говорить немного, то здѣсь мы удовольствовались тѣмъ, что предложили изъ его труда. Прибавивъ сами отъ своего убоже-ства еще немногое противъ того же пустосло-вія этого человѣка, мы окончимъ съ нимъ споръ, отдавъ честь побѣды побѣдоносному Богу, Ко-торый, по особенному своему человѣколюбію, всегда украшаетъ церковь свою неувядающими вѣнцами — вѣщаніями истины. Итакъ будемъ и сами по силамъ говорить противъ Оригена.

Ты, любезнѣйшій, насмѣхаясь, говоришь, какъ у меня и выше показано: неужели Богъ былъ

кожевникомъ. что сдѣлать Адаму и Евѣ кожанья одежды, когда животныя еще не были приносимы въ жертву? А если и были приносимы, то и тогда это не были, говоритъ, кожанья одежды, но земное тѣло, въ которое мы облечены. Раствлѣвая невѣріемъ человѣчество, ты во всемъ избобличаешься, какъ послѣдователь лукавства діавола и коварства змія, который и Евѣ обольстилъ и всегда растлѣваетъ мысли простыхъ душъ коварствомъ, дѣйствующимъ на ихъ помышленія. Итакъ, посмотримъ, можетъ ли устоять сказанное тобою, надъ чѣмъ ты столько трудился и вотще подвизался въ написаніи столькихъ книгъ. Ибо если справедливо, что говорятъ о тебѣ, пустой труженникъ, будто ты написалъ шесть тысячъ книгъ и весь трудъ употреблялъ на укоризны и пустозвонство, то ты по пустому и напрасно предпринялъ свою работу, погрѣшая въ необходимомъ, именно превратно толкуя ученіе о воскресеніи,—и такимъ образомъ лишилъ самъ себя за трудовую работу всякой надежды на пріобрѣтеніе выгоды. Ибо если не воскресаетъ тѣло, то и душа ничего не наследуетъ; потому что одно и тоже общеніе и одна дѣятельность души и тѣла. А вѣрныя томятся тѣломъ и душою вслѣдствіе надежды на наследіе по воскресеніи, котораго по твоему мнѣнію не будетъ. Значитъ вѣра наша и надежда наша тщетны вопреки апостольскому и истинному слову, изре-

ченному Духомъ святымъ. И самъ ты, въ другомъ случаѣ признавая воскресеніе, какъ мнѣніе, вымышленное фантазіею, а не какъ истину, поставленъ въ необходимость употреблять одно только названіе. О какомъ же воскресеніи души можно говорить, когда она не умираетъ и не предается погребенію? Изъ самаго названія (*ἀνάστασις*—возстаніе) очевидно, что воскресеніе принадлежитъ тѣлу падшему и погребенному, и оно повсюду во всемъ писаніи проповѣдуется сынами истины. Если же тѣло не воскреснетъ, тогда во всѣхъ писаніяхъ не было бы проповѣдуемо воскресеніе; если нѣтъ воскресенія, тогда напрасно ожиданіе воскресенія мертвыхъ. Ибо воскресеніе свойственно не душамъ, которыя не умирали, но тѣламъ погребеннымъ. Но если и одна часть тѣла въ воскресеніе встанетъ, а другая будетъ оставлена: то какъ будетъ существовать эта часть? Ибо не могутъ быть въ тѣлѣ одни члены воскресшими; а другіе отложенными и покинутыми.

А что *есть тѣло душевное и есть тѣло духовное* (1 Кор. 15, 44), то это должно понимать не такъ, будто иное есть тѣло духовное и иное душевное, но что одно и тоже есть тѣло и душевное и духовное. Ибо, когда мы находимся въ мірѣ и совершаемъ тлѣнныя дѣла плоти: то имѣемъ тѣла душевныя: потому что въ мірѣ мы раболѣпствуемъ беззаконнымъ дѣламъ, какъ и самъ ты отчасти говорилъ. А ког-

да восстанемъ. уже не будетъ рабства души, но будетъ хожденіе духомъ, уже здѣсь имѣющее залогъ, по словамъ писанія: *аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ* (Гал. 5, 25), *аще ли духомъ дьянія плотская умерщвляемъ, живи будемъ* (Римл. 8. 13). Ибо ни браковъ, ни похотей, ни подвиговъ, для давшихъ обѣтъ воздержанія, ни грѣхопаденій, противныхъ чистотѣ, ни дѣйствій, здѣсь совершаемыхъ, тамъ не будетъ, но, какъ говоритъ Господь, *сподобшіися онаго воскресенія ни женятся, ни посягаютъ, но суть яко Ангели* (Лук. 20, 35. Марк. 12, 25).

Гл. 64. Какъ преложенъ бысть и Енохъ не видѣти смерти, и не обрътаешся (Евр. 11, 5),— не такъ преложенъ бысть, чтобы оставилъ тѣло, или часть тѣла; ибо если онъ оставилъ тѣло, то видѣлъ смерть, а преложившись съ тѣломъ не видѣлъ смерти, потому что существуетъ въ живомъ тѣлѣ носимый вслѣдствіе преложенія духовно, а не душевно. хотя находясь въ тѣлѣ, но духовно. Тоже должно сказать и объ Іліи, который вознесся на огненной колесницѣ: и онъ находится еще во плоти, но плоти духовной, уже не имѣющей нужды въ томъ, въ чемъ всегда нуждалась, когда была въ этомъ мірѣ, какъ-то: питаться посредствомъ врановъ, пить изъ потока Хораѣъ и одѣваться милотію: но она питается нѣкоторою другою пищею, духовною, которую подаетъ Богъ, въ-

душіи сокровенное и сотворившій невидимое.—
имѣющіи нѣкую безсмертную и нетлѣнную пищу.

Итакъ видишь, что одно и тоже тѣло есть
душевное и духовное, такъ какъ и Господь
нашъ воскресъ изъ мертвыхъ, оставивъ не
иное тѣло, но тоже самое, которое имѣлъ, и не
другое, а тоже самое, прежѣнивъ въ тонкость
духовную и соединивъ все духовное; почему и
виде двери азъ затворенны азъ (Іоанн. 20. 26),
чего не можетъ быть здѣсь съ нашими тѣлами
по ихъ дебелости, и потому что еще не сло-
жились въ тонкость духовную. Какое же было
это тѣло, которое прошло сквозь двери затво-
ренныя? Иное ли отъ распятаго, или то самое,
которое было распято? Ты, Оригенъ, конечно
не можешь не признать, что это было то са-
мое тѣло, которое было распято: ибо тебя
обличаетъ тщательнымъ изслѣдованіемъ Θомы
Сказавшій ему: *не буди невѣренъ, но вѣренъ*
(Іоанн. 20, 27); Онъ показалъ язву гвоздиную
и мѣсто копія и оставилъ самыя язвы на тѣлѣ,
хотя и соединилъ тѣло въ одно единеніе ду-
ховное. Онъ могъ уничтожить и язвы, но не
уничтожаетъ для того, чтобы обличить тебя,
богопротивный! Такимъ образомъ это было то
тѣло, которое три дня было погребеннымъ во
гробѣ, и съ Нимъ востало во время воскресенія:
ибо Онъ показалъ и кости и кожу, и плоть,
сказавъ: *видите, яко духъ плоти и кости не
имать. яко же Мене видите и мѣста* (Лук. 24,

39). Для чего же Онъ *вииде двери мѣ затворенныи мѣ*? Для того, чтобы показать, что это есть тѣло видимое, и не духъ, а тѣло дуловное. И хотя оно соединено съ душею и Божествомъ и всею человѣческою природою, но оно духовное: прежде дебелое, а теперь тонкое; распятое и побѣжденное, а теперь неодолимое, соединенное и срастворенное съ Божествомъ, и уже неразрушаемое, но всегда пребывающее и никогда неумирающее. Ибо *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершихъ, ктому уже не умираетъ, смерть и мѣ ктому не обладаетъ* (1 Кор. 15. 20. Рим. 6. 9).

Гл. 65. Но дабы ты узналъ и то, по какой причинѣ Христосъ называется *начаткомъ умершихъ*, хотя не Онъ первый воскресъ, но прежде Его, чрезъ Него воскресли: Лазарь и сынъ вдовицы и другіе. также воскресенные Иліею и Елиссеемъ: то поелику всѣ они, воскресши, опять умерли, поэтому Христосъ и есть *начатокъ умершихъ*; ибо, воскресши, уже не умираетъ, каково и наше воскресеніе, имѣющее быть вслѣдствіе Его жизни и человѣколюбія. Если же Онъ есть *начатокъ умершихъ*, то воскресло все Его тѣло въ соединеніи съ Божествомъ, то-есть воскресло все воспринятое въ воплощеніи и ничто изъ того не было оставлено, ни тѣло, ни другое что-либо. Ибо *не оставши души моя во адъ, ниже даси преподобному твоему видѣти истинія* (Пс. 15,

10). О *душѣ* говорить, что она *не оставлена* была во адѣ, а *преподобному* сказать для того, чтобы показать, что святое тѣло *не видѣло истлѣнія*, но тридневное воскресло нетлѣннымъ и въ нетлѣніи пребываетъ во вѣкъ.

Ты же говоришь, любезнѣйшій, что кожаныя одежды суть сіи тѣла, тогда какъ связь рѣчи нигдѣ сего не содержитъ; но эти въ тебѣ сѣмяна первоначально брошены баснословнымъ языческимъ ученіемъ Еллиновъ, и отсель разрослись въ тебѣ злонравнымъ помысломъ невѣрія въ воскресеніе, когда то-есть Еллины привели тебя къ этому и научили. Ибо *душевенъ человекъ*, говоритъ Апостолъ, *не пріемлетъ яже Духа Божія: юродство бо ему есть, зане духовно востязуется* (1 Кор. 2, 14). Еслибы прежде преступленія Адаму и Евѣ даны были одежды: то ложь твоя была бы убѣдительна и могла бы обмануть; а такъ какъ извѣстно, что это было послѣ созданія Евы, то откуда же образовалась Ева, какъ не изъ тѣла? Очевидно такъ; ибо сказано: *наложи изступленіе на Адама, и успе: и взя едино отъ ребръ его; ребро же не иное что есть, какъ кость: и исполни плотию льсто его* (Быт. 2, 21). И такъ, когда называется плотию, то какаго еще ожидать ся сотворенія? И выше говорятъ: *сотвори мѣ человекѣ по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26) *и вземъ*, говоритъ, *персть отъ земли и созда человекѣ* (Быт. 2, 7). Персть и плоть не другое что означаютъ,

какъ тѣло. Потомъ далѣе: и воставъ Адамъ отъ сна, *рече: се нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея* (ст. 23). Кожаныхъ одеждъ и твоей ложной аллегоріи еще не было. Итакъ изъ словъ: *кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея*, очевидно, что это были тѣла и что Адамъ и Ева не были безтѣлесны. *И взялъ* отъ древа *и яде* (Быт. 3, 6), когда прельщенъ былъ змѣемъ и впалъ въ преслушаніе. *И услышалъ гласъ Бога ходяща въ рай по полудни и скрыстася Адамъ и Ева посреди древа. И рече* Богъ Адаму: *идь еси?* Онъ же, обличаемый, отвѣчаетъ: *гласъ твой слышалъ и скрылся, яко нагъ есмь.* Что же онъ называлъ нагимъ: душу или тѣло? А листья смоковницы что покрыли: душу или тѣло? *И рече: кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, его же заповѣдалъ тебѣ сего единого не ясти, отъ него ялъ еси.* *И рече: жена, юже далъ еси мнѣ, та ми даде и ядохъ* (Быт. 3, 8—12). Откуда же взята жена, какъ не отъ ребра, то-есть отъ плоти, прежде нежели даны были имъ одежды? *И женъ рече: что сіе сотворила еси? И рече жена: змій прельсти мя и ядохъ* и дала мужу своему. Тогда на змѣя налагаетъ Богъ проклятіе; на жену болѣзни чадорожденія, а на мужа—ѣсть хлѣбъ въ потѣ. И послѣ сего говоритъ: *се Адамъ бысть, яко единъ отъ Насъ. Да некогда простретъ руку свою и возметъ отъ древа жизни, и съестъ и живъ будетъ во вѣкъ.*

(ст, 22). *) Не подумай, слушагелъ, будто Господь сказалъ утвердительно: *се Адамъ бысть яко единъ отъ насъ*. Ибо изобличительно укоряя желаніе Адама, повѣрившаго обольщенію змія, говоритъ, что онъ не сдѣлался тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ сдѣлаться, то-есть *се Адамъ бысть яко единъ отъ насъ*. Возжелавъ содѣлаться высшимъ, Адамъ ниспалъ въ низшее. А слова: изгонимъ его, *да не когда простретъ руку къ древу жизни, и съестъ и живъ будетъ во вѣкъ*, говоритъ Богъ не по зависти, а потому, что позаботился о сосудѣ, отъ себя повредившемся, дабы не остался худшимъ навсегда, но какъ отличный скудельникъ, повредившійся самъ собою сосудъ обративъ его въ собственный составъ, то-есть въ землю, во время воскресенія возсозидаетъ, такъ что въ немъ не будетъ никакого поврежденія, и праведный во славу будетъ безсмертенъ и можетъ получить царствіе, а неправедный во время конечнаго воскресенія можетъ понести наказаніе суда. Ибо не худое что насадилъ Богъ, да не будетъ! но и самое древо насадилъ для нуждающагося въ надлежащее время, своимъ повелѣніемъ позволяя ему пользоваться имъ. Но скажешь напротивъ: какъ же исполнятся слова: *въ онъже аще день съесте*

) Этого отдѣленія начиная съ словъ «не подумай (слушатель)» и кончая словами въ концѣ главы *изрине итг изъ рая*, нѣтъ въ изданияхъ Петавія и Элера. Оно переведено по изданію Диндорфа

отъ него, смертію умрете. если позволилъ вкушать отъ него? Конечно, въ какое бы время онъ вкусилъ, тотчасъ бы и исполнилъ слово: *смертію умрете.* Говорящему это скажу опять: Богъ, вѣдущій будущее *прежде неже быти* Иса 46, 10), зная, что человекъ, будучи обольщенъ, прежде Его повелѣнія вкусилъ бы отъ древа, опредѣлилъ ему смерть за преступленіе, которое имѣлъ онъ совершить. Заблуждающіеся въ сей ереси хулятъ Бога, говоря: хорошъ Богъ закона, что позавидовалъ Адаму и изгналъ его говоря: *изгонимъ его, да не когда простретъ руку и возметъ отъ древа жизни и живъ будетъ во вѣкъ.* Но ихъ клеветующее безуміе обличаетъ само себя. Ибо не только съ самаго начала не запрещалъ Богъ вкушать отъ древа жизни, но и побуждалъ, сказавъ: *отъ всякаго древа, еже въ раю, съядію съесте* (Быт. 2, 10), а предъ глазами Адама было и древо жизни, одно изъ деревъ райскихъ. Отъ одного только древа *еже разумѣти доброе и лукавое* Богъ не повелѣлъ вкушать. Но ненасытная мысль Адама и жены его Евы, обольщенной діаволомъ, по неопытности поступила вопреки заповѣди. Итакъ поелику Адамъ самъ отъ себя впалъ въ униженіе, то Богъ не восхотѣлъ, чтобы онъ жилъ во вѣкъ въ униженіи, но подобно отличному скудельнику благоволилъ сосудъ, разбившійся самъ собою, обратить въ его собственный составъ, дабы въ пакибытіе изъ его собственного состава

ва опять передѣлать какъ бы на колесѣ, исправивъ и возобновивъ сосудъ безъ всякаго недостатка, такъ чтобы онъ могъ жить вѣчно. Поэтому сперва угрожаетъ ему смертію, и потомъ уже не говоритъ о смерти, но: *земля еси* и въ нее *пойдеши*, не предавши человека смерти. И затѣмъ говорится: и *сотвори Богъ ризы кожаны и облече Адама и Еву и изрине ихъ изъ рая*. Видишь ли, Оригенъ, какъ суетно нововводимое тобою пустословіе. Ибо за сколько времени были тѣла у Адама и Евы?

Гл. 66. Если это тебя тревожить, и ты не можешь, душевно разсуждая, принять благодати Духа, невѣрный и худшій невѣрныхъ: то скажи мнѣ, сколько чудодѣйственнаго и изумительнаго заключаетъ каждый предметъ, сотворенный Богомъ? Какъ изъ ничего простерто небо, поднятое на высотѣ? Какъ возсіяло солнце, и создана луна и звѣзды? Изъ какого первообразнаго вещества взята земля, созданная изъ ничего. Изъ какихъ породъ извѣчены горы? Откуда составъ всего міра, произведенный Богомъ изъ ничего? Откуда составъ облаковъ, который вдругъ закрываетъ небо? Откуда по повелѣнію Бога рабомъ Его Моисеемъ произведены комары и скнипы? Какъ онъ превратилъ деревянный жезлъ въ змія живаго и ползущаго? Какъ рука Моисея измѣнилась въ видъ снѣга? Такъ и тогда, о невѣрный! Богу было угодно, и Онъ дѣйствительно безъ животныхъ,

безъ всякаго человѣческаго искусства и много-различной работы, устроилъ Адаму и Евъѣ одежды кожаныя, тотчасъ же какъ восхотѣлъ; такъ же какъ и въ началѣ только что восхотѣлъ, и явилось и небо и все. Но объ этомъ я часто говорилъ и въ другихъ мѣстахъ и выше. Для тѣхъ, которые желаютъ жизни, спасеніе близко и зловѣріе удобоопрровержимо: а для тѣхъ, которые не хотятъ принять спасительнаго ученія, недостаточно и цѣлаго вѣка на бесѣду съ человѣкомъ, подобно *аспиду*, всегда глухимъ и затыкающимъ уши, чтобы не внять голосу обаятеля, заклинателя, искуснаго въ заклинаніяхъ, какъ говоритъ слово Божіе (Пс. 57, 5—6). Думаю, что сынамъ истины эта рѣчь моя не мало полезна; хотя она оказывается здѣсь очень странною.

Гл. 67. Но я перейду къ разсужденію твоему о воскресеніи, при изъясненіи перваго псалма. Ибо, когда ты, пустой труженикъ, будешь обольщать невѣдущихъ, подставляя свое мнѣніе, и скажешь: „нѣкоторые изъ простѣйшихъ думаютъ, что нечестивые не улучатъ воскресенія.“ а въ послѣдствіи даешь видъ, что тѣхъ же самыхъ простѣйшихъ людей опять ты спрашиваешь: для какого тѣла будетъ воскресеніе? и какъ бы взаимно отъ лица называемыхъ у тебя простѣйшими недоумѣваешь самъ въ себѣ (ибо и это нужно изъяснить), называть ли добрыми тѣхъ, которые именуются у тебя простѣйши-

ми, — рѣчь будетъ уже не твоя, и благодарить нужно не рѣчь твою, а истину, которая заставляетъ тебя говорить о признакахъ достоинства и доброты рабовъ Божіихъ. Ибо и языческая пословица говоритъ: „слово истины просто.“ Простыми обыкновенно называемъ мы людей незлобивыхъ, которымъ у Спасителя во многихъ мѣстахъ воздается похвала, напримѣръ *будите цѣли* (просты), *яко голубіе* (Матѳ. 10, 16.), и еще: *оставите дѣтей пріити ко Мнѣ, таковыхъ бо, то-есть простѣйшихъ есть царство небесное* (19, 14.). Эти простѣйшіе, какъ ты ихъ называешь, отвѣчали тебѣ, что воскресеніе принадлежитъ этому тѣлу, которымъ мы облечены. Когда ты высказываешь недоумѣніе и опять спрашиваешь: все ли тѣло или только часть воскреснетъ; они отвѣчаютъ: все тѣло. Между тѣмъ сообразно съ изворотливостію широкоувѣщательнаго пустословія ты говоришь, что не можетъ этого быть по той причинѣ, что изъ тѣла вытекаетъ кровь, теряется ежедневно плоть, волосы и другія вещества вмѣстѣ съ слюнами, мокротами и другіями изверженіями, — вотъ какъ ты отводишь глаза своимъ обширнымъ, зловѣрнымъ медицинскимъ знаніемъ, какъ уже многими доказательствами изобличилъ твое баснословство нашъ прекраснѣйшій старецъ и блаженный мужъ Меѳодій. Но кое-что услышишь ты и отъ меня убогаго. Чего всегда ищутъ? Ищутъ, чтобы все было самое чистое; а излиш-

нее откидывается отъ чистаго. и его не спрашиваютъ. Кусокъ матеріи готовъ, какъ скоро вышло тканье изъ станка. и его отрѣзываютъ отъ станка. не прибавляя къ нему, ни убавляя. Его отдають къ бѣлильнику не съ тѣмъ, чтобы получить отъ бѣлильника въ худшемъ видѣ. но бѣлильникъ представляетъ его въ совершеннѣйшемъ видѣ, такъ что для всѣхъ становится очевидно совершенство ткани. Такъ и тѣло не становится худшимъ отъ изверженія дурныхъ веществъ и нечистоты. и конечно художникъ за то, что тѣло извергло нечистоту. не потребуетъ отъ насъ тѣла вмѣстѣ съ нечистотою, но потребуетъ эту одежду въ цѣломъ, здоровомъ и чистѣйшемъ видѣ. Вотъ еще другой примѣръ. Ты внесъ вопросъ о томъ, что выдѣляется изъ человѣка посредствомъ кровоусканія. недуговъ. испраженій и изверженія слюней и соплей: но ты будешь опровергнуть гѣмъ самымъ, что ты сказалъ. Ибо не это одно находится въ тѣлѣ. но также и насѣкомыя выраждаются изъ насъ, какъ на примѣръ: вши и гниды. которыя ни внѣ тѣла находятся. ни причитаются къ тѣлу. И никто никогда не отыскивалъ выдѣлившейся изъ тѣла гниды. ни вши, выродившейся изъ самой плоти. для ея сохраненія. но скорѣе для истребленія. и никто истребленія ея не считаетъ за утрату. Равнымъ образомъ и то, что вышло изъ насъ. хотя это и такъ по твоему мнѣнію, не взыщется отъ насъ (это было бы безраз-

судно). и Богъ не возвратитъ этого въ составъ нашъ, но какъ пятно. находящееся на одеждѣ и смытое съ нея для благоукрашенія. оставитъ безъ вниманія. а самую одежду Зиждигель. по превосходству своего искусства. возведетъ къ совершенству, такъ что она не будетъ имѣть ни недостатка. ни излишества; ибо для Него все возможно. Если бы это было не такъ. о ты. повредившійся въ умѣ отъ многословнаго твоего измышленія!—то Спаситель нашъ и Господь. Сынъ Божій. пришедшій для того, чтобы утвердить въ насъ надежду. что мы будемъ живы, и весьма многое изобразившій въ себѣ самомъ въ подтвержденіе истины сказаннаго Имъ намъ, могъ бы часть своего тѣла отложить, а часть воскреситъ. согласно съ твоимъ, о мужъ спорливый. баснословнымъ построеніемъ и собраніемъ множества пустыхъ соображеній. Но Онъ избличая твой образъ мыслей. прямо говоритъ: *аще зерно пшенично падѣ на земли не умретъ, едино пребываетъ: аще же падетъ и умретъ, много зеренъ сотворитъ* (Іоанн. 12, 24). О какомъ это зернѣ Онъ говоритъ? Всякому ясно и во всемъ мірѣ признано, что Онъ говорилъ это о себѣ. то-есть, о тѣлѣ святой плоти, которую принялъ отъ Маріи. и о всей своей человѣческой природѣ. Словами: упасть и умереть. также какъ словами: *идьже трупъ. тамо соберутся орли* (Мат. 24, 28). Онъ указалъ на тридневное успеніе своего тѣла. какъ и самъ

ты признаешь. Ибо Божество Его неусынаемо, неспособно къ паденію, неодолимо, неизмѣняемо. И такъ умерло пшеничное зерно и воскресло. Но все ли это зерно воскресло, или часть его воскресла? Иное ли зерно, отличное отъ бывшаго, или тоже самое, которое было, воскресло, то-есть тѣло, которое Іосифомъ обвито было плащаницею и положено въ новомъ гробѣ? Конечно ты этого не отвергнешь. Ибо о комъ Ангелы благовѣствовали женамъ, что Онъ воскресъ? О комъ говорятъ: кого ищите? *Иисуса Назарянина? воста, нльсть здь: прїидише видите мьсто* (Марк. 16. 6. Мат. 28, 5.). Какъ бы такъ сказалъ: *прїидите, видите мьсто* и вразумите Оригена, что здѣсь ничего не осталось лежащимъ, но все воскресло. И чтобы ты зналъ, что все воскресло, сказалъ: *воста, нльсть здь*, дабы ниспровергнуть твое пустословіе тѣмъ именно, что не осталось (во гробѣ) части тѣла Его, но что это есть то самое тѣло, которое было пригвождено, прободено копіемъ, взято Фарисеями и подверглось оплеванію.

Гл. 68. Но для чего мнѣ много говорить въ обличеніе пустословія этого жалкаго и напыщеннаго человѣка? Какъ Господь воскресъ и воскресилъ Свое тѣло: такъ и насъ воскресить. Ибо на этомъ Святый Апостоль утверждаетъ нашу надежду, сказавъ: *како малоютъ нльци въ васъ, яко воскресенія мертвыхъ нльсть? Аще воскресенія мертвыхъ нльсть, то ни Христосъ*

воста. Аще же Христосъ не воста, тѣе убо проповѣданіе наше, суетна и въри наша. Обрѣтаемъ же и лжесвидѣтеле Божіи, что сказали, яко воскреси Христа. Его же не воскреси и проч. (1 Кор. 15, 12—15); и наконецъ присо-вокупляетъ, говоря: подобаетъ тлѣнному сему обещися въ нетлѣніе и мертвенному сему обещися въ безсмертіе (ст. 53). Не сказалъ: только смертному или только тлѣнному, или безсмертной душѣ: но тлѣнному сему—съ прибавленіемъ сему, также мертвенному сему—съ прибавленіемъ сему. Итакъ все это зерно Его воскресло, и воскресло не иное зерно, отличное отъ прежняго, но то самое, которое лежало во гробѣ, все воскресло. На чемъ же утверждается твое пустословіе? Божественное писаніе говоритъ дважды о зернахъ: одинъ разъ въ Евангеліи, другой—у Апостола. Первое, на основаніи дѣйствительно совершившагося съ Господомъ, со всею ясностію показываетъ, каковъ первообразъ воскресенія: ибо Спаситель, такъ уча и творя, рѣшительно все сдѣлалъ для нашего утвержденія. Такъ Онъ говорилъ о зернѣ и воскресилъ зерно, дабы утвердить въ насъ вѣрную надежду на дѣйствительность нашего воскресенія. Послѣдую Ему Апостоль, водимый Духомъ Святымъ, повѣствуя намъ о имѣющей быть послѣ воскресенія славѣ святыхъ и наслажденіи благами, въ проповѣди противъ невѣрующихъ, опять указываетъ на пшеничное

зерно: но речешь мнѣ: *како воскреснутъ мертвіи? Коимъ же тѣломъ приидутъ* (1 Кор. 15.—35)? и отвѣчаетъ говорящему это: *безуміе!* Ибо совершенно глупъ и безуменъ тотъ, кто сомнѣвается въ воскресеніи. Потомъ говоритъ: *безуміе, ты еже съеши не оживетъ, аще не умретъ: и еже съеши, не тѣло будущее съеши, но голо зерно, аще случится, пшеницы или другихъ сѣмянъ. Богъ же даетъ ему тѣло, яко же восхоцетъ, и комуждо съмени свое тѣло* (1 Кор. 15, 36—38). И видишь, что не измѣняется тѣло. Ибо никто, посѣявши ячмень, не ищетъ пшеницы: также кто посѣялъ тминъ, не найдетъ ячменя; но что посѣяно, то самое и взойдетъ. Если изъ того нѣчто и останется въ землѣ, но за то изъ него поднимется произрастеніе. Такъ и изъ этой истлѣвающей пшеницы, не приходящей на судъ, оставшаяся часть бесполезна, а произрасшее изъ нея прекрасно. Это восхотѣлъ Онъ ясно доказать по причинѣ невѣрія тѣхъ, которые не имѣютъ надежды на Бога. Дѣйстви-тельно пшеничное зерно — самая малая вещь: откуда же изъ этого малѣйшаго зерна являюгся и корни, и основанія, и стебли, и колѣнца, и столько трубочекъ, и верхушка, и луска, и колосья и многочисленныя зерна?

Гл. 69. Но дабы сказать еще яснѣе, мы представимъ подобныя ему примѣры. Откуда у Моисея, сына Юхаведы и Амрама, такая сила, что онъ, ударивъ жезломъ въ камень, извелъ воду

изъ вещества. къ тому неспособнаго, а сухое превратилъ во влажное (Числ. 20, 11)? Какимъ образомъ онъ поразилъ море и повелѣніемъ раздѣлилъ оное на двѣнадцать путей для шествія по морю (Исх. 14. 21)? Какъ преложилъ рѣку въ кровь (Исх. 7. 20)? Вдругъ собралъ столько жабъ? Наслалъ скнипъ на Египтянъ (8, 6. 17)? Соединилъ градъ съ огнемъ (9, 23)? Къ темной и безлунной ночи для Египтянъ присоединилъ густой мракъ (10. 22)? Смертію поразилъ первенцевъ египетскихъ (12, 29.)? Огненнымъ столпомъ указывалъ путь народу, имъ пасомому (13, 21)? Молитвою и прошеніемъ низвелъ хлѣбъ Ангельскій (16, 15. Псал. 77. 25.)? Послалъ крастелей и напиталъ ими столько тысячъ мужей, по повелѣнію Божию (Исх. 16, 13. Псал. 77, 27.)? Слышалъ гласъ Божій? Сподобился среди такого множества людей слышать гласъ Божій и бесѣдовать съ Богомъ? Въ продолженіе сорока дней и сорока ночей не почувствовалъ нужды въ потребномъ для нашей природы (Исх. 34, 28)? Какъ плоть его измѣнилась въ блескъ солнца и свѣтлый лучъ, поразительный для народа, такъ что сыны Израильскіе не могли взирать на лице Моисея (ст. 30. 2 Кор. 3, 7)? Какъ плоть на рукѣ его премѣнилась въ снѣгъ (Исх. 4, 6)? Какъ Онъ повелѣлъ землѣ отворить уста для поглощенія бывшихъ съ Кореемъ, Даваномъ, Авирономъ и Авнаномъ (Числ. 16, 24. 32)? Какъ наконецъ онъ услышалъ: *взы-*

ди на гору, и скончайся тамо (Втор. 32, 49. 50.), такъ что *невѣдаетъ* человѣкъ *погребенія его* (Втор. 34, 6)? Божественное писаніе симъ обозначаетъ то, что тѣло Моисеево не людьми было погребено, но, какъ можно разсуждать предположительно, Святыми Ангелами. И все это было тогда, когда онъ находился еще въ этомъ мірѣ, еще въ этомъ душевномъ тѣлѣ, содѣлавшемся вмѣстѣ и совершенно духовнымъ. Въ этомъ мы получили залогъ въ доказательство совершеннаго прозябенія. имѣющаго быть, тогда, когда исполнится сказанное: *сѣется не въ честь, востаетъ въ славу; сѣется въ немощи, востаетъ въ силу* (1 Кор. 15, 43). Подлинно не немощно ли то, что сѣется и не знаетъ, гдѣ сѣется? Не безчестно ли полагаемое во гробѣ, засыпаемое землею, истребляемое, распадающееся и безчувственное? Не славно ли воскресающее, во вѣкъ пребывающее и, по надеждѣ на человѣколюбіе Божіе, приобрѣтающее на небеси царствіе, гдѣ *праведницы просвѣтятся, яко солнце* (Мат. 13, 43), гдѣ будутъ равны Ангеламъ (Лук. 20, 36.), гдѣ будутъ ликовать съ женихомъ, гдѣ съ Петромъ Апостолами *возсядутъ на двоюнадесяте престолу, судяще обьманадесяте колѣнома Израилевома* (Матѳ. 19, 28), гдѣ праведники получаютъ, *иже око не видѣ и ухо не слыша и на сердце чловѣку не въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9.)? И такъ наше воскресеніе въ Богѣ;

и всякій человекъ воскреснетъ, и праведный и неправедный, и невѣрный и вѣрный — одни въ жизнь вѣчную, другіе на осужденіе вѣчное.

Гл. 70. Умолкни же Вавилонъ, древнее и опять возобновленное среди насъ *смышеніе!* Утихни, Содомъ и вопль крайняго твоего нечестія, восходящій къ Богу! Ибо *придетъ* отъ Сіона *избавляя, и отвертитъ нечестіе отъ Іакова* (Исх. 59, 20): и *вострубитъ, и жертви встанутъ* (1 Кор. 15, 52): и *мы восхищени будемъ въ срътеніе Ему на воздухъ* (1 Сол. 4, 17). Къ тому, что сказалъ прекраснѣйшій старецъ, блаженный Меѳодій, — и мы сами нѣчто прибавили для назиданія; чрезъ такое соединеніе можно видѣть смыслъ каждаго изреченія. Святой Апостоль, раздѣляя два рода людей, соединяетъ ихъ въ одномъ упованіи; словами: *мы восхищени будемъ на облацяхъ въ срътеніе Ему* указываетъ, что тѣло по истинѣ есть то самое, а не иное; поелику восхищенный отнюдь не умираетъ; а словами: *немалы предварити* воскресенія мертвыхъ доказываетъ, что *невозможное у человекъ* легко и *возможно у Бога* (Лук. 18, 27.); ибо *мы живущіи немалы предварити умершихъ*, и ихъ воскресенія. Указалъ на живущихъ и восхищенныхъ, дабы словомъ: *живущіи*, показать, что тѣла умершихъ воскреснутъ всецѣлыми: а сказавши, что умершіе предварятъ оставшихся въ живыхъ, показалъ могущество Божіе.

Воскреснутъ мертвіи и востанутъ иже во гробляхъ, говоритъ пророкъ (Иса. 26. 19.). Что бы не умолчать и о словахъ пророка Іезекііля, сказанныхъ о воскресеніи въ его апокрифѣ, я предложу здѣсь и ихъ. Иносказательно повѣствуя о праведномъ судѣ, въ которомъ съ душою будетъ участвовать и тѣло, онъ говоритъ, что у одного царя всѣ его подданные состояли въ ополченіи, а незаписанныхъ въ ополченіе было только двое, одинъ хромой и одинъ слѣпой, и каждый изъ нихъ былъ помѣщенъ и жилъ особо. Царь, совершая бракъ своего сына, пригласилъ всѣхъ въ своемъ царствѣ, а оставилъ безъ вниманія двухъ увѣчныхъ, хромого и слѣпаго. Они вознегодовали въ себѣ и умыслили сдѣлать зло царю. У царя былъ садъ, и слѣпой издали сталъ говорить хрому: сколько бы у насъ было кусковъ хлѣба отъ народа, бросившагося на веселіе? Такъ давай же, отмстимъ ему за то, что съ нами такъ поступилъ. Другой спросилъ: какимъ же образомъ? Тотъ сказалъ: пойдѣмъ въ его садъ и истребимъ, что есть тамъ въ саду. Но этотъ сказалъ: а какъ я могу это сдѣлать, когда я хромы и не могу ходить? Слѣпой отвѣчалъ: а я самъ развѣ могу что-нибудь сдѣлать, когда не вижу, куда идти? Но мы ухитримся. Нащипавъ вблизи травы и свивши веревку, онъ бросилъ ее слѣпому и сказалъ: держи и ступай по веревкѣ ко мнѣ. Когда тотъ сдѣлалъ, что ему приказано, и подо-

шелъ къ нему. хромои говоритъ: ну, будь ты для меня ногами и неси меня, а я буду для тебя глазами. сверху указывая тебѣ дорогу направо и налево. Сдѣлавъ это, они сошли въ садъ. Надѣлали ли они тамъ бѣды, или не надѣлали.—только слѣды ихъ оказались въ саду. Когда развеселившіеся гости пошли съ брачнаго пира отдохнуть въ садъ, они изумились, нашедши въ саду слѣды и возвѣстили объ этомъ царю, говоря: „въ царствѣ твоёмъ всѣ воины, и нѣтъ ни одного невоеннаго. Откуда же слѣды невоенныхъ въ саду“? Царь удивился. И такъ какъ это говоритъ притча, очевидно апокрифическая, то она говоритъ приспособительно къ человѣку, а Богу нѣтъ ничего неизвѣстнаго. Повѣсть говоритъ далѣе, что царь послалъ за хромымъ и слѣпымъ и спросилъ слѣпаго: не ты ли ходилъ въ садъ? Тотъ отвѣчалъ: увы мнѣ, государь! Ты видишь нашу неспособность, знаешь, что я не вижу, гдѣ идти. Потомъ подошедъ къ хромоу, и его спрашивалъ: ходилъ ты въ мой садъ? Этотъ сказалъ въ отвѣтъ: государь! Ты хочешь огорчить мою душу ради моей неспособности. И судъ не приводитъ ни къ чему. Что же дѣлаеть праведный судія? Разузнавъ, какимъ образомъ оба они сговорились, сажаетъ хромаго на слѣпаго и обоихъ истязуетъ бичами, и не могутъ они запереться. Каждый изъ нихъ изобличаетъ другаго; хромои говоритъ слѣпому: не ты ли меня принесъ на се-

бѣ и вынесъ? А слѣпой говоритъ хромоту: не самъ ли ты былъ моими глазами? Такъ тѣло въ воскресеніе мертвыхъ соединяется съ душою и душа съ тѣломъ въ изобличеніе общей ихъ дѣятельности. и совершенный судъ бываетъ за дѣла, сдѣланныя обоими. и тѣломъ и душою. будутъ ли онѣ добрыя или худыя. *)

Итакъ пекущіеся о своей жизни смотрите. что всѣ возставшія противъ истины. сами себѣ причинили неправду, какъ и святой пророкъ Давидъ говоритъ: *зачахъ болѣзнь, и роди беззаконіе.* Ибо всякій, собирающій себѣ *болѣзнь* чуждыхъ помысленій, поражаетъ неправду себѣ и довѣряющимъ ему: *Ровъ изры, и ископа, и падетъ въ яму, юже содѣла* (Пс. 7, 15 — 16.). Если же кто станетъ всему этому противорѣчить, тотъ пусть выступитъ и дерзнетъ противодѣй-

*) Цѣлаго этого отдѣленія отъ словъ: *воскреснутъ мертвіи* нѣтъ въ изданіи Петавія. Оно переводится по изданію Диндорфа. Приточное сказаніе о слѣпцѣ и хромотѣ встрѣчается въ нашей древней литературѣ, въ твореніяхъ Кирилла, Епископа Туровскаго, именно въ „притчѣ о чловѣчестѣй души и о тѣлеси, и о преступленіи Божіихъ заповѣдей, и о воскресеніи тѣлесъ чловѣчь, и о будущемъ судѣ и о муцѣ.“ Содержаніе тоже, но болѣе развѣто и вмѣсто царя представляется дѣйствующимъ „чловѣкъ домовитъ“, который называется „господиномъ“ и который насадилъ виноградъ. О бракѣ сына царскаго ни слова; но говорится, что домовитый чловѣкъ, отъѣзжая изъ своего дома, приставилъ ко вратамъ сада слѣнца и хромота, будучи увѣренъ, что и сами они не могутъ войти въ садъ красть виноградъ и другимъ не позволить войти туда. Убѣжая, господинъ оставилъ имъ нескучную пищу и одѣяніе. Когда они съѣли у воротъ сада, слѣпой спросилъ хромотаго: что это за благоуханіе несетъ на меня отъ воротъ? Послѣ этого они сговариваются войти въ садъ, и разсказъ идетъ въ томъ же видѣ, какъ у св. Епифанія. Новыя изслѣдователи о твореніяхъ Кирилла Туровскаго (Рукописи Гр. Уварова том. 2. (Спб. 1858) говорятъ, что эта притча взята Кирилломъ изъ пролога, и откуда она пошла въ прологъ, не объясняютъ. Мы видимъ, что она извѣстна была еще въ 4-мъ христіанскомъ вѣкѣ, и св. Епифаній беретъ ее изъ апокрифа пророка Іезекіи. Есть свидѣтельство, что она въ давнія времена извѣстна была между Іудеями. См. Livres Sacrés d'Orient, p. 498.

ствовать Богу. Ибо *Богъ* крѣпкій *не утрудится, ниже взалметъ, ниже есть избрѣженіе премудрости его* (Иса. 40, 28), по которой Онъ разрушившіяся тѣла воскрешаетъ, погибающее спасаетъ, мертвое оживляетъ, тлѣнное облекаетъ въ нетлѣніе, падшее зерно ведетъ къ воскресенію, посѣянное и умершее возстановляетъ и приводитъ въ преизбыточествующую свѣтлость, какъ выражено во многихъ писаніяхъ, гдѣ индѣказательно говорится о нашемъ воскресеніи.

Гл. 71. Такъ пророкъ Давидъ въ псалмѣ объ обновленіи дому Давидова (Псал. 29.), какъ бы ожидая и Духомъ Святымъ предвидя будущее, благословно сказалъ о воскресеніи: *вознесу Тя, Господи, яко подъялъ мя еси*, обновляя домъ мой, то-есть, падшее тѣло, *и не возвеселилъ еси враговъ моихъ о мнѣ*. Равнымъ образомъ и Соломонъ въ Притчахъ, подготавливая все къ готовимой въ Сіонѣ надеждѣ, увѣщавалъ говоря: *уготовляй на исходъ дѣла твоя* (Притч. 24, 27.), называя исходомъ изшествіе отсюда, *и уготовися*, говоритъ, *на село*. Это внушеніе простираетъ Онъ ко всѣмъ, какъ живущимъ въ селѣ, такъ и въ городѣ, и къ ученымъ и къ занимающимся ремеслами, у которыхъ нѣтъ никакой работы въ полѣ: ибо ткачамъ, серебряныхъ дѣлъ мастерамъ, поэтамъ и историкамъ для чего приготовленіе къ обработыванію поля? Но голосъ сей вообще всѣхъ безъ различія призываетъ, — говоря: *уготовися на село*. Этимъ на-

мекается на то, что для всякаго челоуѣка, и городскаго, и сельскаго, отложеніе тѣла есть поле, есть конецъ, но причинѣ погребенія. Потомъ, обозначая самую надежду на воскресеніе, говоритъ: *и созиждеша домъ твой*; не сказать: *созиждеша домъ*. Ибо однажды создается челоуѣкъ, при образованіи во чревѣ, когда каждаго изъ насъ во время образованія носила своя мать во утробѣ; а воскресеніе изъ земли, или поля, есть уже несозданіе, а воссозданіе, вслѣдствіе постигшаго тѣло разрушенія по положеніи во гробъ, какъ и Спаситель сказалъ: *разорите церковь сію, и трети дни воздвигну ю, или созижду ее* (Іоан. 2. 19.). Будучи самъ премудрость, и обладая такою мудростію, которой *нѣсть изобрѣтеніе* (Иса. 40. 28) отъ людей, Онъ изводитъ тѣла наши изъ мѣстъ недоступныхъ, когда однѣ изъ нихъ разрѣшились въ прахъ, другія находятся въ морѣ, а инныя истреблены отъ плотоядныхъ птицъ, инныя отъ звѣрей, инныя отъ червей.

Гл. 72. Ибо если Онъ изъ несущаго привелъ въ бытіе: то кольми паче существующее легко возстановитъ въ собственное его состояніе, и это для того, чтобъ опреѣлить праведный судъ, дабы не осуждать одного вмѣсто другаго, дабы не лишитъ награды изможденное тѣло. Ибо если одной душѣ принадлежитъ наслажденіе и наслѣдіе царства небеснаго: то пускаи тѣло наслаждается, чѣмъ хочетъ. Пусть упоминае-

мы съ Гедеономъ предаются роскоши и не будутъ *озлоблены въ милотехъ и козихъ кожахъ* (Евр. 11, 37.); пусть Іоаннь не изнуряетъ себя напрасно, нося одежду изъ верблюжьяго волоса; и мы не будемъ умерщвлять плоть свою въ уединеніи и стѣснять тѣла свои цѣломудріемъ. Если же тѣло вмѣстѣ съ душою участвуетъ въ подвигахъ жизни, въ цѣломудріи, въ постѣ и въ другихъ добродѣтеляхъ: то *не обидливъ Богъ* (Евр. 6, 10), чтобы лишить награды потрудившагося и не воздать мзды тѣлу, потрудившемуся вмѣстѣ съ душою. Иначе и судъ окажется неполнымъ. Ибо если душа окажется совершенно одна, то, будучи судима, она можетъ возразить, что не во мнѣ вина грѣха, но отъ того тлѣннаго и земнаго тѣла происходили блудъ, прелюбодѣяніе, развратъ; ибо съ тѣхъ поръ, какъ тѣло отдѣлилось отъ меня, я ничего такого не сдѣлала; и будетъ она права въ защитѣ и не признаетъ суда Божія. А если бы и тѣло одно Богъ привелъ на судъ (Онъ можетъ это сдѣлать, какъ и выше указано мною на основаніи словъ Іезекіиля. Хотя дѣло представлено тамъ въ притчѣ, но образъ ведетъ для аллегорическаго изображенія истины, выраженной тамъ приточно, именно какъ кость соединилась съ костью, и составъ съ составомъ, тогда какъ кости были сухія и не было въ нихъ ни души, ни движущаго духа; не смотря на то, тѣла, по слову пророка, тогчасъ соста-

вились и окрѣпли. Такъ, если Богъ захочетъ. Онъ силенъ сдѣлать то, что тѣло безъ души будетъ жить и двигаться, какъ и кровь Авеля, будучи тѣломъ, вопіяла по смерти его, а не душа, ибо кровь не есть душа, но видимое тѣло), то тѣло безъ души не можетъ быть судимо: ибо и оно также можетъ возразить, что не я грѣшило, а душа. Съ тѣхъ поръ, какъ она отрѣшилась отъ меня, вѣдь я не совершало прелюбодѣянiя, блуда и идолослуженiя? И такъ, и тѣло будетъ возражать противъ праведнаго суда Божiя—и возражать основательно. По этой-то и по многимъ другимъ важнѣйшимъ причинамъ, Богъ по своей премудрости, умершія тѣла наши приведетъ вмѣстѣ съ душами въ пакибытіе, согласно съ своимъ человеколюбивымъ обѣщаніемъ, дабы потрудившійся въ святости получилъ отъ Бога всякое доброе воздаяніе, равно какъ и творившіе суетныя дѣла были осуждены, то-есть тѣло вмѣстѣ съ душою, а душа вмѣстѣ съ тѣломъ.

*) Для большаго удостовѣренiя въ нашей будущей жизни, пришедшій во плоти и совершеннѣйшимъ образомъ вочеловѣчившійся для утвержденiя въ насъ своей вѣры, Господь, предвидя имѣющее быть въ тебѣ, Оригенъ, невѣріе и сомнѣніе у тебя и во многихъ, подобныхъ твоему невѣрiю, ересяхъ Манихеевъ и Маркіонитовъ, все дѣйствительно содѣлалъ для утвержденiя и

*) И этого отдѣленiя до 73 главы вѣтъ у Петавiя, но переводится оно по Диндорфу.

укрѣпленія вѣры въ Него и истины, исполнивъ то на Самомъ Себѣ. Ибо воскресши изъ мертвыхъ, Онъ воскресилъ съ Собою *многа тѣлеса святыхъ, и внидоша съ Нимъ во святыи градъ* (Матѳ. 27, 52. 53.), какъ и въ другихъ мѣстахъ повѣдалъ я. Не сказалъ (Евангелистъ): *воста-ша* святые, дабы не дать предлога кознямъ неблагонамѣренности, но такъ какъ естественно существуетъ сомнѣніе у невѣрующихъ, то онъ и старался объ утвержденіи знанія нашего о будущей жизни, и сказалъ: *тѣлеса святыхъ*, и не только, что Господь воскресилъ ихъ, но и что они *явишася мнозѣмъ* въ городѣ, причемъ силою Его исполнились слова: *изводя окованныя мужествомъ* (Псал. 67, 7.), то-есть, души воскресшихъ тѣлъ. Это узники крѣпости, связанные во адѣ. Еще говоритъ: *такожде преогорчевающія живущія во гробѣхъ*, то-есть тѣла воскресшихъ; не сказалъ: преогорченныя или преогорчеваемыя, но *преогорчевающія*. Ибо явившіеся многимъ въ городѣ были недавно умершіе вмѣстѣ съ давно умершими. Я думаю, что Господь началъ совершать воскрешеніе съ Адама, воскресилъ же и недавно погребенныхъ близь Него на Голгофѣ, Самъ будучи распятъ и исполняя написанное: *востани спяи и воскресни отъ мертвыхъ, и освятитъ тя Христосъ* (Ефес. 5, 14), за тебя распятый. Такъ какъ иные изъ нихъ были узнаны своими, то они прежде всего привели въ ужасъ видѣвшихъ; такъ, если какой-

нибудь отецъ встрѣтился съ сыномъ воскресшимъ, или братъ съ братомъ, или родственникъ съ родственникомъ, умершимъ лѣтъ за двадцать или за десять лѣтъ, то въ удивленіи спрашивалъ: не ты ли такой-то, погребенный нами въ такомъ-то мѣстѣ? Какъ это ты воскресъ и пришелъ? Но воскресшій въ свою очередь спрашиваетъ: что такое вы тутъ сдѣлали за три дня предъ симъ, когда земля тряслась? Тѣ говорятъ: мы схватили и распяли одного обманщика (Мат. 27. 63), именемъ Иисуса, обольщавшаго народъ, — и обманъ прекратился. Тогда тотъ исповѣдуетъ милость Господа и истину и говоритъ: горе вамъ! Начальника спасенія міра вы отверглись и распяли. Онъ воскресилъ насъ крѣпкою силою Своего Божества и челоуѣчества, и вотъ наконецъ исполнилось Божественное писаніе: *такжеде преогорчевающія живущія во гробльхъ*. Слыша отъ воскресшихъ, что они воскрешены Господомъ Иисусомъ, даже до смерти преогорчились рѣшившіеся отвергнуться *начальника жизни* (Дѣян. 3, 14, 15) и распять Его. Впрочемъ можетъ быть челоуѣколюбецъ Господь и это сдѣлалъ на пользу тѣхъ, которые видѣли воскресшихъ. Ибо мы думаемъ, что многіе, увидѣвъ воскресшихъ и пришедши въ умиленіе, получили пользу и увѣровали. Поэтому и вы, Оригенисты, увѣруйте и не погубите многихъ вашимъ заблужденіемъ.

Гл. 73. Но довольно съ меня этого для опро-

верженія Оригена вольномудрствующаго, напрасно присвоившаго себѣ имя Адамантоваго, и для опроверженія его нелѣпостей и пагубнаго ученія, которое онъ злонамѣренно измыслилъ противъ истины во многихъ частяхъ нашей вѣры. Покончивъ и съ его ересію, я по порядку буду разсматривать другія, прося, по обычаю. Бога — помощника нашего убожества, чтобы намъ быть въ силахъ противостать всякому суетному гласу, возстающему противъ истины, и побѣдить оный, по слову святаго Исаи: *всякъ гласъ, на тя возстанетъ, одолъши имъ всьмъ. повиннии будутъ же въ немъ* (Иса. 54, 17.). Такимъ образомъ, при помощи Божіей мы исполнили свое обѣщаніе желающимъ разумаго чтенія для упражненія въ истинѣ и для доставленія цѣлительнаго врачества въ видѣ противоядія противъ всякаго звѣря и ядовитаго змія, то-есть, противъ разныхъ видовъ ересеи. и этой жабы Оригенистовъ, образовавшейся отъ всякой сырости и продолжающей вскрикивать съ воплемъ и громкимъ голосомъ. Принявъ предохранительное питіе, то-есть ученіе о воскресеніи Господа, мы, такъ сказать, выплюнули прилипчивый ядъ жабы и неправду сквернаго змія. Ибо и это случилось съ нимъ со всѣми несчастными послѣдствіями; и я страдаю и въздыхаю о немъ. Увы! Сколько ты самъ потерпѣлъ вреда и сколь многимъ другимъ повредилъ! Какъ ты, укушенный страшною ехидною, то-есть мірскимъ образованіемъ, и для другихъ сдѣлался ядомъ.

Знакомые съ естественною исторіею говорятъ, что кротъ живетъ въ норѣ и рождаетъ дѣтей многихъ вдругъ: до пяти и болѣе. а ехидны ловятъ ихъ. Если ехидна найдетъ цѣлую нору, то не могши всѣхъ пожрать, съѣдаетъ для своего насыщенія одного или двоихъ. а прочимъ, выколовъ глаза, приноситъ пищу и откармливаетъ слѣпыхъ, до тѣхъ поръ пока не возьметъ и съѣстъ каждаго изъ нихъ, когда захочетъ. Если же случится найти ихъ кому-нибудь не знающему и возьметъ ихъ для употребленія въ пищу: то принимаетъ въ себя ядъ отъ нихъ, какъ напитанныхъ ядомъ ехидны. Такъ и ты, Оригенъ, ослѣпивъ свой умъ вышеуказаннымъ Еллинскимъ ученіемъ, изрыгнулъ ядъ и на довѣрившихся тебѣ и сдѣлался для нихъ ядовитою пищею, повредивъ многимъ тѣмъ же. отчего самъ потерпѣлъ вредъ. О самомъ Оригенѣ мы сказали въ предыдущихъ разсужденіяхъ, какъ онъ хулилъ Сына Божія, называя Его Богомъ созданнымъ. и сказавъ, что Онъ не можетъ видѣть Отца, что равно и Духъ Святой не можетъ видѣть Сына. и какъ онъ ложно училъ, будто душа предсуществовала и согрѣшивъ на небѣ низведена въ тѣло, и что діаволь будетъ возстановленъ въ своемъ начальствѣ. Осчастливленъ же Іоаннъ Креститель и прочіе святые тѣмъ, что они будутъ общниками его (то-есть діавола) въ царствѣ небесномъ! и что рай и воды превыше небесъ и воды подъ землею суть иносказаніе, а не дѣйствительность.

ЕПИФАНИЯ ПРОТИВЪ ЕРЕСЕЙ КНИГИ ВТОРОЙ, ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Во второмъ отдѣленіи той же второй книги, а по вышесказанному счету—въ пятомъ, въ которомъ содержится пять ересей, порядокъ слѣдующій:

1) *ересь Павла Самосатскаго*. Онъ утверждаетъ, что Христа почти нѣтъ въ дѣйствительности, вообразивъ, что Онъ есть произносимое устами слово, но былъ и здѣсь отъ Маріи; сказанное о Немъ въ Божественныхъ писаніяхъ было возвѣщено пророчески, но Онъ не существуетъ, а являлся здѣсь отъ Маріи со времени воплощенія.

2) *Манихеи*, они же и Акуаниты, ученики Перса Манеса. Они называютъ Христа призракомъ, почитаютъ солнце и луну; молятся звѣздамъ, силамъ и демонамъ; вводятъ два начала—злое и доброе, всегда существующія. Говорятъ, что Христось призрачно явился и мнимо пострадалъ. Ветхій Завѣтъ и Бога въ немъ глаголавшаго хулятъ. О мірѣ же утверждаютъ, что не весь онъ, но часть его произошла отъ Бога.

3) *Иеракиты*—отъ Иеракса изъ Леонтополя Египетскаго, какого-то учителя, отвергавшаго воскресеніе плоти. Они употребляютъ ветхій и

новый завѣтъ и совершенно отвергаютъ бракъ, но принимаютъ монашествующихъ и дѣвственницъ, воздержниковъ и вдовствующихъ, а о дѣтяхъ, еще не достигшихъ зрѣлаго возраста, говорятъ, что они не причастны царствію, потому что не подвизались.

4) *Мелетіане*, составляющіе въ Египтѣ расколъ, а не ересь; они не молились вмѣстѣ съ падшими во время гоненія; а теперь соединились съ Аріанами.

5) *Аріане*, они же и Аріоманиты. Они называютъ Сына Божія тварію,—а Духа Святаго тварію твари; утверждаютъ, что Спаситель принялъ отъ Маріи только плоть, а не душу. Былъ же этотъ Арій пресвитеръ Александра, Епископа Александрійскаго.

Вотъ перечень пяти ересей втораго отдѣленія второй книги, а отъ начала по порядку пятаго.

О ПАВЛѢ САМОСАТСКОМЪ, СОРОКЪ ПЯТОЙ, А ПО ОБЩЕМУ ПОРЯДКУ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТОЙ ЕРЕСИ.

Гл. 1. Павель, называемый Самосатскимъ, появился и слѣдуетъ за Новатомъ и Оригеномъ, въ послѣдствіи причисленнымъ къ еретикамъ, за то, что онъ возмечталъ о себѣ высоко, возсталъ противъ истины тщеславнымъ своимъ пустословіемъ и мыслию, поколебленной діаволомъ. Его должно оплакивать, какъ по истинѣ

завистію діавола отпадшаго и падшаго съ вы-
соты; ибо на немъ исполняется сказанное: *ра-
ченіе злобы намрачаетъ добрая, и пареніе по-
хоти премъняетъ умъ незлобивъ* (Прем. 4, 12).
И такъ этотъ, о которомъ намъ слѣдуетъ го-
ворить въ нашемъ изложеніи, Павелъ Само-
сатскій, имя котораго въ началѣ мы упомянули,
и объ ереси котораго составляемъ рассказъ,
былъ изъ Самосать,—города, находящагося въ
предѣлахъ Месопатаміи и Евфрата. Въ это
время, во дни императоровъ Авреліана и Проба,
онъ поставляется епископомъ святой католиче-
ской церкви Антиохіи. Но вознесшись умомъ
отпалъ отъ истины и возобновилъ ересь Арте-
мона, который жилъ за много лѣтъ прежде и
сгибъ.

Павелъ говоритъ, что Богъ Отецъ и Сынъ
и Св. Духъ есть единый Богъ; а всегда сущее
въ Богѣ Слово Его и Духъ Его есть, какъ въ
сердцѣ человѣка его собственное слово. Сынъ
Божій не имѣетъ бытія ипостаснаго, но въ Са-
момъ Богѣ, именно какъ учили и Савелій, Новатъ,
Нозъ и другіе. Однакожь этотъ не одинаково
съ ними училъ, а иначе, чѣмъ они. Слово будто
бы пришло и вселилось въ Иисусѣ, истинномъ
человѣкѣ. И такимъ образомъ, говоритъ онъ,
Богъ есть одинъ, и Отецъ не Отецъ, и Сынъ
не Сынъ, и Святой Духъ не Святой Духъ, но
одинъ Богъ Отецъ, а Сынъ Его въ Немъ, какъ
слово въ человѣкѣ. Въ защиту своей ереси

онъ выставляетъ на видъ свидѣтельства Писанія, именно слова Моисея: *Господь Богъ твой. Господь единъ есть.* (Втор. 6, 4). Онъ не говоритъ согласно съ Ноемъ, что Отецъ пострадалъ, но говоритъ, что Слово, пришедши, дѣйствовало одно и возшло къ Отцу; и много у него нелѣпаго.

Гл. 2. Посмотримъ же, окажутся ли состоятельными слова этого обольщеннаго. Онъ говоритъ, что Христось сказалъ: *Азъ во Отца и Отецъ во Мя* (Иоан. 14, 10). И мы сами говоримъ, что Богъ Слово отъ Отца, и съ Нимъ всегда существуетъ, отъ Него будучи рожденъ, но не говоримъ, что Отецъ существуетъ безъ Слова ипостаснаго. Но Слово Отца, Единородный Сынъ есть Богъ Слово, какъ говоритъ Христось: *всякъ уже исповѣсть Мя, исповѣлъ его, и Азъ предъ Отцемъ Моимъ* (Мат. 10, 32). Выраженіе: *Мя предъ Отцемъ Моимъ* указываетъ на Отца, ипостаснаго по естеству. Но послѣдователи Самосатекаго, искажая Іудейство и ничего больше въ сравненіи съ Іудеями не имѣя, должны быть названы вторыми Іудеями и Самосатянами; они не что иное, какъ Іудеи, и предъ ними имѣютъ только преимущество въ имени. Ибо отрицая у Бога Бога Сына Единороднаго и Слово, они таковы же, какъ и тѣ, которые отверглись Его во время Его пришествія, сдѣлались убійцами Бога и Господа и отрекшимися Бога. Правда впрочемъ, что они

ни обрѣзанія не имѣють. ни субботъ не хранятъ, ни всего другаго, какъ Іудеи.

Гл. 3. Дѣйствительно мы и сами не говоримъ, что существуютъ два Бога, или Божества, но едино божество. поелику не говоримъ, что два Отца, или два Сына. или два Духа Святыхъ; но Отецъ и Сынъ и Св. Духъ едино Божество, едино достославимое. А онъ говоритъ, что Богъ одинъ не потому, что Отецъ есть источникъ, но что Богъ вообще одинъ, уничтожая симъ, на сколько ему можно, божественность и ипостасность Сына и Св. Духа, и признавая самаго Отца единымъ Богомъ; никогда не раждавшимъ Сына, такъ что Отецъ и Сынъ оба не совершенны: Отецъ не раждаетъ Сына, и Слово Бога живаго и истинной премудрости безплодно. Они думаютъ, что Слово таково же, каково оно въ сердцѣ, и что мудрость такова же, какъ въ душѣ человѣка, какую имѣетъ каждый, стяжавшій отъ Бога разумѣніе. Посему они говорятъ, что Богъ вмѣстѣ съ Словомъ есть одно Лице, какъ человѣкъ одинъ и его слово, ничего, какъ я сказалъ, не думая болѣе Іудеевъ, слѣпотствуя въ виду истины и глухіе къ Божію слову и къ проповѣди о жизни вѣчной. Они не стыдятся истиннаго слова Евангельскаго, которое говоритъ: *въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово. Вся Тьма быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть.* (Іоан. 1, 1, 3). Ибо если *въ началѣ бѣ Слово*

и Слово бѣ къ Богу, то значить оно существовать не по произношенію только, но по ипостаси. И если *Слово бѣ у Бога*, то уже не Слово Тотъ, у Котораго оно было, потому что Тотъ, у Котораго оно было, не есть Слово. Если Онъ имѣетъ Бога Слово въ сердцѣ и притомъ нерожденное, то что значить реченіе: *бѣ* и что *Богъ бѣ Слово*? Ибо слово человѣческое не есть человѣкъ у человѣка; оно ни живетъ, ни существуетъ лично, а есть только движеніе сердца живущаго и самостоятельно существующаго, но не личное существо. Ибо вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ произносится, тотчасъ уже его нѣтъ, но говорящій пребываетъ: Слово же Божіе, какъ говоритъ Св. Духъ устами пророка, *Слово Твое во вѣкъ пребываетъ* (Псал. 118, 89). Согласно съ симъ говоритъ и Евангелистъ, исповѣдуя Бога явившагося и пришедшаго, но не присокупляя Отца къ воплощенію Слова. Ибо говоритъ: *Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14), а не сказалъ Слово и Отець плоть бысть. И еще говоритъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово*, а не сказалъ: въ Богѣ было Слово.

Гл. 4. И чтобы нѣкоторые не стали злонамѣренно думать, ясныя и живыя выраженія превращая на зло себѣ и ко вреду (ибо въ разнообразныхъ видахъ открывается, что *прилежитъ* сердце *человѣка прильжно на злая отъ юности*. Быт. 8, 21), и не начали гово-

рить: Евангелистъ не сказалъ: въ Богѣ *бъ Слово*, какъ и ты говоришь, но *Слово бѣ у Бога*: значить, Слово не есть изъ ипостаси Отца, но Слово внѣ Бога,—для того истина обращаетъ ихъ вспять. руководя на правый путь сыновъ своихъ и избличая мысли, отъ пути ея заблуждающія, и самъ Единородный говоритъ: *Азъ отъ Отца изыдохъ* и гряду (Іоан. 16. 28); *Азъ во Отца и Отецъ во мнѣ* (14, 10). Глаголавшій во пророцѣхъ о Сынѣ, не имѣя въ себѣ ничего тѣлеснаго, но имѣя слова духовныя, снисходя къ немощи человѣчества, для осязательности представленія о Сынѣ, обращается къ тому, что бываетъ съ нами, чтобы изобразить, что отъ Него истинно родился Богъ отъ Бога, Богъ истинный отъ Бога истиннаго, не внѣ существующій, но отъ его существа,— и говоритъ у Давида слѣдующія слова: *изъ чрева прежде денницы родихъ тя* (Пс. 109. 3), какъ перевели семдесятъ. А другія переводчики, напримѣръ, Акила: отъ чрева утревавшаго тебѣ роса юношества твоего. Симмахъ: какъ въ утро росы юность твоя. Θεοδοτιώνъ: изъ чрева отъ ранней юности твоей. Пятое же изданіе: изъ чрева отъ утра тебѣ роса въ юности твоей. Шестое изданіе: отъ чрева будутъ искать тебя роса юношества твоего. А въ Еврейскомъ: *μηρέμ μεβαάρ λαχτάλ ιελεδεχέθ*, что ясно и несомнѣнно значить: *изъ чрева прежде денницы родихъ тя*. Ибо слово: *μηρέμ* значить изъ чрева;

μεσοιαι же—что раньше всего, что прежде денницы; *λακτολ*—и прежде росы, дитя; *ιελεδεχεδ* значить: *родихъ тѣя*. Это для того, чтобы ты изъ этого слова позналъ, что ипостасный Богъ Слово рождень отъ Отца по естеству, безначально и довременно, прежде, чѣмъ что либо было. Ибо не звѣзду утреннюю исключительно разумѣль здѣсь подъ именемъ звѣзды, хотя много звѣздъ произошло въ четвертый день, а также солнце и луна, но еще прежде произошли деревья и плоды, твердь, земля и небо, и вмѣстѣ съ сими произошли Ангелы. Ибо если бы не вмѣстѣ съ небомъ и землею были сотворены и Ангелы, то не сказалъ бы Богъ Іову: *егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша мя гласомъ вси Ангели мои* (Іов. 38, 7). И такъ слово: *прежде денницы*—поставлено для того, чтобы имъ выразить: прежде бытія чего либо и сотворенія. Ибо Слово всегда было съ Отцемъ, такъ какъ *вся тѣмъ быша и безъ него ничто же бысть* (Іоан. 1, 3).

Гл. 5. А можетъ быть скажетъ кто либо: ты доказалъ, что Ангелы существуютъ прежде звѣздъ, между тѣмъ говоришь, что они произошли въ одно время съ небомъ и землею. Почему ты сдѣлалъ такое показаніе,—скажи намъ. Вообще не прежде ли неба и земли они произошли? Ибо нигдѣ Писаніе ясно не обозначаетъ времени сотворенія Ангеловъ. Доказалъ ты хорошо, что они существуютъ прежде

звѣздъ. Ибо если бы ихъ не было, то какъ бы они восхалали Бога, при сотвореніи звѣздъ?— А мы всякое рѣшеніе вопроса можемъ высказывать не отъ собственныхъ соображеній, но на основаніи Писанія. Ибо Слово Божіе ясно даетъ знать, что и не послѣ звѣздъ произошли Ангелы и не прежде неба и земли. такъ какъ очевидно непреложно сказанное. что прежде неба и земли не было ничего сотвореннаго; что *въ началъ сотвори Богъ небо и землю* (Быт. 1. 1), когда было начало творенія и прежде того не было ничего сотвореннаго.

И такъ находящееся въ человѣкѣ слово не можетъ, какъ я прежде сказалъ, быть названо человѣкомъ, но словемъ человѣка. Если же Слово Божіе есть Богъ, то Оно не есть неипостасное слово, но ипостасный Богъ—Слово, отъ Бога рожденное безначально и довременно; ибо *слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу его, славу яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины. Иоаннъ свидѣтельствуетъ о Немъ, и воззва глаголя: сей бѣ, его же рѣхъ, иже по мнѣ грядый, предомною бысть, яко первѣ мене бѣ* (Іоан. 1, 14. 15) Онъ пришелъ въ міръ. *да спасетъ ны* (3, 17). *Въ міръ бѣ и міръ тѣмъ бысть, и міръ его не позна* (1, 10). Видишь ли Единородное Слово? Видишь ли, что полнымъ (благодати истины) Оно является въ мірѣ между людьми и имѣетъ полную славу Единороднаго

отъ Отца? Не такъ, какъ бы Отецъ былъ Словомъ; не такъ какъ бы Отецъ явился соединеннымъ съ Словомъ. какъ человекъ является вмѣстѣ съ своимъ словомъ, и слово его не можетъ явиться. если не будетъ вѣщающаго слово. И такъ чему я повѣрю? Съ чѣмъ соглашусь? Отъ кого получу жизнь въ ученіи? Отъ святыхъ ли и Духоносныхъ Евангелистовъ. сказавшихъ о Словѣ, посланномъ отъ Отца, или отъ этихъ послѣдователей Павла Самосатскаго. которые говорятъ. что Богъ вмѣстѣ съ Словомъ и Слово вмѣстѣ съ Богомъ, которые утверждаютъ, что у Отца съ Словомъ и у Слова съ Отцемъ одно лице? Если же одно лице. то такимъ образомъ одинъ посылаетъ. а другой посылается? Ибо послешъ, говоритъ пророкъ. *слово и истаетъ я: дхнетъ духъ его, и потекутъ воды* (Псал. 147, 7). И еще: *Азъ изыдохъ отъ Отца* и гряду (Іоан. 16. 28); и *Азъ живу* и живетъ во мнѣ пославшій меня Отецъ (6. 5. 7). Какимъ же образомъ посланный посылается и является во плоти? Ибо *Бога никто же видѣ нигдѣ же Единородный Богъ *) сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда* (Іоан. 1. 18). Говоритъ: *Единородный Богъ*; ибо Слово рождено отъ Отца, а Отецъ не рожденъ. посему Единородный есть Сынъ.

Гл. 6. Божественное вѣденіе восхотѣло проповѣдать истину свою, по своему предвѣденію.

*) Такое слово встрѣчается въ нѣкоторыхъ весьма древнихъ спискахъ Евангелія, между прочимъ въ Синайскомъ IV вѣка

для охраненія нашихъ душъ; поелику оно знало безуміе Самосатскаго, и зломысліе Аріанъ, и злодѣяніе Аномеевъ и паденіе Манихеевъ, и злоухищреніе прочихъ ересей; то посему божественное слово и охраняетъ насъ относительно каждаго реченія; Отца не называетъ оно едиnorodнымъ. Ибо какимъ образомъ едиnorodенъ нерожденный? А Сына называетъ едиnorodнымъ, дабы Сынъ не былъ сочтенъ за Отца и дабы Богъ Слово не былъ унодобленъ слову въ сердцѣ человѣка. Ибо если называется словомъ, то называется для того, чтобы не подумалъ кто либо, будто Онъ чуждъ сущности Бога Отца, и Слово не есть безличное, но иностасное, потому что оно *едиnorodный исполнъ благодати и истины*. Видишь ли, сколь многое служить къ утвержденію нашей жизни? Посему слова: *Бога никто же видѣ нигдѣ же*—имѣють цѣлію означить невидимость Отца и божества Его, и подтвердить собственное божество Сына, являющееся во плоти.

Сколько же еще и кромѣ этого въ подкрѣпленіе намъ можно собрать и представить противъ безумія Самосатскаго? Если Сынъ былъ во Отцѣ, какъ слово въ сердцѣ человѣка, то какъ Онъ явился вѣщающимъ Отъ Своего лица? Во время бесѣды съ своими учениками, Онъ говоритъ: *видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9). Не сказалъ: Я Отецъ; но слово: *мене* означаетъ: во Отцѣ. И не сказалъ: Я—онъ;

но: *Азъ придохъ во имя Отца Моего* (5, 43), *И: Онъ есть свидѣтельствующій о Мнѣ* (5, 32, 37). И еще говорить о Духѣ Святомъ: *иного утѣшителя пошлю вамъ* (14, 16—15, 26). Смотри, какъ употребляетъ слова: *послетъ, иного, азъ*, дабы показать, что Отецъ имѣетъ личное бытіе и Духъ Святой имѣетъ личное бытіе. *Онъ Мя прославитъ*, говорить о Святомъ Духѣ, *яко отъ Моего приметъ* (16, 14). И о какомъ Духѣ говорить? *Иже отъ Отца исходитъ, и отъ Моего приметъ*. Кромѣ того говорить: *двоихъ чловѣковъ свидѣтельство* станеть, и *Азъ свидѣствую о Мнѣ, и свидѣтельствуетъ о Мнѣ посланный Мя Отецъ* (8, 17, 14, 18). А сколько еще другихъ свидѣтельствъ и кромѣ этихъ? Вотъ Онъ говорить: *исповѣдаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ. Ей Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ тобою. Вся мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ, и никтоже знаетъ Сына токмо Отецъ; ни Отца кто знаетъ токмо Сынъ, и ему же аще Сынъ откроетъ* (Мат. 11, 25—27) Слова: *открылъ еси младенцемъ* и *вся мнѣ предана суть Отцемъ Моимъ* сказалъ для того чтобы пресѣчь вымышленную чуждую рѣчь ихъ.

Гл. 7. Но посмотри, что дѣволъ, всегдашній противникъ рода чловѣческаго, породилъ въ нихъ, такъ что они говорятъ по дѣвольскому внушенію. Противъ сего защищаютъ себя эти

служители ереси Іудейской, устыждаемые яснымъ руководственнымъ ученіемъ божественныхъ Евангелій, чтобы не показаться имъ совершенно противодѣйствующими истинному разумѣнію Евангелія. Они говорятъ, что Іисусъ былъ человѣкъ и Его вдохновило Слово свыше. И что говоритъ Онъ о Себѣ, то говоритъ, какъ человѣкъ. Ибо Отецъ вмѣстѣ съ Сыномъ—Одинъ Богъ, а человѣкъ обнаруживаетъ собственное лице въ томъ, что Онъ *отъ нижнихъ* (Іоан. 8, 23). И такимъ образомъ образуются вполнѣ два лица. Но какъ же человѣкъ можетъ быть Богомъ, о глупѣйшій изъ всѣхъ людей и отчуждившійся умомъ отъ небеснаго разумѣнія? Какъ можетъ быть по твоему простымъ человѣкомъ тотъ, который говоритъ: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. 14, 9)? Ибо если человѣкъ таковъ же, какъ Отецъ, то Отецъ нисколько не отличается отъ человѣка. Если же Богъ Слово, совершенный, какъ человѣкъ, есть вмѣстѣ совершенный Богъ свыше отъ Отца рожденный, то Онъ справедливо и ясно глѣщаетъ о себѣ говоря: *видѣвый Мене видѣ Отца*, какъ и Іудеи говорятъ о Немъ. Ибо говорятъ: *искажу убити Его* не только за то, что онъ это дѣлалъ, но и за то, что называлъ себя Сыномъ Божіимъ, говоря, что Онъ равенъ Богу (Іоан. 5, 18). И еще: говоря: *видѣвый Мене видѣ Отца*, Онъ называетъ Отца Богомъ, равнымъ себѣ. А человѣкъ не равенъ Богу и не

таковъ какъ Богъ, но такъ воистинну рожденный отъ Бога Отца, Богъ Сынъ Единородный; ибо Павелъ говоритъ о немъ: *уже во образъ Божіи сый не восхищеніемъ нещевая быти равенъ Богу, но себе умалилъ, зракъ раба пріимъ* (Фил. 2, 6). Былъ *во образъ*, сказано о Немъ, какъ о Богѣ, а *зракъ раба* называетъ принятымъ отвнѣ, и не сказалъ, что онъ когда либо принадлежалъ ему. Часто впрочемъ и по человѣчески бесѣдуетъ Спаситель нашъ и Господь Іисусъ Христосъ, Богъ Слово, и часто сообразно съ человѣческими ощущеніями, вѣщаетъ, но не тогда, когда говоритъ: *изыдохъ отъ Отца* Моего и гряду (ибо сіе не можетъ быть сказано со стороны человѣческой природы),—а тогда, когда справедливо свидѣтельствуется, говоря: *еще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство мое нѣсть истинно* (Іоан. 5, 31), дабы показать свое вочеловѣченіе. Напротивъ со стороны Божества говоритъ: *еще Азъ свидѣтельствую о себѣ, истинно есть свидѣтельство мое* (8, 14), чтобы показать истинное божество и истинное вочеловѣченіе.

Гл. 8. И такъ не два Бога, потому что не два Отца; и ипостась Слова не уничтожается, потому что нѣтъ никакого примѣшенія божества Сына къ Отцу. Сынъ не инаго существа съ Отцемъ, но единосущенъ Отцу. Онъ не можетъ быть инаго существа съ родившимъ, Онъ и не тождесущенъ, но единосущенъ. Но опять

мы не говоримъ, что Онъ не одинъ и тотъ же по существу съ Отцемъ. Ибо по божеству и по существу Сынъ тотъ же со Отцемъ, а не инаковъ сравнительно съ Отцемъ, и не отъ иной ипостаси, но точно Сынъ Отца по существу и по ипостаси, и по истинѣ. Но Отець не есть Сынъ, и Сынъ не есть Отець, но Сынъ, истинно отъ Отца рожденный. Посему и не два Бога, и не два Сына, и не два Духа Святыхъ, но едино Божество Троица единосущная, Отець, Сынъ и Св. Духъ. Когда ты скажешь: единосущная, это не означаетъ смѣшенія. Ибо единосущное не означаетъ одного, и не раздѣляетъ существа истиннаго Сына относительно Отца и не отчуждаетъ ипостась для сохраненія единосущія. Ибо не два начала проповѣдуетъ божественное слово, но одно начало. *Соберутся*, говорить, домъ Іудинъ и домъ Израилевъ *и поставятъ себѣ власть едину* (Осіи 1, 11). И такъ проповѣдующій два начала проповѣдуетъ двухъ боговъ, и отрицающій Слово и ипостась Его обнаруживаетъ Іудейство. Ибо Маркіонъ допускаетъ два начала, или лучше три, противныя одно другому. Новые же Іудеи, эти Самосатяне, уничтожаютъ ипостась Слова, почему и они оказываются Господоубійцами и съ отрицаніемъ Бога отрицаются спасенія отъ Господа нашего.

Итакъ начало одно, и Сынъ отъ него точный образъ, естествомъ отображающій своего

Отца и сходный съ Нимъ во всѣхъ отноше-
 нияхъ, потому что Онъ Богъ отъ Бога, и Сынъ
 отъ Отца, Богъ истинный отъ Бога истиннаго,
 и свѣтъ отъ свѣта, едино божество и едино
 достоинство. Почему и говорить: *сотворимъ*
человѣка по образу нашему и по подобію (Быт.
 1. 26), а не по твоему образу, дабы не было
 раздѣленія; и не по моему образу, дабы не об-
 наружить неподобія и неравенства: но *по об-*
разу нашему; и сказано: *сотворимъ*, дабы Отець
 не былъ чуждъ того, что произошло отъ Него,
 ни Единородный не былъ чуждъ творчества.
 Но Отець творить вмѣстѣ съ Сыномъ и Сынъ,
иже вся быша, есть Творецъ вмѣстѣ съ От-
 цемъ, и потому что Сынъ рожденъ отъ Него,
 Онъ есть единъ Богъ совершенный, отъ совер-
 шеннаго Отца, и единъ совершенный Отець
 совершеннаго Сына, имѣющаго образъ Отцаго
 совершенства, образъ Бога невидимаго, не по-
 добіе образа, не образъ образа, не несходный,
 но образъ Отца, дабы показать по истинѣ не-
 преложность рожденія отъ безначальнаго и
 вѣчнаго.

Итакъ Сынъ есть образъ Отца. Но и цари
 оттого, что имѣютъ образъ, не становятся дву-
 мя царями, но одинъ царь съ своимъ образомъ;
 одинъ царь, и не то, чтобы какая либо одна
 изъ двухъ частей была не совершенна, но со-
 вершенъ Отець, совершенъ Сынъ, совершенъ
 Духъ Святой. Ибо *Азъ во Отцѣ*, не какъ сло-

во въ сердцѣ чловѣка, но мы знаемъ Отца мыслимаго вмѣстѣ съ Сыномъ и Сына, рожденнаго отъ Отца. И Слово Божіе пришло въ чловѣка, не какъ въ жилище; и Слово явилось въ немъ не послѣ рожденія, и потомъ будто бы опять существуетъ горѣ въ Богѣ такъ, какъ слово въ сердцѣ чловѣка. Ибо это свойственно демонскому безумію и имѣеть признаки совершенно Богоотрицанія.

Гл. 9. Разсуждая, что этого не многого достаточно для опроверженія его ереси; ибо не непобѣдима сила его и не такова, чтобы всякій разумный чловѣкъ не могъ ее опровергнуть; посему и корни терній сего еретика отѣкши проповѣданіемъ истины и разсужденіемъ, и ядъ, такъ сказать, потушивши, и доказавъ его вредность, мы, призвавъ на помощь вмѣстѣ съ Сыномъ Отца, истинно сущаго, и Сына, рожденнаго истинно ипостаснымъ, и Св. Духа Его, Духа ипостаснаго и спасительнаго въ домостроительствѣ и въ дѣлѣ воплощенія, сокрушивши, говорю, крестомъ, трофеемъ надъ смертію, главу возбудителя этого вопроса новыхъ Іудеевъ, перейдемъ, возлюбленные! къ послѣдующему.

Одна эхидна, такъ называемая дрїина, похожа на этого ересіарха; говорятъ, что дрїина скрывается постоянно въ травѣ или въ дубахъ: почему и называется дрїиною (отъ *δρῦς* дубъ) отъ того, что она любитъ деревья и находясь среди опадающихъ съ деревьевъ листьевъ, под-

ходить къ зеленожелтому цвѣту листа. Хотя и не столь сильную боль причиняетъ это животное, но если ядъ его долго остается въ тѣлѣ, то причиняетъ смерть. Такъ и Павелъ Самосатскій и ересь его принимаетъ на себя подобное множество другихъ лжеученій; онъ облечся во имя Христова, но принялъ мудрованіе Іудеевъ; исповѣдуетъ Христа Словомъ, но разсуждаетъ о Немъ, какъ о не сущемъ. И во многихъ случаяхъ онъ не стыдится выводить себя на показъ. Его мнимое ученіе, а въ сущности заблужденіе. низложивши въ подножіе Христова, и врачбнымъ ножемъ Евангелія сдѣлавъ надсѣчку уязвленнымъ и извлекши ядъ изъ нихъ, перейдемъ, какъ я сказалъ выше, къ слѣдующему разсужденію.

ПРОТИВЪ МАНИХЕЕВЪ, ЕРЕСИ СОРОКЪ ШЕСТОЙ, А ПО
ОБЩЕМУ ПОРЯДКУ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

Гл. 1. Манихеи называются еще Акуанитами. отъ нѣкогого Ветерана, именуемаго Акуемъ, который пришелъ изъ Мессопотамии, и принесть въ Елевѣрополь дѣйствіе этого яда. Что касается до времени ихъ жизни, то они проповѣдали великое зло міру, послѣ возстанія Савеллія. Они появились во времена императора Авреліана около четвертаго года его царствованія. Ересь эта, возбудившая весьма много толковъ и извѣстная во многихъ странахъ земли, какъ я сказалъ, начала распространяться отъ нѣкогого Манеса.

Этотъ Манесь, сперва называвшійся Кубрикомъ, вышелъ изъ земли Персидской, самъ себѣ давъ имя Манеса, можетъ быть, какъ я думаю, по смотрѣнію Божію усвоивъ себѣ это имя, наводящее на мысль о безуміи (*Μανῶδες*—Манесь), тогда какъ самъ онъ думалъ, что возложилъ на себя такое имя, которое на языкѣ Вавилонянъ значитъ: сосудъ. Ибо *Μάνη*, въ переводѣ съ Вавилонскаго на Греческій, выражается словомъ: *οὄζος*, сосудъ. Но какъ показываетъ истина,

онъ пріобрѣлъ наименованіе безумія за то злоученіе, которое онъ, жалкій человѣкъ, горячо взялся разсѣивать въ мірѣ. Этотъ Кубликъ былъ рабомъ одной вдовы, которая умерши бездѣтною, оставила ему невообразимое множество денегъ, золота, серебра, ароматовъ и другаго. А сама она получила наслѣдство отъ нѣкого Тервина, который и самъ былъ рабомъ, но переименованъ на Ассирійскомъ языкѣ Буддою; этотъ и самъ былъ рабомъ нѣкого Скиѳана, вышедшаго изъ земли Сарацинской, но воспитаннаго на границахъ Палестины, т. е. въ Аравіи. Этотъ Скиѳанъ, изучивши въ вышесказанныхъ мѣстахъ языкъ Еллиновъ и литературу, сдѣлался силенъ въ пустыхъ мірскихъ мудрованіяхъ. Постоянно будучи отправляемъ въ путешествія въ страну Индійцевъ для торговаго дѣла, онъ завелъ большую торговлю. Велѣдствіе сего онъ много нажилъ въ мірѣ, и проходилъ даже чрезъ Тиваиду; ибо на Черномъ морѣ есть разныя пристани, которыми можно дойти до предѣловъ Римскихъ; одна при Элѣ, которая въ божественномъ Писаніи называется Элонъ (Втор. 2, 8). Сюда корабль Соломоновъ, ходившій черезъ три года, доставлялъ золото и слоновыя зубы, ароматы, павлиновъ и другіе предметы. А другая пристань при Кастрѣ въ заливѣ. Третья пристань выше, при такъ называемой Вереникѣ, чрезъ которую, такъ называемую Веренику, ѣдутъ въ Тиваиду

и товары. приходящіе изъ Индіи. тамъ въ Оивайдѣ развозятся, — или въ Александрію по рѣкѣ Хрисоррою (т. е. Нилу), въ писаніяхъ называемой и Геономъ, — и отправляются во всю землю Египетскую и въ Пелузію. Такимъ образомъ, проѣзжая моремъ въ другія страны, отправляющіеся изъ Индіи приходятъ съ товарами въ Римскую область.

Гл. 2. Я постарался передать это въ точности по долгу исторіи. дабы желающіе узнать не остались въ невѣденіи о корняхъ каждой секты. Ибо приступающему къ какому либо повѣствованію должно употребить возможные усилія и съ корня вести дѣло. Чрезъ это повѣствователь доходитъ до истины, хотя бы и не имѣлъ изящества слога и краснорѣчія и люди разумные будутъ удовлетворены въ своихъ требованіяхъ отъ истинной исторіи. — И такъ съ начала этотъ Скиѳіанъ, надмѣнный великимъ богатствомъ и пріобрѣтеніемъ пряностей и другихъ вещей изъ Индіи пришедши въ Оивайдъ. въ городъ называемый Ипсела. нашель тамъ погибшую женщину. извѣстную красотою тѣлесною и, плѣнившись ею по глупости. взялъ ее изъ публичнаго дома (ибо она занималась публично непотребствомъ). сблизился съ этою женщиною и, освободивши ее. сочетался съ нею бракомъ. Прошло много времени; этотъ развратникъ не умѣлъ сдержатъ себя отъ неумѣренности въ сладострастіи. но какъ

праздныи и привыкшій ко злу отъ чрезмѣрной привязанности къ наслажденію, выдумалъ наконецъ въ своемъ умѣ возвѣстить міру несслыханное; уча не на основаніи божественнаго Писанія и вѣщанія Св. Духа, но на основаніи жалкихъ умствованій человѣческой природы, онъ измыслилъ такія рѣчи: по какой причинѣ во всемъ окружающемъ насъ твореніи существуетъ неравенство, именно: черное и бѣлое, красное и зеленое, влажное и сухое, небо и земля, ночь и день, душа и тѣло, доброе и злое, справедливое и несправедливое. Это потому, конечно, что все состоитъ изъ двухъ какихъ-то началъ. А діаволь, усиленно воюющій противъ человѣческой природы, породилъ въ умѣ его то дикое мудрованіе, чтобы признавать не сущее и отрицать сущее,—дабы возбудить борьбу въ мысляхъ людей оболъщенныхъ, которые думаютъ, что есть нѣчто кромѣ Сущаго. и чтобы все произвести, такъ сказать, отъ двухъ корней или двухъ началъ. что всего нечестивѣе и гибельнѣе. Но объ этомъ я скажу послѣ. Такъ мудрствовалъ относительно этого ослѣпленный умомъ. вышеупомянутый Скиѳіанъ, заимствовавъ поводы къ тому у Пифагора, и составилъ четыре книги; одной далъ названіе: *тайны*, другой—*главы*, третьей—*Евангеліе*, четвертой—*сокровища*; въ нихъ онъ представляетъ сочетаніе двухъ личныхъ началъ равновѣсныхъ и равносильныхъ. во всякомъ отношеніи. Съ такими убѣжденіями

и съ такимъ дѣленіемъ на части, онъ, несчастный, мечталъ, будто сдѣлалъ какое нибудь великое открытіе въ жизни. И подлинно великое зло открылъ онъ, въ жизни для себя самаго и для увлеченныхъ имъ въ заблужденіе.

Гл. 3. Когда этотъ человѣкъ былъ въ такихъ мысляхъ, и услышалъ, какъ пророки и законъ возвѣщали о сотвореніи міра и объ Единомъ и о Единовластителѣ, всегда существовавшемъ и не перестающемъ существовать т. е. объ Отцѣ и Его Сынѣ и Св. Духѣ, тогда увлекаемый какимъ то чрезвычайнымъ удовольствіемъ, и въ то же время издѣваясь по грубости своего ума, и движимый сильнымъ стремленіемъ предпринялъ путешествіе въ Іерусалимъ — это было около временъ Апостольскихъ — чтобы тамъ разсуждать съ проповѣдующими о единоначаліи и твореніяхъ Божіихъ. Пришедши туда, несчастный началъ спорить съ тамошними старѣйшинами, живущими сообразно съ закономъ Божіимъ, даннымъ Моисею, и съ пророческимъ ученіемъ каждаго пророка: „какъ вы говорите, Судто Богъ одинъ, который сотворилъ ночь и день, плоть и душу, сухое и влажное, небо и землю, тьму и свѣтъ“? А они ясно доказывали ему: ибо истина не сокрыта. Однако же противорѣчащій не усрачился. Не могши имѣть никакого успѣха, онъ тѣмъ не менѣе водился безстыдствомъ упорства. Когда же не могъ ничего сдѣлать, но скорѣе потерпѣлъ пораженіе, то

при помощи волшебныхъ книгъ, которыя у него были (ибо онъ былъ и чародѣй, знакомы съ мудростію Индійцевъ и Египтянъ и съ баснословіемъ язычниковъ и промышлялъ страшнымъ и гибельнымъ искусствомъ волхвованія), задумалъ представить какой-то фокусъ, взошелъ на крышу дома, и сколько ни старался, ничего однако не могъ сдѣлать, но, упавши съ дома, окончилъ жизнь. А жилъ онъ тамъ довольно лѣтъ. Онъ имѣлъ при себѣ одного только ученика, вышеупомянутаго Тервинѳа, которому и передалъ все свое, какъ самому вѣрному и преданному товарищу. Тервинѳъ, по смерти Скиѳіана, хоронитъ его самымъ почетнымъ образомъ и похоронивши рѣшается не возвращаться къ той женщинѣ, которая, отказавшись отъ блуда или отъ рабства, уже сочеталась съ Скиѳіаномъ, но взявши все свое имущество, золото и серебро и прочее, убѣгаетъ въ страну Персовъ, перемѣнивъ свое имя, чтобы не быть схваченнымъ, и вмѣсто Тервинѳа, какъ выше у меня сказано, принимаетъ имя Будды. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не оставилъ доставшагося ему по преемству дурнаго наслѣдства, именно четырехъ книгъ Скиѳіана и занятія магіею и колдовствомъ. Ибо и онъ былъ весьма старательно обученъ извѣстнымъ наукамъ. Но когда сталъ разглагольствовать въ странѣ Персовъ, поселившись у одной старухи вдовы, и вступилъ въ споръ о двухъ началахъ съ служителями при храмѣ

Миѳры и жрецами идола, съ какимъ-то пророкомъ Паркомъ и Лавдакомъ, и не могъ оспорить даже главныхъ представителей идолослуженія, но пораженный отъ нихъ обличеніемъ и потерпѣвъ стыдъ, задумалъ подобное вышеупомянутому Скиѳіану, взошелъ на крышу дома, рѣшившись колдовствомъ сдѣлать то, чтобъ ему никто не противорѣчилъ, но пораженный Ангеломъ упалъ внизъ и такъ умеръ за то, что хотѣлъ покуситься на чародѣйство. Старуха, похоронивши его, сдѣлалась обладательницею его денегъ, и не имѣя дѣтей и никого изъ особенно близкихъ, долгое время пребывала въ такомъ положеніи. Наконецъ купивши Кубрика, — онъ же и Манесь, — приняла его къ себѣ въ услуженіе и при смерти оставила ему плоды не юбраго наслѣдства, какъ бы ядъ аспидовъ, ко вреду и гибели многихъ.

Гл. 4. Такимъ образомъ и Кубрикъ, наименовавшій себя Манесомъ, жилъ между Персами и съ ними бесѣдовалъ. И такъ какъ никто ему не вѣрилъ, но слышавшіе Манихейское ученіе не терпѣли его и всѣ изумлялись нововведенію, чрезвычайному баснословію и пустому обману; то онъ, видя, что собственныя его злохудожныя словоплетенія разрушаются, будучи оболъщенъ умомъ, придумываетъ себѣ какой нибудь способъ, посредствомъ котораго могъ бы утвердить свое страшное изобрѣтеніе. И когда распросганилась молва, что сынъ царя Персид-

скаго впалъ въ нѣкоторую болѣзнь и лежитъ въ царствующемъ градѣ Персіи (ибо не тамъ жилъ Манесъ, но гдѣ то въ другомъ мѣстѣ — вдали отъ царскаго города): тогда ослѣпленный своимъ нечестіемъ, и подумавъ, что по книгамъ, найденнымъ имъ послѣ господина его Тервинѳа, — онъ же и Будда, — наследника Скиѳіанова, онъ можетъ приготовить нѣкоторыя лѣкарства для царскаго сына, уходитъ изъ своего мѣста и спѣшитъ, и дерзновенно объявляетъ о себѣ, обѣщаясь принести пользу. Но не сбылась призрачная надежда чародѣя; онъ обманулся въ ожиданіи, поднесши болящему сыну царскому какое-то лѣкарственное снадобье. Мальчикъ наконецъ умираетъ на рукахъ его, чтобы обличились всѣ соединенныя съ ложью пустыя его обѣщанія. Когда это такъ случилось, то, по повелѣнію царскому, бросаютъ его въ темницу. Ибо цари Персидскіе не тотчасъ налагаютъ наказаніе на виновныхъ въ важныхъ и позорныхъ преступленіяхъ, но придумываютъ осуждаемымъ какой нибудь чрезвычайный смертный приговоръ съ пытками. Такъ было и теперь.

Гл. 5. Между тѣмъ Манесъ — онъ же и Кубрикъ — продолжалъ оставаться въ темницѣ, посѣщаемый при томъ своими учениками. Ибо обманщикъ этотъ уже собралъ себѣ, такъ сказать, воиновъ, которыхъ называлъ учениками. числомъ около двадцати двухъ. Изъ нихъ избралъ онъ какихъ-то троихъ: нѣкоего такъ

называемаго Өому, и Ермія и Адду, и такъ какъ услышалъ о распространенныхъ по Іудеѣ и во всемъ мірѣ священныхъ, то есть Христіанскихъ книгахъ—Закона, Пророковъ, Евангелій и Апостоловъ, то, давши вышеупомянутымъ людямъ золота, послалъ ихъ въ предѣлы Іерусалимскіе. Это однако онъ сдѣлалъ прежде, нежели былъ заключенъ въ темницѣ, когда своими разсужденіями съ народомъ не могъ утвердить своего ученія. Услышавъ же о имени Христа и Его рабовъ, то есть христіанъ, онъ рѣшился обмануть заблудшихъ во имя дѣла Христова. Тѣ отправившись и немедленно купили ему книги. Такъ какъ возвратившись находятъ его уже не на свободѣ, а въ темницѣ, то пришедши туда, показали ему книги. Взявши и тщательно разсмотрѣвши ихъ, онъ легкомысленно поступилъ, примѣшавъ къ истинѣ свою ложь, именно тамъ гдѣ онъ находилъ какое нибудь слово или названіе, которое по своему виду могло бы представить подобіе его мнѣнію. Такимъ-то способомъ старался онъ утвердить вымысль своего прикрашеннаго ученія. Между тѣмъ съ усиленною просьбою приставъ къ смотрителю темницы и давъ ему много серебра, спасается бѣгствомъ, и, оставивъ страну Персовъ, прибылъ въ Римское государство. Когда онъ былъ уже между Месопотаміею и Персіею, и находился еще въ пустыни, услышалъ онъ объ одномъ великомъ мужѣ, отличавшемся высокимъ

благочестіемъ. по имени Маркеллъ, жившемъ въ Месопотамскомъ городѣ Касхарѣ; этотъ человекъ былъ по всему христіанинъ и удивительный по дѣламъ правды. помогавшій вдовцамъ и бѣднымъ, сиротамъ и нуждающимся. Манесъ рѣшается пристать къ этому мужу. чтобы, имѣя его подъ рукою. можно было при его посредствѣ распространить свою власть не только въ Месопотаміи. но и по всей окрестности Сиріи и Римской державы. Онъ пишетъ къ нему посланіе съ Тирвономъ, однимъ изъ своихъ учениковъ. отъ предѣловъ рѣки Странга. изъ такъ называемаго укрѣпленія Аравіонъ. Посланіе это заключало въ себѣ слѣдующее. А ты возьми. прочитай и узнай злокозненность обманщика.

Посланіе Манихея.

Гл. 6. „Манихей. апостоль Иисуса Христа и со мною всѣ святые и дѣвственники. Маркеллу. чаду возлюбленному. благодать. милость. миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа. Десница свѣта да сохранитъ тебя отъ настоящаго вѣка лукаваго и прираженій его и отъ сѣтей лукаваго, аминь. Услышавъ о великой любви къ тебѣ. я весьма обрадовался; о вѣрѣ же не по правому ученію опечалился. Посему. будучи посланъ для исправленія рода человѣческаго и щадя вдавшихся въ обманъ.

я счелъ нужнымъ послать къ тебѣ это посланіе, къ спасенію во первыхъ души твоей, потомъ и пребывающихъ вмѣстѣ съ тобою, чтобы ты не держался не разсудительнаго мнѣнія, какъ учать предстоятели простѣйшихъ, которые говорятъ, будто добро и зло отъ одного и того же происходятъ, и вводятъ одно начало, не разсуждая и не различая тьмы отъ свѣта, добраго отъ злаго и худаго, и внѣшняго человѣка отъ внутренняго, какъ мы прежде сказали, но непрестанно смѣшиваютъ и сливаютъ одно съ другимъ. Ты же, чадо подобно многимъ людямъ, неразсудительно и просто не соединяй того и другаго, какъ случится, и не возноси хулы на Бога благостыни. Ибо начало и конецъ и вину сихъ золь относятъ къ Богу только тѣ, которыхъ *кончина клятвы близъ* (Евр. 6, 8). Они не вѣрятъ и тому, что сказано въ Евангеліяхъ Самимъ Спасителемъ нашимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, что не можетъ—дерево доброе приносить плодовъ худыхъ, ни дерево худое приносить плодовъ добрыхъ (Мат. 7, 18). И мнѣ удивительно, какъ они дерзаютъ называть Бога Творцомъ и Создателемъ сатаны и злыхъ его дѣлъ. И если бы до сего только доходило ихъ суетумудріе, и не говорили бы они, что Единородный изъ нѣдръ Отца нисшедшій, Христосъ есть сынъ нѣкоей жены Маріи, родился отъ крови и плоти и иной нечистоты женской. Но чтобы пространнымъ посланіемъ долго не умот-

реблять во зло твоего снисхожденія, я, не имѣя природнаго краснорѣчія, удовольствуюсь этимъ. Все же узнаешь, когда я буду у тебя, если только ты еще заботишься о своемъ спасеніи. Ибо я ни на кого не налагаю узъ (1 Кор. 7, 35), какъ дѣлаютъ многіе безразсуднѣйшіе. Подумай о томъ, что я говорю, дражайшее чадо“.

Гл. 7. Прочитавъ это посланіе, Маркеллъ, мужъ достойнѣйшій, весьма благочестивый и отличный, удивился и былъ пораженъ. Случилось, что Архелай, Епископъ того города, былъ вмѣстѣ съ нимъ дома въ тотъ день, когда этотъ рабъ Божій принялъ въ руки посланіе Манихея. Архелай, узнавъ причину и прочитавъ посланіе, заскрежеталъ зубами, какъ левъ рыкающій, и воспріявъ ревность Божию, думалъ поскорѣе отправиться къ нему и схватить его какъ пришлеца изъ варварскихъ странъ.—откуда и вышелъ онъ.—возставшаго на гибель сыновъ человѣческихъ. Разсудительный же Маркеллъ просьбами смягчилъ Епископа, а Тирвону велѣлъ отправиться къ Манесу въ укрѣпленіе Аравіонъ, гдѣ тотъ ожидалъ Тирвона. (Эта крѣпость находится между Персіею и Месопотаміею). Но онъ отказался отъ возвращенія къ Манихею; и Маркеллъ, не принуждая Тирвона, посылаетъ одного скорохода изъ своихъ, написавъ ему такое посланіе.

Посланіе Маркелла къ Манихею.

„Маркелль, мужъ славный, Манихею, извѣстному чрезъ посланіе, желаетъ здравія. Я получилъ написанное тобою посланіе. Тирвона я принялъ по дружелюбію моему, а смысла письма ни какъ не понялъ; развѣ ты, пришедши, не объяснишь ли все подробно на словахъ, какъ ты обѣщаль въ письмѣ. Прощай“.

Гл. 8. Узнавъ эго Манесъ замѣтилъ недоброе что то въ задержкѣ Тирвона—(много же разъ онъ обманываль себя, разсуждая объ иномъ вопреки дѣйствительности, вельдствіе излишней увѣренности въ своемъ умѣ); впрочемъ, получивъ поводъ въ письмѣ, поспѣшно прѣхаль къ Маркеллу. А Епископъ Архелай, кромѣ слова имѣя и ревность по вѣрѣ, рѣшился, если бы возможно было, какъ только узнаеть о его прибытіи, тотчасъ поймать этого человека, какъ тигра, или волка, или какого другаго звѣря, предать его смерти, чтобы отъ нападенія такого звѣря не повредилось стадо. Но Маркелль просилъ, чтобъ лучше Архелай поговорилъ съ нимъ великодушно и незлобиво. Онъ же узналъ уже всѣ основанія мнѣнія Манесова: ибо Тирвонъ разсказаль имъ, ему и Маркеллу, все суетсловіе ереси, именно, какъ Манесъ вводитъ два начала безначальныя, всегда

существоющія и никогда не престающія существовать, прогнѣположныя одно другому, и одному даетъ имя—свѣтъ и добро, другому—тьма и зло, такъ что они суть Богъ и дѣволъ. Иногда онъ называетъ обоихъ богами,—Богомъ благимъ и богомъ злымъ. Отъ этихъ двухъ началъ будто бы все имѣетъ бытіе и происхожденіе. И одно начало производитъ все доброе, а другое подобнымъ образомъ—злое. Въ мірѣ два эти начала имѣютъ личную дѣятельность: одно начало произвело тѣло, а отъ другаго произошла душа. Эта душа находится въ людяхъ, и во всякомъ животномъ, и въ птицѣ, и въ пресмыкающихся, и въ звѣрѣ; этого мало: даже въ растеніяхъ жизненную влагу онъ называетъ движеніемъ души, какая, говоритъ онъ, находится и въ людяхъ.

Гл. 9. Баснословствуя и уча, онъ говоритъ еще и другое, именно, что ядущій мясо съѣдаетъ душу и заслуживаетъ того, чтобъ самому сдѣлаться чѣмънибудь такимъ же. Такъ что, если кто ѣлъ свинину, тотъ послѣ сдѣлается свиньею. или воломъ, или птицею, или какимънибудь изъ ядомыхъ твореній. Посему Манихеи не употребляютъ въ пищу животныхъ. И если бы говорить, кто насадилъ или смоковницу, или маслину, или виноградъ, или сикомору, или персидское дерево, и если самъ уничтожилъ бы ихъ, то душа его послѣ связывается отпрысками насажденныхъ имъ деревъ и не

можетъ отъ нихъ освободиться. И если говорить, кто женится на женщинѣ, то, по изшествіи изъ сей жизни, онъ переселяется въ другое тѣло и становится самъ женщиною, чтобъ и ему выйдти за мужъ. И если, говоритъ, кто убилъ человѣка, того душа, по смерти тѣла, переходитъ въ тѣло прокаженнаго, или въ мышь, или въ змія, или будетъ чѣмъ нибудь такимъ же, чѣмъ былъ убитый. Онъ говорилъ еще, что вышняя Пречудрость благаго Бога желаетъ душу, разлитую повсюду, собрать: ибо онъ и за нимъ Манихеи говорятъ, что душа, есть частица Божества и что она, отдѣлившись отъ него и будучи взята въ плѣнъ князьями противоположнаго начала и корня, низвергается въ тѣла; сдѣлавшись нищею людей, ее похитившихъ, душа сообщаетъ имъ силу съ раздѣленіемъ по ихъ тѣламъ. По этому, говоритъ, вышеупомянутая Премудрость положила на небѣ сіи свѣтила—солнце, и луну, и звѣзды, устроивъ этотъ механизмъ посредствомъ чѣнадцати стихій, о которыхъ говорятъ Еллины. Сіи-то стихіи, утверждаетъ онъ, притягиваютъ къ себѣ души умирающихъ людей и другихъ животныхъ, если онѣ свѣтлы, а потомъ онѣ переносятся на ладью. Ибо солнце и луну онъ хочетъ считать перевозочными судами. И малое судно везетъ грузъ до пятнадцати дней, до полнолунія, и такимъ образомъ плыветъ, а съ пятнадцатаго дня грузъ перекладывается

на большее судно, то есть на солнце. Солнце же—этотъ большой корабль—перевозить въ вѣчную жизнь и въ страну блаженныхъ. Такимъ образомъ души перевозятся солнцемъ и луною. О тѣхъ душахъ, которыя вѣденіемъ причастились ихъ суетловія, говоритъ онъ, что онѣ, очистившись, удостоятся этого измышленнаго имъ преселенія. Напрогивъ душа никакъ не спасется, если не будетъ сколько нибудь участвовать въ этомъ вѣденіи. И много высокопарнаго въ этой поэзіи.

Гл. 10. Когда это было такъ, и Архелай узналъ все нужное къ отраженію вопроса, потому что имѣлъ многоразличное знаніе о Богѣ и изъ бесѣдъ съ Тирвономъ тщательно узналъ все. чѣмъ обманываетъ этотъ человекъ,—тогда Манесъ пришелъ съ бывшими съ нимъ мужами. Немедленно они вступаютъ въ публичное состязаніе въ самой Касхарѣ, предварительно избравъ вмѣстѣ для обсужденія спора судіями—нѣкоего по имени Марсина, Клавдія, Эгіалея и Клеовула, изъ которыхъ одинъ кромѣ риторства былъ философъ, другой—наставникъ врачебнаго искусства, третій—по природному расположенію—грамматикъ, четвертый—софистъ. Много было говорено съ каждой стороны; Манесъ излагалъ свое баснословное ученіе, а Архелай, какъ отличный воинъ, собственно своею силою отражалъ стрѣлы противниковъ. Наконецъ Манесъ потерпѣлъ пораженіе, и судьи

присудили награду истинѣ. — что неудивительно. такъ какъ истина самостоятельна и не можетъ быть уничтожена. хотя бы беззаконіе, поддерживаемое безстыдствомъ. и противодѣйствовало закону истины; тогда какъ ложь не имѣетъ ни стойкости, ни основанія, какъ мрачная тѣнь. невѣрный и не тверды ходъ змѣи. по причинѣ неизмѣнныя ногъ.

Гл. 11. Послѣ сего Манесь убѣждалъ, какъ какъ народъ хотѣлъ побить его камнями; и если бы не выступилъ на средину Маркеллъ и своимъ, внушающимъ уваженіе, лицомъ не устыдилъ народа, то этотъ несчастный давно бы былъ умерщвленъ. Послѣ того, какъ онъ удалился, приходитъ въ одно селеніе Калхарское называемое—въ Діодоридѣ. гдѣ въ это время находился тамошній пресвитеръ—Трифонъ. мужъ весьма кроткій. Въ бытность свою у него Манесь, овладѣвъ этимъ мужемъ, хотя и добрымъ и удивительнымъ по благочестію, но скуднымъ въ словѣ. опять началъ хвастаться и мутить. Но и при этомъ не могъ онъ, какъ предполагалъ. насмѣяться надъ рабомъ Христовымъ. Ибо Богъ всегда надѣющимся на него уготовляетъ и подаетъ дары Святаго Духа, какъ и обѣщаль Онъ неложный: *не пецуйтеся, что возлагодете: не вы бо будете глаголющии, но Духъ Отца Моего глаголяй въ васъ* (Мѡ. 10. 19. 20). Посему когда онъ опять захотѣлъ разсуждать съ Трифономъ пресвитеромъ. и тотъ

много говорилъ напротивъ, Трифонъ написалъ объ этомъ предметѣ къ Архелая слѣдующее: „сюда пришелъ нѣкоторый мужъ, какъ волкъ тяжкій, и покушается погубить паству. Прошу, напизи мнѣ, что мнѣ съ нимъ дѣлать, или какими бы словами говорить мнѣ противъ его злаго ученія. А если бы ты удостоилъ прійти самъ, то сдѣлалъ бы безпечальною паству Христову и овецъ Его“. Тотъ послалъ ему двѣ книги, чтобъ быть на готовѣ состязаться съ Манесомъ, но велѣлъ ему дожидаться своего прибытія. Между тѣмъ Манесъ пришелъ рано утромъ въ средину селенія, приглашая самъ собратыя и звать Трифона идти на состязаніе. И когда Трифонъ явился и отвѣчалъ на его вопросы по Богодарованному ему разумѣнію, и тревожилъ обманщика слегка, такъ какъ сомнѣвался въ самомъ себѣ; тогда появляется Архелай, какъ сильный домовладыка, заботящійся о своихъ и подойдя съ дерзновеніемъ, гнѣвно обратился противъ покушающагося татя. Какъ скоро Манесъ увидѣлъ Архелая, по лицемѣрью льстиво сказалъ: „позволь мнѣ разсуждать съ Трифономъ, ибо меня превышаетъ твое Епископское достоинство“. Но онъ обличительнымъ словомъ показавъ, что Манесъ—величайшій лицемѣръ, заградилъ уста его и, сдѣлавъ разрѣшеніе на предложенные имъ вопросы, еще разъ привелъ его въ стыдъ, такъ что онъ не могъ раскрыть рта. Въ свою оче-

редь народъ. воспріявъ ревность. покушался наложить руки на этого злодѣя. Онъ же, убѣжавъ отъ народа, опять ушелъ въ вышеупомянутое укрѣпленіе Аравіонъ.

Гл. 12. Царь Персидскій, узнавъ о бѣгствѣ Манеса, послалъ, и схвативъ его въ вышеупомянутомъ укрѣпленіи, безславно привезъ его оттуда въ Персію и, приказавъ содрать съ него кожу заостренной палочкой тростниковой, такимъ образомъ воздалъ ему наказаніе. Эта содранная съ него тростникомъ кожа, набитая соломой, находится еще и теперь въ Персіи. Такъ онъ покончилъ жизнь. Оттого Манихеи устрояютъ себѣ постели изъ тростника. Такъ онъ умеръ и оставилъ своихъ учениковъ, о которыхъ мы сказали, Адду, Өому и Ермія, которые, прежде нежели онъ принялъ казнь указаннымъ образомъ, были посланы имъ.—Ермія въ Египеть, и съ нимъ многіе познакомились (ибо эта ересь не древняя и знающіе вышеупомянутаго Ермія, ученика Манесова, рассказывали намъ о немъ); Адда былъ посланъ въ верхнія страны, а Өома въ Іудею; отъ нихъ это ученіе укрѣпилось тамъ доселѣ. Манесъ говорилъ о себѣ, что онъ есть Духъ утѣшитель: иногда называлъ онъ себя Апостоломъ Христовымъ, а иногда Духомъ Утѣшителемъ. Велико зловѣрное разнообразіе его ослѣпленія!

Гл. 13. Теперь, возлюбленные, намъ нужно наконецъ сказать противъ ереси и ея суетуд-

рія (ибо все предшествовавшее я рассказалъ исторически), именно съ чего началъ зловредный Манесъ учить, писать и говорить въ своей книгѣ о вѣрѣ. Ибо онъ издалъ различныя книги. Одна равночислена двадцати двумъ буквамъ Сирской азбуки, и составлена по алфавиту: ибо весьма многіе изъ Персовъ, кромѣ персидскихъ буквъ употребляютъ и Сирское письмо, какъ у насъ многіе народы употребляютъ Еллинскія письма, хотя почти у каждаго народа есть собственныя письма; иные хвалятся богатымъ Сирскимъ нарѣчіемъ. иные нарѣчіемъ Пальмирскимъ,—имъ и азбукою; а буквъ двадцать двѣ. Посему и эта книга раздѣлена на двадцать два отдѣленія. Названіе этой книгѣ онъ даетъ: „Таинства Манихея“, а другой „Сокровище“. Думаютъ, что онъ сочинилъ и другія книги.—такъ называемое „малое Сокровище“, и еще „объ Астрологіи“. Ибо у нихъ нѣтъ недостатка въ любопытствѣ и о такихъ предметахъ; но большій поводъ къ хвастовству подаютъ имъ Астрономія. У нихъ употребляются и амулеты. то есть привѣски, и нѣкоторыя другія заговоры и волхвованія.--Вотъ что самъ Манесъ начинаетъ говорить въ своей книгѣ.

Гл. 14. „Существовали Богъ и матерія, свѣтъ и тьма, добро и зло. совершенно между собою противоположныя. такъ что ни въ чемъ другъ съ другомъ не имѣли общенія“. Такъ говоритъ этотъ обманщикъ въ предисловіи. Потомъ на-

чинаются его злоухищренія. Книга эта написана широко и содержитъ другія такія же мысли, которыхъ темноту и противорѣчіе въ словахъ должно имѣть въ виду съ самаго начала разсмотрѣнія. Хотя тамъ есть и еще много пустословія и баснословныхъ предположеній, но изъ предисловія откроется его лукавство. Ибо что онъ сказалъ: „существовали Богъ и матерія“.—то не уступаетъ пустому предположенію Еллиновъ. Но это пустое лжемудрованіе не трудно обличить; оно не важно, и удобо-разрѣσιμο. Ибо существовать вмѣстѣ и въ одно время двумъ вѣчнымъ невозможно. по здравому смыслу и разумному понятію всякаго умѣющаго благоразумно судить. И это должно быть извѣстно всякому, имѣющему разумъ. Ибо если два такія начала современны, то онѣ не могли бы различаться и по имени, потому что все современное и совѣчно. Совѣчное же и всегда существующее есть Богъ, потому особенно, что Онъ не получилъ начала отъ какой нибудь причины. Ибо ничто не вѣчно, кромѣ Бога. Ты, варваръ умомъ и врагъ человѣческой природы, обозначилъ однѣ и тѣ же начала различными названіями. Одно назвалъ свѣтомъ, другое—тьмою, одно—добромъ, другое—зломъ. И говоришь, что рѣшительно во всемъ онѣ между собою противоположны, такъ что одно съ другимъ ничего не имѣютъ общаго. И такъ ты отдѣляешь ихъ одно отъ другаго; это ясно.

потому что, какъ ты говоришь, онѣ противоположны. Если же онѣ существуютъ вмѣстѣ, то окажется, что онѣ между собою дружелюбны и согласны, существуютъ вмѣстѣ и имѣютъ общеніе и совершенно не чуждаются другъ друга—по преизбытку содружества. Если же онѣ существуютъ отдѣльно другъ отъ друга, то, безъ сомнѣнія, каждое изъ нихъ конечно. А все конечное несовершенно; ибо ограничивается конечностью. Да и нужно отыскать предѣлъ для разграниченія того и другаго, чтобы оба, соприкасаясь между собою предѣлами, не смѣшались одно съ другимъ своими предѣлами, не сообщились другъ съ другомъ и не уничтожили границы противоположности. И если ты помѣстишь среди обоихъ что нибудь раздѣляющее, то это раздѣляющее уже не подобно имъ, а отлично отъ того и другаго; ибо если раздѣляющее одною частію будетъ подобно одному изъ двухъ вышеупомянутыхъ вѣчныхъ началъ, то раздѣляющее уже не будетъ отлично отъ того, чему подобно, но будетъ соединено съ тѣмъ, чему подобно, и соединеніе произойдетъ посредствомъ уравниваемой части, и уже не будетъ разграниченія въ разстояніи двухъ естествъ, одного отъ другаго. Если же раздѣляющее не подобно двумъ и не причастно какою либо частію одного изъ нихъ, то будетъ уже не два вѣчныхъ и всегда существующихъ, но три, и уже не два начала, и не два первоначальныхъ, взаимно противополо-

ложныхъ. но будетъ еще третье иное. и противоположное обоимъ. неподобное обоимъ, раздѣляющее между двумя, несообщающееся ни съ тѣмъ ни съ другимъ по причинѣ различія въ природѣ, и не имѣющее сродства ни съ тѣмъ ни съ другимъ. Итакъ будетъ ихъ уже не два, а три. Но тогда нужно будетъ отыскивать иное посредствующее, четвертое, введшее этотъ предѣлъ. Ибо два не могли установить этого предѣла, или этой стѣны, если бы не былъ иной установитель предѣла, введшій раздѣленіе между обоими. Но онъ долженъ быть и опытенъ въ знаніи, и разсудителенъ въ нравственномъ отношеніи, и справедливъ. и знаменитъ, такъ чтобы могъ склонить обоихъ къ мирному соглашенію. Итакъ будетъ одинъ установитель предѣла, и одно раздѣляющее, и два раздѣляемыхъ предѣлами, и уже не два только начала, но и три, и четыре. Такимъ образомъ должно будетъ обращаться мыслию ко многимъ началамъ. и оставивъ существующее выдумывать несуществующее.

Гл. 15. А что касается до того, что этотъ заблудшій старается, какъ бы не примѣшать зло къ Божеству, то дѣйствительно нелѣпо приписывать зло Богу. Но въ начертаніи церковнаго ученія признается, что Божество совершенно чуждо и непричастно злу. Ибо не сотворилъ Богъ ничего злаго, но *вся добра зло* (Быт. 1, 31), будучи благъ по природѣ, непо-

стижимъ по существу, все объемля, а Самъ ни чѣмъ не объемлемый. Такимъ образомъ зло и не всегда было, и не отъ Бога произошло. Посему, если зла не было и не есть оно вѣчно, и не отъ Бога произошло, остается спросить, какимъ образомъ и откуда не существовавшее— вѣчно, а имѣвшее начало бытія, престающее и погибающее и пребывающее не доконца.—получило начало. А пока этого станемъ доискиваться, прежде нужно размыслить, что такое зло и каково оно и въ чемъ состоитъ зло, и есть ли оно что нибудь описуемое, имѣетъ ли оно, такъ сказать, тѣло, или личность, и можетъ ли имѣть корень. И когда это разсмотримъ въ себѣ, окажется, что зло не имѣетъ личнаго бытія, не имѣетъ никакого корня, но находится только въ дѣлахъ при совершеніи практической человѣческой дѣятельности. Ибо зло есть, когда мы дѣлаемъ, и оно не существуетъ, когда не дѣлаемъ: такъ какъ умъ открываетъ, что значитъ сдѣлать худое, неугодное Богу, что однако не можетъ противорѣчить Богу, ни противоборствовать Божественному. Ибо все что можетъ быть изстреблено и уничтожено людьми, тѣмъ болѣе не можетъ сопротивляться Богу.

Гл. 16. Въѣтъ съ тѣмъ и о діаволѣ должно судить такъ, что онъ не былъ при сотвореніи созданъ злымъ по природѣ, но самъ по времени измыслилъ дѣлать зло: хотя не было не извѣстно, каковъ онъ будетъ, но что сотворенъ

онъ. по преизбытку правды. какъ и все другое. хорошимъ и полезнѣйшимъ: потому что Богъ. по преизбытку благодати, восхотѣлъ. чтобы все и все существовали. и блага свои всемъ предложилъ. а по изволенію воли своей дозволяетъ всемъ исполнять собственные желанія. чего бы кто ни захотѣлъ сдѣлать. такъ что Самъ Богъ не виновенъ во злѣ и есть различіе какъ между преуспѣвающими въ добродѣтели. такъ и между получающими награды отъ Его человеколюбія и благодати. Но этотъ безумный Манесъ. желая устранить Бога отъ зла. напротивъ приписалъ Ему вмѣстѣ съ тѣмъ большее зло. Онъ не стыдится охуждать всю тварь: взявъ поводъ отъ бывающихъ съ нами паденій и простерши ихъ одинаково на все твореніе. онъ сдѣлался скорѣе защитникомъ и заступникомъ зла, которое. какъ говоритъ. отвергаетъ. а на самомъ дѣлѣ вмѣсто ненависти обращаетъ къ нему нѣкоторую любовь и участіе. когда даетъ ему состоятельность и провозглашаетъ оное вѣчнымъ. всегда существующимъ съ Богомъ и никогда не престающимъ существовать. И этими самыми именами. какія даетъ онъ злу во всехъ своихъ сочиненіяхъ. онъ будетъ обличенъ въ отступленіи отъ истины. такъ какъ изъ предложенныхъ имъ свидѣтельствъ видно. что сотворенное создано отъ Бога хорошимъ.

Гл. 17. И во первыхъ—что онъ назвалъ матеріею. то по его же понягю выходитъ раз-

рушеніе и прежде всего. — если зло есть разрушеніе, то оно было бы разрушеніемъ чего нибудь. Если оно есть разрушеніе инаго, само же постоянно пребываетъ, значить оно искони разрушало существующее и одно только существовало въ такое продолжительное время, проявляя дѣятельность своей силы и не истребляясь. Если же оно есть саморазрушеніе, то, разрушая, подавляя себя, истребляя и погубляя, оно уже сгибло и не устоитъ, будучи истребительно и разрушительно для себя. Какъ же оно устояло, существуя столько времени, по словамъ обманщика? Вмѣстѣ съ тѣмъ оно совершенно не будетъ имѣть общенія съ жизнію и вмѣстѣ съ тѣмъ не окажется въ немъ ни жизни, ни добра. А такъ какъ въ каждомъ изъ оужденныхъ имъ твореній есть и добро, то и распалось со всѣхъ сторонъ его ученіе о злѣ, потому что одно изъ такъ называемыхъ у него началъ имѣетъ общеніе съ другимъ; это можно сказать на примѣръ о змѣяхъ и другихъ ядовитыхъ пресмыкающихся. Ибо въ тѣхъ существахъ, которыя сотворены на пользу, а у него оуждаются въ самомъ названіи, открывается и противодѣйствіе злу, что можно сказать о змѣяхъ и другихъ. Изъ нихъ выходитъ смертельный ядъ; въ нихъ же и противоядіе для избавленія отъ смерти и уязвленія тѣхъ, которые были укушены. И день данъ для работы людямъ, также какъ для свѣта и видѣнія. Но

и ночь. оуждаемая у него въ самомъ названіи, оказывается нѣкоторымъ успокоеніемъ. даннымъ отъ Бога людямъ. Итакъ оказывается, что каждая вещь хороша и не можетъ заимствовать имя отъ нашихъ грѣховъ, или считаться одноименною со зломъ.

Гл. 18. Ибо все добро и пріятно *и ничтоже отлетьно* (1 Тим. 4, 4), по сказанному: *и се вся добра зло* (Быт. 1, 31) и нигдѣ нѣтъ корня зла. Поэтому и Богъ, въ началѣ, творя весь міръ по своей благодати, каждое изъ твореній призналъ добрымъ, какъ сказано: *и видѣ Богъ, яко добро.* дабы засвидѣтельствовать о добротѣ и уничтожить хитрость враговъ чело-вѣческой природы, которые посредствомъ лувыхъ басенъ умыслили истребить между людьми истину. Въ первый день сотворилъ онъ небо и землю, и свѣтъ и что въ землѣ: *и видѣ, и се добро,* говоритъ Писаніе (Быт. 1, 4). Да развѣ Онъ не зналъ, что сотворитъ хорошо, когда, послѣ сотворенія говоритъ: *се добро?* Такъ говорится по порядку и о водахъ, о морѣ, о растеніяхъ, о птицахъ, пресмыкающихся и рыбахъ. Ибо о каждомъ говорится: *и видѣ Богъ, и се добро.* Это не потому,—будто Онъ не зналъ прежде, и не потому, что Онъ послѣ сотворенія на опытѣ узналъ, что хорошо, но имѣя въ виду мнѣніе неблагонамѣренныхъ, отъ начала бытія предрекъ, что все хорошо и нигдѣ нѣтъ зла; такъ какъ по освидѣтельство-

ванію — все добро и хорошо и, по истиннѣйшему свидѣтельству о добрѣ. онъ назвалъ все хорошимъ, и въ этомъ заключается отсутствіе всего не добраго и всякаго зла. И это для того еще, чтобы словами: все добро, разрушить измышленное людьми ученіе о злѣ, и дабы совершенно уничтожить всякое злонравное мнѣніе вводящихъ это ученіе. Потомъ, дошедши до человѣка, не сказалъ: *добро*, не потому, чтобы былъ какимъ нибудь зломъ человѣкъ, который есть превосходнѣйшее изъ всѣхъ твореній на землѣ, который Богомъ по неизрѣченной мудрости созданъ для обладанія, которому Богъ имѣлъ предать во власть все, Имъ созданное, какъ сказано: *сотворимъ человека по образу нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, и пресмыкающимися по земли, и скотами, и звѣрьми и всѣмъ что есть на землѣ* (Быт. 1. 26). Но поскольку онъ сотворенъ по образу Божію, то Священное Писаніе удовлетвовалось симъ достоинствомъ, не считая уже нужною прибавку. Ибо если онъ получилъ образъ самой Благости, то есть — Господа Бога, Зидителя всякой твари и благаго, изъ Котораго всякій источникъ благостыни, отъ Котораго благо существуетъ во всемъ, то какую нужду имѣлъ онъ еще услышать свидѣтельство: *се добро*, когда получилъ образъ Самаго Добра? На послѣдокъ, при концѣ всего, по совершении всего творенія, Слово Божіе запечатлѣвъ

предложило гоже свидѣтельство о всѣхъ тваряхъ. говоря: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра злю* (ст. 31) съ прибавленіемъ слова: *зло*. Это былъ день шестой, а седьмой—день покоя. чтобы по уничтоженіи корня ученія о злѣ никто уже не нашелъ повода къ дерзновенію. почитать зло вѣчно существующимъ. Не дано мѣста и самой рѣчи объ немъ. Ибо нигдѣ не было зла. такъ какъ все было *добро злю* и произошло отъ благаго Бога и засвидѣтельствовано Имъ.

Гл. 19. Названіе же вещества двояко. Одно, какъ сказалъ я, по мнѣнію этого заблудшаго, есть названіе дѣйствія и тлѣнія разрушительнаго. А мы привыкли называть веществомъ то, изъ чего устроается каждая вещь у занимающихся искусствами: какъ напримѣръ—вещество дерева, вещество глины, изъ которой что либо дѣлается, вещество золота, вещество серебра. Веществомъ же (матеріею) называется нѣкоторое произведеніе, скопляющееся въ тѣлѣ отъ порчи соковъ. Пусть же говоритъ этотъ новоявленный прорицатель, возвѣщающій бывшее прежде вѣковъ. Ибо онъ осмѣлился называть себя и Духомъ Утѣшителемъ,—иногда же именуегъ себя, какъ сказалъ я. Апостоломъ Иисуса Христа, тогда какъ онъ не принималъ на себя никогда вида голубя, и не былъ посланъ съ неба Апостоламъ для облеченія ихъ силою нетлѣнія, какъ Духъ Утѣшитель, Котораго обѣ-

товаль Единородный, опредѣливъ послать Его *не по мнозыхъ сихъ днехъ* (Дѣян. 1. 15), но тотчасъ послѣ своего вознесенія, какъ сказалъ: *иже азъ иду, Онъ придетъ* (Іоан. 16, 7). Вскорѣ по возвращеніи съ горы Елеонской Апостолы въ горницѣ исполнились Духа Святаго, какъ написано: *и явишася имъ раздѣлени языцы огненни* и исполнися *домъ яко дыханія бурна, и стде Духъ на коемждо ихъ*, и глаголали языками чудеса Божіи. *и кійждо слышашу своимъ языкомъ. Бяху же отъ всего рода, иже подѣ небесемъ* (Дѣян, 2. 2. 3. 5. 6), и каждый угѣшаемъ былъ Духомъ, Апостолы — дарованіемъ Духа, а всѣ народы — провозглашеніемъ удивительнаго ученія Божія. Если бы обманщикъ этотъ, по истинѣ безумный и соотвѣтствующій своему имени, былъ Духъ Утѣшитель. Котораго Господь обѣщалъ ученикамъ, то оказалось бы, что Апостолы скончались, не получивъ обѣтованія, которое услышали отъ неложнаго Господа: примете даръ Святаго Духа *не по мнозыхъ сихъ днехъ* (Дѣян. 1. 5). Но Манесъ оказывается обманщикомъ, обогавъ Христа, будто Онъ не исполнилъ сказаннаго Имъ. Ибо прешель родъ Апостоловъ, то есть отъ Петра до Павла и до Іоанна, прожившаго въ мірѣ до временъ Траяна. Прешель и Іаковъ, первый Епископъ въ Іерусалимѣ, названный братомъ Господнимъ (сынъ Іосифа, рожденный отъ собственной его жены.

съ прочими своими братьями. съ которыми вмѣстѣ находясь Господь Исусъ Христосъ. родившійся по плоти отъ Приснодѣвы Маріи. имѣлъ ихъ вмѣсто братьевъ, называясь ихъ братомъ). и сопрестольники Его все свѣтыя. и съ ними Симонъ. сынъ Его дяди по отцу.—сынъ клеопы, брата Иосифова. Я представилъ ниже время ихъ жизни по порядку и въ связи отъ Епископа Іакова. т. е. Епископовъ. бывшихъ преемственно въ Іерусалимѣ. и императоровъ. бывшихъ при каждомъ. до времени вышеуказаннаго Авреліана и Проба. когда сталъ извѣстенъ этотъ Манесъ. Персіянинъ. произведшій на свѣтъ такое уродливое ученіе. Этотъ порядокъ слѣдующій:

Гл. 20. 1. Іаковъ. пораженный древомъ, пострадалъ въ Іерусалимѣ, доживъ до времени Нерона.

2. Симеонъ—распятъ при Траянѣ.

3. Іуда.

4. Захарія.

5. Товія.

6. Веніаминъ.

7. Іоаннъ — жилъ до девятнадцатаго года Траяна.

8. Матѳій.

9. Филиппъ.

10. Сенека.

11. Іустъ—при Адрианѣ.

12. Левій.

13. Вафрій.

14. Іосія.

15. Іуда—до одинадцатаго года Антонина.—
Сїи епископствоваѣ въ Іерусалимѣ изъ обрѣ-
занныхъ. А изъ язычниковъ слѣдующіе:

16. Маркъ.

17. Кассіанъ.

18. Пуплій.

19. Максимъ.

20. Іуліанъ.

Всѣ сїи были до десятаго года Антонина
благочестиваго.

21. Гаіанъ.

22. Симмахъ.

23. Гаій—во дни Вера, въ осьмой его годъ.

24. Іуліанъ.

25. Капитонъ.

26. Максимъ—до шестнадцатаго года Вера.

27. Антонинъ.

28. Валентъ.

29. Долихіанъ—до Коммода.

30. Наркиссъ.

31. Дій—до временъ Севера.

32. Германіонъ.

33. Гордій—до временъ Антонина.

34. Наркиссъ—снова при сынѣ Маммеи Алек-
сандрѣ, не Македонскомъ, а другомъ.

35. Александръ—при томъ же Александрѣ.

36. Мазабанъ—при Галлѣ и Волузіанѣ.

37. Гименей—при Аврелианѣ.

Отъ вознесенія Христова до Манеса и Императоровъ Аврелиана и Проба, по нѣкоторымъ лѣтописцамъ, прошло 276 лѣтъ, а по другимъ—246. И отъ того времени до нынѣ были другіе Епископы: Ваза, Германъ, Макарій, Максимъ, Кириллъ, Геренній, другой Кириллъ, Иларіонъ, нынѣ управляющій церковію, обвиненный въ общеніи съ аріанами.

А императоры, которыхъ времена совпадаютъ, по порядку были слѣдующіе: сначала Аврелианъ, царствовалъ еще годъ; Тацитъ—шесть мѣсяцевъ. Киръ, Каринъ, и Нумеріанъ—два мѣсяца. Діоклитіанъ—двадцать лѣтъ. Максимианъ, Ликиній, Константинъ, Констанцій, Юліанъ, Іовіанъ, Валентиніанъ, Валентъ, Граціанъ. Такъ что отъ упомянутаго Манеса до настоящаго времени, то есть до 13 года Валента, до 9 года Граціана и до 1 года Валентиніана младшаго—102 года. Въ четвертый годъ Аврелиана и во времена Епископа Іерусалимскаго Гименея пущено было въ міръ заблужденіе дѣйствиємъ и измышленіємъ обитавшаго въ Манесѣ діавола, чтобы обманомъ отвлечь отъ истины повѣрившихъ ему.

Гл. 21. И такъ отвсюду избличено его ухищреніе, чтобы умъ разсудительныхъ, узнавъ все въ точности, осудилъ лживую его выдумку. А все прочія мнимыя его мудрованія, исполненныя пустословія, двусмысленныя и несостоя-

тельные, осмѣиваются всеми умными. Если бы разбирать ихъ дословно и писать въ опроверженіе всѣхъ ихъ, то обличеніе противъ его сочиненія я бы довель до большаго объема. Но великими мужами уже превосходно сдѣланы обличительныя противъ него возраженія: Архелаемъ Епископомъ, какъ сказано выше, Оригеномъ, какъ я слышалъ, Евсевіемъ Кесарійскимъ и Евсевіемъ Емесскимъ, Серапіономъ Тмуитскимъ, Аѳанасіемъ Александрійскимъ, Георгіемъ Лаодикійскимъ, Титомъ и многими противъ него говорившими.

Нисколько не обременительно будетъ и отъ нашего убожества сказать не многое въ посрамленіе этого жалкаго человѣка для опроверженія его всячески заблуждающейся мысли, какъ мы уже и прежде сказали. Я хотѣлъ бы составить противъ него обличеніе не въ жестокихъ выраженіяхъ и могъ бы говорить мягко, если бы онъ не постыдился нагло хулить Господа всяческихъ, прямо отрицая самаго Творца, создавшаго все пространство неба и земли и всего, что въ нихъ находится, и все сущее въ мірѣ и измышляя какого-то другаго Бога, не существующаго, а существующаго оставляя. Ибо онъ отпалъ отъ истины и на немъ исполнилась на дѣлѣ смѣшная баснь, какъ воронъ, державшій во рту пищу и увидавшій въ водѣ тѣнь пищи, желая добыть еще пищи, лишился той.—которая у него была, и

не приобрѣлъ той, которой не было. Кто же потерпитъ этого хульника? Ибо если мы, имѣя отцевъ по плоти, не терпимъ, когда слышимъ отъ кого либо порицаніе ихъ. то тѣмъ болѣе ужели стерпимъ хулы вреднѣйшаго Манеса на Бога—Господа всяческихъ? И тогда какъ, по милости Божіей, дожди посылаются по Его благоугодію, этотъ хульникъ не стыдится говорить, что дожди не отъ Бога, а отъ истеченія Архонтовъ.

Гл. 22. А если говорить о другомъ, то кто не засмѣется, когда мимика Филістіона *) была можетъ быть сдержаннѣе, чѣмъ смѣхотворное сочиненіе Манеса. Ибо онъ баснословствуя учить, что существуетъ какой-то силачъ, который держитъ на плечахъ всю землю, и чрезъ тридцать лѣтъ когда, говорятъ, одно плечо устанетъ, онъ переставляетъ землю на другое плечо, и отъ этого бывають землетрясенія. Если бы это было, то было бы дѣломъ естественнымъ, а уже не Божіимъ. Но обманщика изобличають слова Спасителя, который сказалъ: *будьте благи, яко же отецъ вашъ небесный, яко солнце свое сіяетъ на праведныя и неправедныя и дождитъ свой дождь на злыя и благія* (Матѳ. 5, 48, 45); и еще: *будутъ труси по мѣсту и глади и пакубы* (24, 7). Но если

*) Филістіонъ, мимическій актеръ, умершій отъ громкаго смѣха. Евсѳвій время его жизни относитъ къ концу царствованія Августа

землетрясенія происходили естественно. или обыкновенно, такъ какъ землетрясенія часто бываютъ то въ той, то въ другой странѣ, случается же часто, что въ теченіе цѣлаго года каждую ночь трясется земля, ужели, когда заболѣтъ плечи у силача, онъ, не выдерживая труда, постоянно производитъ трясеніе? Кто стерпитъ такую глупую рѣчь? Чего же другаго легкомысленнаго не отважился онъ сказать? Онъ говоритъ, что души, вѣдѣніемъ постигшія его ложное ученіе, бываютъ принимаемы на луну, такъ какъ существо ихъ души становится свѣтло. По этому, говоритъ, луна бываетъ полная, а когда она наполняется душами умершими въ сознаніи невѣрности его ученія, она исчезаетъ. Потомъ, говоритъ, онѣ выгружаются съ луны, какъ съ малой ладьи на солнце, а солнце, говоритъ, принимаетъ ихъ и отводитъ въ блаженную жизнь. Злоба всегда будучи слѣпою. не чувствуетъ своего срама, поэтому изобличается своими словами, будучи не въ состояніи оправдать свою ложь.

Гл. 23. Во первыхъ сотворенъ былъ одинъ человекъ, Адамъ, отъ котораго родились сыны и дщери. А въ началѣ бытія міра. около сотаго года Адамова, или больше или менѣе, умерщвленъ Авель, будучи лѣтъ тридцати, или больше, или менѣе. Послѣ него, перваго убитаго, умираетъ на землѣ первозданный Адамъ девяти-сотъ тридцати лѣтъ, тогда какъ солнце и луна и звѣзды съ четвертаго дня утверж-

дены на небѣ и созданы. Что-жь сказать намъ, любезный? Признать ли намъ изобличеніе твоего безсмыслія? Какимъ образомъ луна въ теченіе девяти-сотъ тридцати лѣтъ могла быть безъ ущерба и полнолунія? Какими душами умершихъ наполнялась и изобиловала тогда луна? Говори. Но Манихей не зналъ, что есть умные люди, которыя вѣрятъ не словамъ ложнымъ, а самымъ истиннымъ доказательствамъ. Потомъ допустимъ, что это такъ, хотя этого нѣтъ (да не будетъ сего!), и что полная луна наполняется душами Манихеевъ; какимъ еще образомъ состоится такое предложеніе? Ибо если бы ни одинъ изъ Манихеевъ послѣ полнолунія не умиралъ, а былъ бы опредѣленный законъ умирать Манихеямъ до пятнадцатаго дня луны, послѣ же пятнадцатаго уже не умирать, пока съ луны сложенъ будетъ грузъ, чтобы опять начать ей наполняться съ новолунія,—эта ложь ихъ была бы вѣроятна. А теперь это нисколько не вѣроятно; потому что они умираютъ каждый день, и установленныя Богомъ стихіи совершаютъ свое теченіе. Такимъ образомъ опять не состоится это нагруженіе луны душами.

Гл. 24. А нѣкоторые изъ нихъ, по умысленію лукаваго, думаютъ, будто мать всего, уступивъ свою силу, сошла съ неба, чтобы обокрасть Архонтовъ и похитить у нихъ силу, которую они получили свыше. Онъ хотѣлъ

сказать, что Начала и Власти, вступившія въ войну съ живымъ Богомъ, похитили у него великую и непостижимую силу, которую онъ называетъ душею. О! великая нелѣпость! Всякій, у кого похищаютъ и насильно берутъ, становится ниже. Посему если Начала, всеоружіемъ возмутъ верхъ надъ благимъ Богомъ и отнимутъ у Него силу, то будутъ славнѣе Его. А Онъ, сперва уступивъ имъ, не можетъ опять отнять у нихъ силу, похищенную у Него, или все оружіе, такъ какъ сначала не въ силахъ былъ воспротивиться врагамъ. И кромѣ того, если когда и одержитъ опять побѣду и усилившись противъ враговъ отниметъ похищенную у него силу, то, поелику корень зла и начало безначальное еще остается и совершенно не можетъ истребиться, Начало, собравъ въ себѣ бѣдльшую силу, опять одолевъ, и усилившись властію опять отниметъ силу, полученную отъ благаго Бога; такимъ образомъ зло всегда будетъ воставать противъ него и никогда не будетъ сдержано, но не престанно будетъ похищать и будетъ терпѣть расхищеніе. А если повредившіеся въ умѣ и всячески обольщенные скажутъ, что если бы благій Богъ возвратилъ себѣ вѣкогда хотя отчасти все оружіе, у него похищенное, тогда бы онъ уничтожилъ и истребилъ Начала и Власти противной силы,—если это будетъ такъ, и если благій Богъ совершенно уничтожитъ ихъ и истребитъ, тогда пропала рѣчь этого обман-

щика, который говоритъ, что благій Богъ не справедливъ и не осуждаетъ грѣшника по суду, и не предаётъ мученіямъ и не умерщвляетъ. Ибо если Онъ старается совершенно уничтожить и истребить діавола, или какую нибудь другую противодѣйствующую силу, то Онъ, по его мнѣнію, или уже не будетъ благъ, какъ дѣйствительно содержится въ его ученіи, или Онъ истребляетъ зло, не смотря на то, что благъ. И такимъ образомъ Онъ будетъ Господомъ, который сотворилъ небо и землю, какъ и есть по истинѣ, который каждому воздаётъ по дѣламъ его, и по избытку благи челоуѣку доброму и потрудившемуся въ добрѣ подаютъ добро, а содѣлавшему злое воздастъ достойное. Такъ отвсюду изобличено ученіе его, отвращающее сердца людей въ противную сторону.

Гл. 25. Теперь по порядку представлю буквально, какъ слѣдуетъ, его мнѣніе, изъ сочиненій Архелая, написанныхъ въ его опроверженіе, какъ раскрылъ ему самъ Тирвонъ, одинъ изъ учениковъ Манесовыхъ, о которомъ я упомянулъ выше. Когда Епископъ Архелай и Маркелль спросили Тирвона о ученіи Манеса, Тирвонъ далъ отвѣты, которые я и предлагаю изъ его книги. Вотъ они.

Начало безбожнаго ученія Манеса.

Если желаете узнать вѣру Манеса, вкратцѣ послушайте меня. Онъ почитаетъ двухъ бо-

говъ не рожденныхъ, самобытныхъ, вѣчныхъ. одного противоположнаго другому. И одного представляетъ добрымъ, другаго злымъ, давъ одному названіе свѣта, другому — тьмы, и говоритъ, что душа въ людяхъ есть частица свѣта, а тѣло произведеніе матеріи, есть частица тьмы. Соединеніе и сліянiе ихъ, представляя то и другое въ подобіи, онъ объясняетъ такимъ образомъ: какъ два царя, исконные враги, сражаются другъ съ другомъ, и однакоже каждый владѣетъ своею частию: такъ тьма, подготовившись и выступивъ изъ своихъ предѣловъ, вступила въ борьбу со свѣтомъ. А когда благій Отецъ узналъ, что тьма появилась въ его землѣ, тогда онъ испустилъ изъ себя силу, называемую Матерію Жизни, и она произвела перваго человѣка и пять стихій, которыя суть: вѣтеръ, свѣтъ, вода, огонь и матерія. И облекшись въ нихъ какъ бы для приготовленія къ войнѣ, Онъ низшелъ долу и вступилъ въ войну съ тьмою. А князи тьмы, воюя противъ него, изъ его всеоружія, которое есть душа, нѣчто съѣли. Въ это время долу сильно былъ стѣсненъ отъ тьмы первый человѣкъ. И если бы Отецъ не услышалъ его молитвы, и не послалъ другую силу, испущенную Имъ, называемую Живымъ Духомъ, и если бы сошедши не далъ ему десницы и не вывелъ изъ тьмы, то давно бы первый человѣкъ, будучи побѣжденъ, находился въ опасности. Съ того вре-

мени Онъ оставилъ душу долу. Поэтому, когда Манихеи встрѣчаются другъ съ другомъ, то подаютъ одинъ другому правую руку въ знаменіе того, что они избавились отъ тьмы. Ибо во тьмѣ, говоришь, находятся всякія ереси. Тогда Живой Духъ сотворилъ міръ, и самъ, облекшись въ три другія силы, сошелъ долу и вынесъ оттуда Архонтовъ и утвердилъ ихъ на тверди, которая есть тѣло ихъ и сфера.

Гл. 26. Тогда Живой Духъ сотворилъ еще свѣтила, которыя суть останки души, и сдѣлалъ то, что онѣ идутъ кругомъ по тверди. И еще сотворилъ землю въ осми видахъ. А Силачъ снизу держитъ ее, и когда устанетъ держать, трясется и бываетъ виновникомъ землетрясенія не въ опредѣленное время. Поэтому благій Отецъ изъ нѣдръ своихъ послалъ Сына своего въ сердце земли и въ самыя дальніе предѣлы ея, дабы удовлетворить его справедливому желанію. И всякій разъ, какъ бываетъ землетрясеніе, это значить, что Силачъ или трясется отъ усталости, или переставляетъ землю на другое плечо. Тогда же и матерія сотворила изъ себя растенія, и когда онѣ были похищаемы нѣкоторыми Архонтами, она призвала всѣхъ первѣйшихъ изъ Архонтовъ и получила отъ нихъ по одной силѣ и создала человѣка по образу того перваго человѣка, и соединила его съ душою. Таково предположеніе о соединеніи души съ тѣломъ. А когда

Живой Отецъ увидаль душу стѣсненную въ тѣлѣ, Онъ, будучи благоутробенъ и милостивъ, послалъ Сына своего возлюбленнаго для спасенія души. Онъ послалъ его по этому поводу, и еще ради Силача. И когда пришелъ Сынъ, онъ преобразился въ видъ человѣка и представлялся людямъ, какъ человѣкъ, не будучи однако человѣкомъ, а люди подумали, что онъ родился. И такъ пришедши, онъ предпринимаетъ трудъ для спасенія душъ и устроилъ машину съ двѣнадцатю сосудами, которая, обращаясь кругомъ, поднимаетъ вверхъ души умершихъ. И взявши ихъ лучами, великое свѣтило очищаетъ ихъ и передаетъ лунѣ, и такимъ образомъ наполняется такъ называемый у насъ кругъ луны. Эти два свѣтила онъ называетъ кораблями, или перевозочными судами. Потомъ, когда луна сдѣлается полна, она перевозитъ ихъ къ восточному вѣтру, и такимъ образомъ облегчившись отъ бремени производитъ ущербъ; а потомъ опять наполняетъ судно, и опять нагружается поднятыми въ сосудахъ душами, до тѣхъ поръ, пока не искупитъ собственную часть своей души. Ибо всякая душа и всякое движущееся животное, говоритъ онъ, причастно сущности благаго Отца. Когда же луна передастъ грузъ душъ Эонамъ Отца, онѣ пребываютъ въ столпѣ славы, который называется воздухомъ совершеннымъ. Этотъ воздухъ есть столпъ свѣта, поелику онъ на-

полненъ душами очищаемыми. Вотъ причина. по которой спасаются души.

Гл. 27. А причина, почему умираютъ люди. слѣдующая: нѣкоторая дѣва красивая. разукрашенная и весьма льстивая старается увлечь Архонтовъ. вознесенныхъ Живымъ Духомъ на твердь и тамъ распятыхъ: мущинамъ она представляется благообразною женщиною, а женщинамъ—благовиднымъ и вождельнымъ мужчиною. и когда Архонты увидятъ ее разукрашенною. уязвляются любовію. и. не могли поймать ее. сильно воспаляются любовною страстію. такъ что лишаются ума. Когда они побѣгутъ, дѣва становится невидимою. тогда Великій Архонтъ спускаетъ отъ себя облака, чтобы гнѣвомъ своимъ навести мракъ на міръ. И такимъ образомъ. если сильно станетъ давить облака, тогда, какъ человѣкъ, изнемогаетъ отъ поту. а потъ его становится дождемъ. Равнымъ образомъ и Архонтъ. называемый Жатвою, если увлеченъ будетъ дѣвою. разливаетъ язву по всей землѣ, чтобы умерщвлять людей! Это тѣло по отношенію къ великому міру называется міромъ. И все люди имѣютъ внизу корни. связанные съ горними. И такъ когда онъ увлечется дѣвою, тогда начинаетъ рубить корни людей. и когда срублены будутъ ихъ корни, тогда появляется язва, и такимъ образомъ они умираютъ. А если вершины корня отъ этой работы зашатаятся. то происходитъ

и слѣдуетъ землетрясеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ трясется Силачь. Вотъ причина смерти.

Гл. 28. Скажу вамъ и о томъ, какъ переливается душа въ пять тѣлъ. Во первыхъ очищается малая часть ея, потомъ переселяется въ тѣло собаки, или верблюда, или другаго животнаго. А если душа совершила убійство, тогда она переходитъ въ тѣла прокаженныхъ. Если поймана будетъ на жатвѣ, то посылается въ тѣла зайкъ. Названія же души слѣдующія: умъ, понятіе, разумѣніе, размышленіе, смыслъ. А жатели, которые жнутъ, похожи на Архонтовъ, искони находящихся во тьмѣ, съ тѣхъ поръ, какъ они съѣли часть всеоружія перваго человѣка. Поэтому имъ необходимо переселиться въ траву, или въ бобы, или въ ячмень, или въ колосья, или въ овощи, чтобъ онѣ были сжаты и посѣчены. Кто ѣстъ хлѣбъ, то и ему нужно сдѣлавшись лѣбомъ, быть съѣденнымъ. Кто убьетъ птицу, тотъ будетъ птицею. Кто убьетъ мышь, тотъ самъ будетъ мышью. Кто богатъ въ этомъ мірѣ и отойдетъ изъ своего тѣла, ему нужно переселиться въ тѣло нищаго, такъ что онъ будетъ ходить и просить, и послѣ этого перейдетъ въ вѣчное мученіе. Такъ какъ это тѣло принадлежитъ Архонтамъ и матеріи, то кто насаждаетъ персидское дерево, необходимо будетъ переходить во многія тѣла, пока не свалится это дерево. Кто строитъ себѣ дѣмъ, тотъ разсѣется по всѣмъ

гѣламъ. Кто моется, тотъ свою душу сжимаетъ въ водѣ. Кто не приноситъ ничего въ даръ избраннымъ въ знакъ своего благочестія, тотъ будетъ мучиться цѣлыя поколѣнія, и преселится въ тѣла оглашенныхъ, пока не представитъ многихъ даровъ благочестія. Поэтому они предлагаютъ избраннымъ самое лучшее изъ яствъ. И когда захотятъ ѣсть хлѣбъ, то прежде всего молятся, обращаясь къ хлѣбу съ такими словами: „я тебя ни жалъ, ни молоть, ни толочь, и въ печку не ставилъ, но это сдѣлалъ другой и мнѣ принесъ: я ѣмъ ни въ чемъ невиновный“. И когда въ себѣ скажетъ это, тогда говоритъ оглашенному: „я помолился за тебя“, и такимъ образомъ онъ уходитъ. Какъ я сказалъ вамъ нѣсколько прежде, если кто жнетъ, тотъ будетъ жать: такъ, если кто броситъ пшеницу въ мельницу, тотъ брошень будетъ и самъ, или кто свалаетъ тѣсто, того самого свалаютъ, кто испекъ хлѣбъ, того испекутъ. Поэтому у нихъ запрещено это дѣлать. И еще: есть другіе міры свѣтилъ, которыя по захожденіи въ этомъ мірѣ, тамъ восходятъ. И если кто ходитъ по землѣ, тотъ портитъ землю, кто двигаетъ рукою, тотъ портитъ воздухъ, потому что воздухъ есть душа людей, и животныхъ, и птицъ и рыбъ, и пресмыкающихся. И если кто находится въ мірѣ, то я сказалъ вамъ, что это тѣло не отъ Бога, а отъ матеріи, и есть тьма, и должно оно помрачиться.

Гл. 29. О раѣ. Онъ не называется міромъ. Растенія въ немъ суть похоть и другія оболъщенія. растлѣвающія помыслы оныхъ людей. Древо въ раю. отъ котораго познають добро, есть Иисусъ и вѣденіе Его, находящееся въ мірѣ. Получающій оное различаетъ доброе и лукавое. Однако же и самъ міръ не есть дѣло Божіе, но онъ образовался изъ части матеріи, и поэтому все погибнетъ. А что похитили Архонты у перваго человѣка, то наполняетъ луну и очищается отъ міра ежедневно. И если выйдетъ отсюда душа, не познавшая истины, она предается демонамъ, дабы они укротили ее въ гееннѣ огненной, и послѣ наказанія она переселяется въ тѣла, дабы укротилась, и потомъ ввергается въ великій огонь до конца.

Гл. 30. О пророкахъ нашихъ онъ такъ говоритъ: есть духъ нечестія, или беззаконія тьмы, возникшей отъ начала; и поэтому прельщенные не говорили, ибо Архонтъ ослѣпилъ ихъ умъ. И если кто послѣдуетъ словамъ ихъ, тотъ умираетъ на вѣки, привязанный къ глыбѣ за то, что не получилъ вѣденія о Параклитѣ. Онъ заповѣдалъ однимъ своимъ избраннымъ, числомъ не болѣе семи, слѣдующее: „когда перестанете ѣсть, помолитесь и положите на голову елей, заклѣтый многими именами, для утвержденія этой вѣры“. А имена мнѣ не открыты: ихъ употребляютъ только тѣ семеро. И еще: чтимое у насъ и великое имя: Саваоѣ

есть природа человѣка и отецъ похоти. И поэтому простые люди поклоняются похоти, признавая ее богомъ.

Объ Адамѣ, какъ онъ сотворенъ, говорятъ такъ: сказавшій: *приидите. и сотворимъ чело-вѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26), или по образу, который видимъ, есть Архонтъ, сказавшій другимъ Архонтамъ: *приидите, дайте мнѣ отъ свѣта, который мы получили, и сотворимъ чело-вѣка по образу насъ Архонтовъ, который мы видимъ; это первый чело-вѣкъ. И такимъ образомъ сотворилъ чело-вѣка. Сотворили и Еву подобнымъ образомъ, давши ей отъ похоти своей, чтобы обольстить Адама. И чрезъ нихъ творческою силою Архонта совершилось твореніе міра.*

Гл. 31. Богъ не имѣетъ участія въ этомъ мірѣ, не радуется о немъ, потому что Архонты искони его ограбили и причинили ему скорбь. Ради этого Онъ посылаетъ и ежедневно изхищаетъ отъ нихъ душу свою при помощи этихъ свѣтилъ, солнца и луны, и всякая тварь подвергается расхищенію. А о глаголавшемъ съ Моисеемъ и съ Іудеями и священниками говорить, что это былъ князь тьмы, такъ что Христіане и Іудеи и язычники одно и то же, потому что почитаютъ одного и того же Бога. Онъ похотями своими обольщаетъ ихъ, не будучи Богомъ истины. Поэтому тѣ, которые надѣются на того Бога, глаголавшаго съ Моисеемъ

и пророками. вмѣстѣ съ нимъ будутъ связаны, потому что не надѣялись на Бога истины: ибо Онъ глаголаше съ ними сообразно съ ихъ похотями. Послѣ всего этого въ концѣ онъ говоритъ, какъ самъ написалъ: когда Старецъ покажетъ свой образъ, тогда Оиачъ скинетъ съ себя землю, и тогда выйдетъ великій огонь и потребитъ весь міръ. Потомъ пуститъ глыбу съ Новымъ Эономъ, чтобы все души грѣшниковъ были связаны на вѣкъ; это случится тогда, когда придетъ истуканъ. А все порожденія: Иисусъ, который на маломъ суднѣ, и Матерь Жизни, и двѣнадцать кормчихъ, и Дѣва Свѣта, и третій Старецъ, который на большомъ кораблѣ, и Живой Духъ, и Стѣна великаго огня, и Стѣна вѣтра, воздуха, воды и внутренняго живаго огня, обитаютъ при маломъ свѣтилѣ до тѣхъ поръ, пока огонь не потребитъ весь міръ: а во сколько лѣтъ это случится, я не узналъ. И послѣ этого произойдетъ возстановленіе двухъ природъ, и Архонты будутъ обитать въ дольнихъ предѣлахъ своихъ, а Отецъ въ горнихъ, получивши опять свое. Все это ученіе онъ передалъ троимъ своимъ ученикамъ, приказавъ каждому идти въ разныя страны. Ада получилъ на свою часть предѣлы востока. Томъ досталась земля Сирская, а Ермій предпринялъ путешествіе въ Египеть. И до сего времени они тамъ живутъ, желая утвердить тамъ предметъ ученія“.

Гл. 32. Это я предложилъ изъ книги вышеупомянутаго Архелая. И такимъ образомъ составилось училище Манеса для разсѣянiя плевель въ мiръ, и такъ изрыгнулъ онъ плевелы своего ученiя. Сколько можно противопоставить такой клеветѣ этого безстыднаго суетлова, всякому очевидно. Хотя бы и не была выглажена рѣчь для его опроверженiя, достаточно будетъ для его посрамленiя только знать, что имѣющее у нихъ силу закона несостоятельно и не имѣетъ никакого значенiя. Ибо предыдущее онъ разрушаетъ послѣдующимъ, а о послѣдующемъ говоритъ иначе сравнительно съ предыдущимъ. Онъ хочетъ мiръ производить то отъ Бога, то отъ Архонтовъ, и Богъ нисколько не виновенъ въ судьбѣ мiра, но самъ мiръ погибаетъ: то говоритъ, что твердь есть кожа Архонтовъ, то говоритъ, что она нѣкогда будетъ распята въ высотѣ на полюсѣ, будетъ двигаться и накрывать въ видѣ тучи, вздыматься и стремиться къ видѣнiю дѣвы и къ красотѣ юноши.

Гл. 33. Какой великинъ срамъ! Что гнуснѣе, отвратительнѣе и постыднѣе того, чтобъ изобразить Духа истины подъ видомъ женщины? Иногда же онъ говоритъ, что Онъ нѣкогда въ видѣ мущины явится Архонтамъ. Постыдно мущинѣ опьянѣть, сдѣлаться, какъ женщина, и явиться въ образѣ женщины: но гораздо постыднѣе женщинамъ, обратиться въ мушину

и носить образъ мушины. Не болѣе ли окажется оскорбляемымъ отъ этого выдумщика Манеса Духъ добродѣтели и Божественный? Какимъ же образомъ похотствуютъ тѣ, у которыхъ содрана кожа? Скажи мнѣ, любезный. Какъ послѣ того, какъ они распяты, содрана съ нихъ кожа? А если распяты, какъ они могутъ гонягся за невидимою Силою? Кто стерпитъ этого хульника, который опредѣляетъ кормить насъ по́томъ князей и посылать намъ дождь отъ срамнаго изверженія? Какъ самъ онъ съ своими учениками пьетъ это питье, почерпая оное изъ дождей? Не смѣшонъ ли тотъ, кто, одолѣваемый потребностію тѣлесною, пьетъ потъ? Какъ ни различенъ грѣхъ, но наказаніе невольно согрѣшающему не будетъ таково, какъ совершающему грѣхъ добровольно. Если бы и было такъ, чего да не будетъ (ибо выдумываегь неистовый обманщикъ), то другіе люди, когда черпаютъ и пьютъ, не зная, что это потъ и срамныя изверженія, болѣе достойны милостиваго прощенія, нежели тотъ, кто тщетно уязвляемый совѣстію, по своей немощи употребляетъ это питье и удовлетворяегь другимъ требованіямъ плоти.

Гл. 34. И много у него такого, въ чемъ устами лжи обмануль онъ своихъ послѣдователей. Подлинно, что у него не заслуживаетъ ослѣпленія? Напримѣръ онъ думаетъ, что съмена растеній, плодовъ и овощей суть души;

какъ это смѣшно. — мы постараемся сказать противъ его баснословія для его обличенія. Если зерна чечевицы, боба, гороха и другихъ растеній суть души, при томъ такова же душа и вола, то болѣе, по его ученію, заслуживаютъ похвалы ядушіе мясо. нежели ведущіе подвижническую жизнь. Какъ видно изъ его баснотворства, онъ боялся, чтобы ктонибудь, съѣвши одушевленную тварь. животное и другое чтонибудь, самъ не сдѣлался такимъ же, но бываетъ больше напротивъ. Человѣкъ пятьдесятъ. или сто, всѣ стануть ѣсть мясо одного вола, какъ это сообразно съ его пустою выдумкою; однако же въ обличеніе должно сказать, что пятьдесятъ или сто человѣкъ становятся повинны только въ одной душѣ. А кто ѣсть зерна растеній. тотъ за одинъ глотокъ пищи будетъ повиненъ болѣе, чѣмъ въ тридцати и сорока душахъ. И все у него пусто и смѣшно!

Гл. 35. Всякому имѣющему умъ о Господѣ, ясны свидѣтельства истины изъ самаго истиннаго ученія. Ибо для объясненія потребнаго для жизни человѣческой нѣтъ ничего истиннѣе Спасителя. А этотъ пришедшій къ намъ варваръ Персъ и рабъ умомъ,—ибо его нисколько не заботило то, что онъ рабъ по тѣлу,—говоритъ, что всѣ души равны и одна находится во всѣхъ. и въ людяхъ. и въ скогахъ, и въ звѣряхъ и пернатыхъ и пресмыкающихся, и въ живущихъ на воздухѣ птицахъ и въ морскихъ, въ дикихъ

животныхъ. и въ сѣменахъ растеній, въ деревьяхъ и во всемъ другомъ видимомъ. Но не такъ указаль Господь намъ. Если бы это было такъ, го. пришедши спасти человечество, Онъ прилагаль бы стараніе и попеченіе о исцѣленіи и скотовъ и подаваль бы воскресеніе павшимъ животнымъ. Но не такъ повѣсвуетъ и не такъ учить онъ, да не будетъ сего! Но Онъ даетъ знать, что спасаетъ души человѣческія, что кратко выразиль въ иносказаніи, говоря: я пришелъ только для овцы погибшей (Мат. 15, 24) и этими словами указываетъ на всю природу человѣческую. И что еще говоритъ? *Исцѣли всѣхъ, когорыхъ приведоша къ нему, мльсячныя и одержимыя различными недуги* (Мат. 4. 24). Къ нему приводили слѣпыхъ, глухихъ, увѣчныхъ, расслабленныхъ, маломощныхъ, и всѣмъ равно оказываль благодѣяніе и врачеваніе; но нигдѣ не написано, что приводили къ нему животныхъ. И еще: когда Онъ пришелъ въ страну Гергесинскую, какъ говоритъ Маркъ, или въ предѣлы Гергесинскіе, какъ говоритъ Лука, или Гацаринскіе, какъ говоритъ Матѳей, или Гергесинскіе, какъ находится въ нѣкоторыхъ спискахъ.— *ибо это мѣсто находилось въ срединѣ трехъ участковъ, — и се два бысна, люта злыо, отъ гробъ исходяща, возопиша, глаголюще: оставь, что намъ и тебѣ. Исусе, Сыне Божій, что пришелъ еси прежде времени мучити насъ? Мы знаемъ тя. Кто еси Святыи Божій, Бяше же*

стадо свиinei тамъ пасомо, и поляжу его бѣси, глаголюще, аще изгонши ны изъ людей, пошлѣ насъ въ свиней. И устремились въ море и погибли въ водахъ. Пасущіи же бѣжаша и возвѣстѣша во градъ (Мат. 8, 28—33). У Матѣея говорится о двухъ бѣсноватыхъ, а о свиніяхъ онъ замѣчаетъ просто и не показываетъ числа. А Маркъ въ точности обозначилъ и число свиней, именно, что Онъ пришелъ въ предѣлы Гергесинскіе и *срѣте Ею бѣсноватый*, который былъ связанъ *ужеи жельзны* и разрывалъ узы и во гробѣхъ жилъ, и возопилъ: *оставь, что мнѣ и тебѣ, Іисусе, Сыне Бога? Пришелъ еси прежде времени мучити насъ* (*). И спросилъ его Іисусъ: *что ти есть имя?* И сказалъ, — *что лелеонъ, яко бѣси мнози видоша въ онъ* (**). И молиша Ею не высылать ихъ *вънъ страны*, но послать въ свиней: *бѣ же ту стадо свиное пасомо, и повелъ имъ взойти въ свиней. И устремися стадо по бреву въ море (бяху же яко двѣ тысящи)* и утонули въ мори. И пасущіи ихъ бѣжаша и возвѣстѣша во градъ (Марк. 5, 1—14). Ужели Богъ Слово, ради насъ содѣлавшійся человѣкомъ, спрашивалъ по невѣдѣнію и не зналъ имени бѣса, прежде чѣмъ спро-

(*) Слово *пришелъ еси прежде времени мучити насъ* у Евангелиста Марка нѣтъ, они читаются у Матѣея (8, 29), а у Марка сказано *такъ мнѣ и тебѣ, Іисусе, Сыне Бога, не мучи насъ* (9, 7)

(**) Слова *яко бѣси мнози видоша въ онъ* въ такомъ видѣ читаются у Луки (8, 30), а у Марка такъ *яко мнози есмы* (5, 9)

силъ? но Богъ обыкновенно устами вопрошаемыхъ обнаруживаетъ прикрываемое въ каждомъ дѣлѣ. Такъ и здѣсь, чтобы показать страшную силу и множество демоновъ, дѣлаетъ вопросъ, дабы изъ устъ самаго бѣсноватаго открылось удивительное дѣло. *И молиша его бѣси, глаголюще: не посылай насъ въ бездну, но повели намъ войти въ свиней. И повелъ имъ. И внидоша во свинія. И устремися стадо свинное по берегу въ море и погубило въ водахъ* (Марк. 5, 12 и слѣд. Лук. 8, 31).

Гл. 36. О великое человѣколюбіе Божіе! Какъ Господь изобличаетъ ложь, а рабамъ своимъ показываетъ истину дѣлами и словами и всякимъ своимъ попеченіемъ. Ибо на дѣлѣ показаль, что не одна и та же душа и въ людяхъ, и въ скотахъ, и въ животныхъ. Еслибы была одна и таже душа, то почему, желая очистить одного, или спасти одну душу человѣка бѣсноватаго, попустилъ погибнуть сразу двумъ тысячамъ душъ, если бы душа была одна и таже? Какъ одного, или одну душу очищаетъ, а въ другія тѣла, или души позволяетъ войти бѣсамъ? Развѣ не ясны дѣла свѣта? Развѣ не при свѣтѣ приведены въ дѣйствіе сіи слова? Развѣ не свѣтель ликъ истины? Развѣ не ясно все разумѣвающимъ и право обрѣтающимъ разумъ (Притч. 8, 9.)? Кто, услышавъ это и сравнивъ, не изобличитъ Манеса, который сшиваетъ, чего не должно, для совращенія ума людей отъ дѣйствительности?

Но обманщики говорятъ опять. Я слышалъ, какъ одинъ разглагольствовалъ, когда выслушалъ отъ насъ это самое разсужденіе; обратившись, этотъ скотоподобный подумалъ, не можетъ ли онъ возражать противъ истины Божіей, и извергая слова, полныя насмѣшки, вздумалъ дѣйствовать ложью противъ истины и говорить: вѣдь, смерть была полезна для свиней, потому что души освободились отъ тѣла и спаслись.

Гл. 37. Какъ велико безуміе тѣхъ, которые не видятъ и слѣпотствуютъ умомъ и не принимаютъ чувствомъ слуха того, что сами говорятъ! Если онъ вообще признаетъ спасеніемъ освобожденіе душъ отъ тѣла, въ такомъ случаѣ Спасителю надлежало лучше отослать бѣсноватаго человѣка, чтобы спаслась душа по освобожденіи отъ тѣла человѣка. А Онъ, значить, больше любилъ души, находящіяся въ свиніяхъ, чѣмъ душу человѣка. Почему же Онъ не позволилъ и человѣку вмѣстѣ съ свиніями броситься въ море и умереть, чтобы всѣ души и человѣка и свиней очистить и спасти? Но не то мы видимъ; но Лазаря четверодневнога Онъ воззываетъ изъ гроба и воскрешаетъ и возвращаетъ въ міръ не зла ему желая и не причиняя ему что нибудь худшее. Ибо любилъ Онъ Лазаря, говоритъ Писаніе (Іоан. 11, 36). А если любилъ, то для чего заставилъ его возвратиться въ тѣло, если оно худо? Почему онъ лучше не оста-

вилъ однажды умершаго и освободившагося отъ гѣла? Да не подумаетъ кто либо, что Лазарь тотчасъ умеръ. Ибо святое Евангеліе ясно показываетъ, что возлежалъ Иисусъ и Лазарь возлежалъ вмѣстѣ съ Нимъ; да и въ преданіяхъ мы нашли, что тридцати лѣтъ былъ Лазарь тогда, когда воскресъ. А послѣ воскресенія онъ прожилъ еще тридцать лѣтъ и потомъ отшелъ ко Господу, и по смерти имя его произносится съ похвалою, подобно прочимъ, 10 дня воскресенія, когда Единородный, какъ обѣщаль, возвратитъ тѣло душѣ и душу тѣлу и воздастъ каждому, *яже содѣла, или блага или зла* (2 Кор. 5. 10).

Гл. 38—39. Если бы не было воскресенія гѣль, то откуда *скрежетъ зубомъ* (Мат. 8, 12)? Но да не скажутъ опять нѣкоторые, что сказалъ этотъ повредившійся въ умѣ, именно, что зубы устроены у насъ для жеванія. Какую же пищу мы будемъ ѣсть послѣ воскресенія мертвыхъ? Если Иисусъ по воскресеніи опять вкусилъ *рыбы печены часть и отъ пчелъ сотъ* (Лук. 24. 42) и съ учениками вмѣстѣ ѣлъ въ теченіе сорока дней (Дѣян. 1. 4), неужели и тогда будетъ вкушеніе пищи? И о пищѣ ясно сказано, что блаженъ, *иже съестъ хлѣбъ въ царствіи небесномъ* (Лук. 14. 15). И самъ Господь обѣщаль: *будете сидѣть на трапезѣ Отца моего, ядя и пия* (Лук. 22, 30). Но о яденіи и питіи Ему одному извѣстно, потому что *иже око не видѣ*

и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящимъ Его (1 Кор. 2, 9). А этого мѣста коснулись мы для изъясненія различія душъ. И дѣйствительно сама истина и приличный примѣръ (т. е. Лазаря) доказываютъ, что иная душа у человѣка, иная у скота, и что Господь пришелъ спасти душу не скота, а человѣка, потому что скоты не подлежатъ суду; но люди наследуютъ царство небесное и люди подлежатъ суду. Ибо, говоритъ Единородный. *идутъ сѣи на судъ вѣчный, а сѣи въ животѣ вѣчный* (Мат. 25, 46).

Гл. 40. Что же на это скажутъ изобрѣтатели вопросовъ? Когда они доведены будучъ до этого и не поймутъ ясности изреченія, они досадуютъ, вымышляя въ себѣ скорѣе возраженія, нежели уловляя для себя полезное, именно, что Матѳеи говоритъ о двухъ бѣсноватыхъ, а Лука повѣствуетъ объ одномъ. Но одинъ изъ Евангелистовъ говоритъ, что разбойники распятыя со Христомъ, хулили его (Мат. 27, 44), а другой говоритъ, что не только не хулили Его оба, но и даетъ знать объ отвѣтѣ одного: онъ *прецаше* другому и сказалъ: *ни ли ты боишия Бога, яко въ толѣсе осуждены мы, сѣи же святыи ничего не сдѣлааь.* И при семъ возгласилъ говоря: *помяни яя, Иисусе, егда приидеши во царствѣи Твоемъ.* И Спаситель сказалъ ему: *а яинь глаголю тебѣ, днесъ со мною будеши въ рай* (Лук. 23, 39—43). По видимому въ Писа-

ни здѣсь противорѣчіе, однако же все ясно. Ибо хогя у Матѳея упоминаются двое бѣсноватыхъ, но тѣ же и у Луки; поелику же Писаніе обыкновенно представляетъ причины совершающихся событій, поэтому Лука упоминаетъ не о двоихъ, а объ одномъ. Дѣйствительно двое было исцѣленныхъ отъ бѣсовъ, но одинъ пребылъ въ вѣрѣ, а другой отступилъ. Вслѣдствие пребыванія въ вѣрѣ тотъ послѣдовалъ за Иисусомъ, какъ говорится въ Евангеліи, куда ни готовъ былъ итти (Лук. 8, 38). По этому Лука опустилъ другаго, и упомянулъ только объ одномъ, который пребылъ въ царствіи небесномъ. И ничего не найдетъ здѣсь противорѣчащаго изслѣдователь истины.

Гл. 41. Вотъ и другой подобный случай по этому же предмету рассказываетъ Евангеліе, какъ бы имѣя въ виду одного. Господь очистилъ десять прокаженныхъ, и девять ушли и не дали славы Богу; а одинъ возвратился и остался тутъ и былъ похваленъ Господомъ, какъ сказалъ Онъ: *десять прокаженныхъ очистишася, почему же ни одинъ изъ нихъ не возвратился дати славу Богу, но только иноплеменникъ сей?* (Лук. 17, 18). Видишь, что, имѣя въ виду доброе чувство и дѣло благодарности, упоминаетъ объ одномъ вмѣсто десяти. По той же причинѣ одинъ Евангелистъ упомянулъ и о разбойникахъ. Ибо мы обыкновенно употребляемъ единственное вмѣсто множественнаго и множественное

вмѣсто единственнаго; говоримъ на примѣръ: мы рассказали вамъ, мы увидали васъ и идемъ къ вамъ; а говорятъ не двое, но одинъ, который тутъ находится, одинъ по заведенному обычаю говорить во множественномъ отъ лица многихъ. Такъ одинъ Евангелистъ поставилъ во множественномъ числѣ, а другой повѣствуетъ, что хулитель былъ одинъ, а другой исповѣдалъ и пріобрѣлъ спасеніе. Смотри, какъ видна во всемъ истина, и нѣтъ ничего противорѣчащаго въ писаніи. Впрочемъ разсматривая все это въ Писаніи, мы, какъ мнѣ кажется, расширили повѣствованіе. Но пусть будетъ для насъ трудъ въ распространеніи рѣчи, лишь бы обличить враговъ истины и порадовать сыновъ ея цѣлебными врачевствами истины.

Гл. 42. Посмотримъ еще на другія разсужденія обманщика. Онъ говоритъ, что два завѣта противны другъ другу и что Богъ, глаголавшій въ законѣ, есть иной, отличный отъ Бога въ Евангеліи. Тому даетъ онъ имя князя, а этого называетъ Сыномъ и Отцемъ, благимъ Богомъ своимъ. О если бы онъ говорилъ истину и обольщаясь не произносилъ хулы на самого себя! Съ этимъ словомъ мы и сами согласны, что благое порожденіе благаго Отца, свѣтъ отъ свѣта, Богъ отъ Бога, Богъ истинный отъ Бога истиннаго пришелъ къ намъ, дабы насъ спасти. *Во своя пріиде, а не въ чужое мѣсто. Свои Ею не пріяша. Елцы же пріяша Ею, даде имъ область*

чадо иже Божіи иже быти, иже не отъ крове, ни отъ плоти, но отъ Бога родишася (Іоан. 1. 11). Хотя никто въ мірѣ не родился безъ плоти и крови, но все родились, имѣя плоть и кровь. Ибо чѣмъ же они были прежде, нежели родились во плоти, или чѣмъ могли мы быть безъ плоти? Поселику же міръ произошелъ отъ Бога, и мы сотворенные рождены отъ плоти отцевъ и матерей, го Господь пришемъ породить насъ Духомъ и огнемъ. Мы родились и не можетъ никто отрицать перваго рожденія, ни того, что мы отъ плоти. А вторымъ рожденіемъ родились мы не отъ плоти, ни отъ крови, т. е. не пользуясь при помощи плоти и крови, но родившись Духомъ имѣемъ плоть и душу уже не плотскую, но кровь и плоть и душу, духовно соединенныя. *Где иже область чадо иже Божіи иже быти*, т. е. гѣмъ, которые перемѣнили мысли и угодили Богу плотию и кровію и душею. Пришедшій *во своя* не чужой, но Владыка всяческихъ. И посему говорить: *глаголавыи во пророцѣхъ, се азъ есмь* (Иса. 52. 6). И Іудеямъ сказалъ: *иже бысте вървали Моисеови, вървали бысте и мнѣ, о мнѣ бо той писа* (Іоан. 5. 46). И еще: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ видѣть день мой, и видѣ и возрадовася* (8. 56). Еще: *такъ творяху пророкомъ отцы ваши* (Лук. 6. 23). Также: *блаженни будете, егда поносятъ вамъ и рекутъ, всякое зло на вы, лжуще. Радуйтеся и веселитесь, яко гда*

ваша лица на небесяхъ. Тако бо изгнаша пророки яже прежде васъ (Матѳ. 5, 11, 12). И въ другомъ мѣстѣ: *Иерусалиме, избивый пророки и каменіемъ побиваяй посланныя, коль краты восхотѣлъ собрати чада твоя?* (Мат. 23, 37). Слово: *коль краты* показываетъ, что онъ старался чрезъ пророковъ собратъ Иерусалимъ. Если слово: *избивый пророки* говоритъ обличительно, значить Онъ заботится о пророкахъ. А кто заботился о пророкахъ, тотъ заботился не о чужихъ, а о своихъ. И *взыщется*, говоритъ, *крови проливаемая отъ крове Авеля до Захарию праведнаго, убитаго между церковію и олтаремъ* (Лук. 11, 50, 51. Мат. 23, 35). И еще: *взявши все и трапезы торжниковъ испроверже, и рече: не творите дому Отца моего дому купленнаго* (Мат. 21, 12. Іоан. 2, 16). И говоритъ Маріи и Іосифу: *что яко искасте Мене? Не вѣстели, яко въ тѣхъ, яже Отца моего достоинъ быти ли* (Лук. 2, 49)? И Евангеліе, послѣ того какъ Онъ сказалъ: *не творите дому Отца моего дому купленнаго* тотчасъ присовокупляетъ: *и помянуша ученицы Его, яко писано есть: жалость дому твоему снѣсть мя.* (Іоан. 2, 17).

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ТВОРЕНІЙ СВ. ЕПІФАНІЯ КИПРСКАГО.

	<i>Страница</i>
О Ностіанахъ, тридцать седьмой, а по общему порядку пятьдесятъ седьмой ереси	1
О Валесіяхъ, тридцать восьмой, а по общему порядку пятьдесятъ восьмой ереси.	18
О Каѳарахъ нечестыхъ, тридцать девятой, а по общему порядку пятьдесятъ девятой ереси.	26
Объ Ангелісахъ, сороковой, а по общему порядку шестьдесятъ десятой ереси.	46
Объ Апостоликахъ, сорокъ первой, а по общему порядку шестьдесятъ первой ереси.	48
О Савелліанахъ, сорокъ второй, а по общему порядку шестьдесятъ второй ереси.	60
Объ Оригенистахъ первыхъ, —они же и срамные,—сорокъ третьей, а по общему порядку шестьдесятъ второй ереси.	73
Объ Оригенѣ который зовется и адамантовымъ,—сорокъ четвертой, а по общему порядку шестьдесятъ четвертой ереси.	80

Книги второй противъ ересей--отдѣленіе второе 223

Содержаніе.

- О Павлѣ Самосатскомъ, сорокъ пятой, а по общему порядку шестьдесятъ пятой ереси. 224
- О Манихеяхъ, сорокъ шестой, а по общему порядку шестьдесятъ шестой ереси. 341